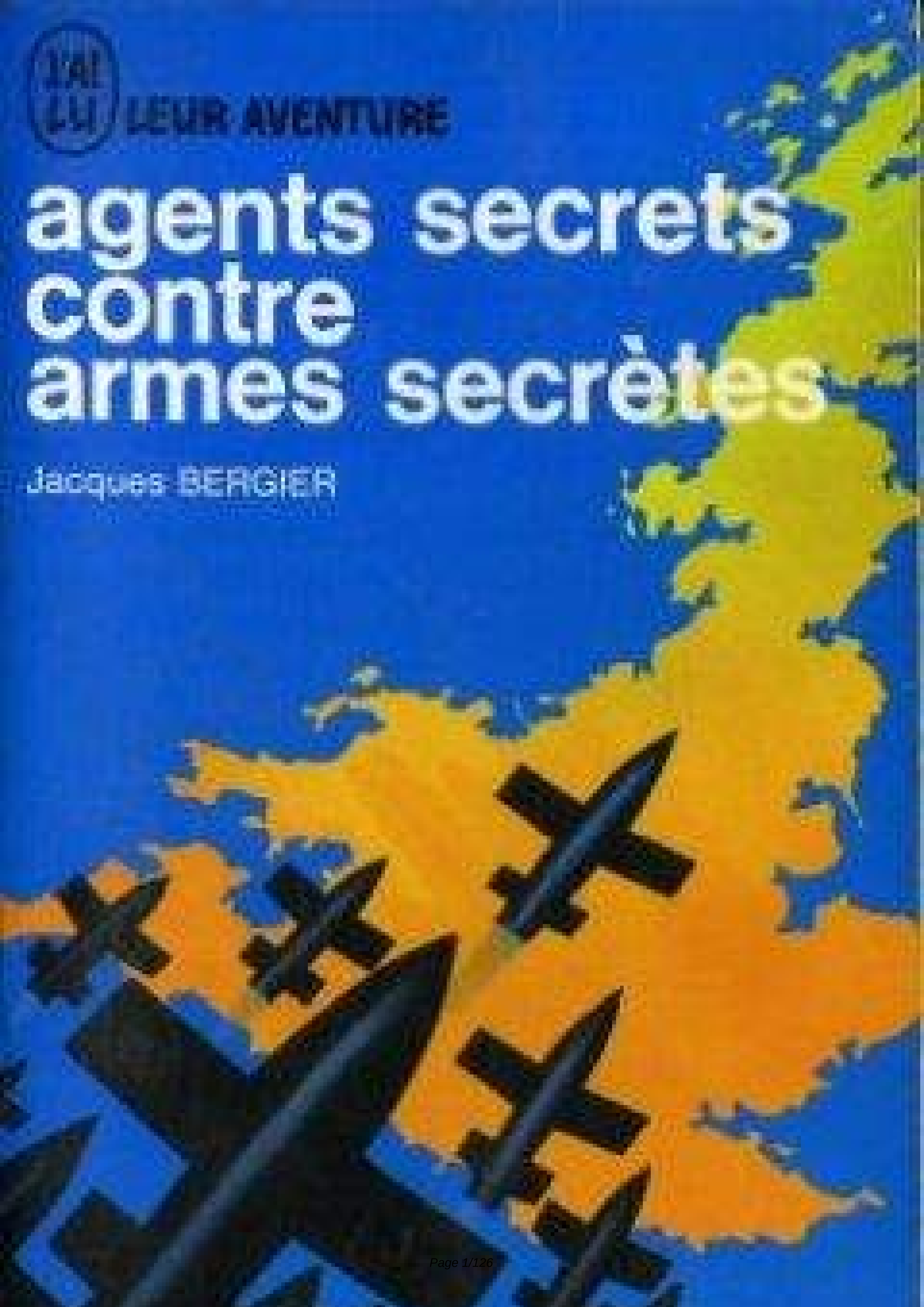

J'ai lu
LEUR AVENTURE
agents secrets contre armes secrètes
Jacques BERGIER

Бержье Ж.

Секретные агенты против секретного оружия

Предисловие автора к русскому переводу

Если когда-нибудь мне придется писать историю Сопротивления, я посвящу отдельную главу советским людям, сражавшимся с фашистами на территории Франции. Русские, украинцы, армяне, люди других национальностей из Советского Союза, очутившиеся в нашей стране, самоотверженно сражались за освобождение Франции.

Первый выстрел по немецким войскам был сделан армянином. Лично мне привелось организовывать на территории департамента Соны-и-Луары отряд из бежавших в маки? советских военнопленных.

Никогда не забуду я церемонии учреждения особого партизанского отряда. Красное Знамя Страны Советов скрестилось тогда с трехцветным флагом, носящим боевой Лотарингский Крест.

Один из руководителей французского Сопротивления, писатель Пьер Нор, в своей замечательной книге «Мои товарищи мертвы» подробно рассказывает о совместной борьбе французских и русских партизанских отрядов.

Гитлеризм был сломлен, наступил мир. Однако и в мирной обстановке ни на минуту не прекращалась острая борьба, борьба идей, борьба двух систем — социалистической и капиталистической, в скором времени принявшая форму борьбы за освоение межпланетного пространства.

В дни, когда был запущен советский спутник, я написал в журнале «В защиту мира» следующее:

«Было бы чудовищной несправедливостью, если бы победу над мировым пространством одержали не победители под Сталинградом, а фашистские убийцы…»

Этого не случилось, ибо в мире есть Справедливость.

Нацисту Вернеру фон Брауну пришлось расписаться в своей технической беспомощности. Это справедливо, ибо гитлеровская Германия давно истребила или изгнала настоящих ученых, которые могли бы создать настоящие межпланетные корабли.

Некоторые уцелевшие от фашистского уничтожения европейские ученые находятся сейчас в Америке и стараются исправить первые неудачи американской науки в области освоения космоса. Америка — великая страна, и она не сказала еще своего последнего слова в этом вопросе.

Я от души надеюсь, что в области межпланетных путешествий — важнейшей проблеме наших дней! — моя страна, Франция, также примет участие. Особенно важно при этом, чтобы она не работала в одиночку, а плодотворно и самоотверженно сотрудничала бы с другими странами.

Лишь в тесном сотрудничестве народов можно открыть новые миры. Английский ученый Артур К. Кларк замечательно сказал: «Мы не потащим с собой в космос земные границы!» Этими словами я и хочу закончить свое предисловие.

Жак Бержье

Париж, 24 февраля 1960 года.

Преамбула

Этот рассказ посвящается бессмертной памяти советских героев, организовавших массовый побег из 20-го блока лагеря смерти Маутхаузен

Все, рассказанное в этой книге о деятельности группы Марко Поло-Промонтуар, — истинная правда, хотя и похоже на приключенческий роман.

Многочисленные участники организации Марко Поло-Промонтуар действовали не менее активно, чем автор, рисковали и страдали больше, чем он. Однако о них в этой книге даже не упоминается.

Тем не менее, автор надеется, что он в основном правильно подвел общий, суммарный итог деятельности этой группы.

Рассказ наш начинается с того времени, когда Франция только начинала подниматься на ноги, и лишь немногие французы могли помышлять о продолжении борьбы.

Самих терминов «движение» и «группа» тогда еще не существовало. Они появились позднее, когда в игру вошли политические факторы и личные честолюбия. А в тот момент — в конце 1940 года — достаточно было просто служить, служить Родине. Английские победы в Африке зародили первую, робкую тень надежды.

Никому и в голову не приходило, что война будет длиться еще пять лет, хотя уже можно было догадаться, что она будет затяжной, и по ходу ее неизбежно появятся новые виды оружия. Радар в то время именовался «электромагнитным детектором». Он только что спас Англию, и немцы судорожно искали разгадку его секрета.

Время от времени поговаривали об атомной бомбе.

Жолио Кюри был под неусыпным надзором. Летом 1940 года немецкий профессор Флюгге напечатал в «Натурвиссеншафт» исследование о природе внутриатомной энергии.

Этот труд и в наши дни еще не утратил ценности, а тогда статья была громом среди ясного неба. Вскоре работать над проблемами атомной энергии начал профессор Гейзенберг (которого, кстати сказать, сейчас прочат в руководители общеевропейского Центра ядерных исследований).

Значительно раньше, когда Поль Рейно пришел к власти во Франции, Андрэ Эльброннер сказал ему: «Исход борьбы будет решаться применением новых, неизвестных видов оружия».

В дальнейшем выяснилось, что многие французы весьма торопятся вручить такое оружие

фюреру.

В своей книге «Иг Фарбен» американский публицист Ричард Сесюли [1] приводит яркие картины того рвения, с которым некоторые ученые и промышленники кинулись служить немецким фашистам.

Читатель найдет любопытнейшие детали (и вообще все подробности по этому вопросу) в протоколах судебных процессов над коллаборационистами, которые шли много позже — в 1944 и 1945 годах.

Для того чтобы правильно во всем разобраться, читатель должен уяснить себе очень существенное обстоятельство: крохотная кучка французов, о которых здесь пойдет речь, очутилась в наивыгоднейших условиях совершенно случайно. Ей довелось оказаться у самых корней предательства и измены и увидеть «продукцию» значительно раньше французской или иностранной разведки.

Работникам разведки было крайне трудно проникнуть в эти узкие, специфические круги. Кроме того, им недоставало научно-технических знаний, без которых невозможно оценить размеры угрозы, нависшей над миром.

«Все загадки кажутся детскими, когда решение вам сообщено!» — говаривал доктору Ватсону Шерлок Холмс.

Немцы и их сообщники давно проявляли повышенный интерес к определенному кругу научных проблем. Сюда относились производство и транспортировка жидкого кислорода; электронно-автоматические устройства (которые в те дни именовались «эндомеханическими», а в наши дни именуются «кибернетическими») и, кроме того, сверхлегкие насосные установки.

Сопоставляя эти факты теперь, мы видим, что предугадать основной характер новейшего немецкого оружия было нетрудно. Однако такая прозорливость в жизни встречается значительно реже, чем в романах. Мы столкнемся с таким случаем в главе о «тайне Аякса», но на деле позже — лишь в ноябре 1941 года — станут ясными основные черты нового секретного оружия немцев.

Летом 1940 года множество деловых людей из Берлина, занятых аннексией различных промышленностей — французской, бельгийской, итальянской, голландской, — серьезно обдумывали вопрос — как отнять у Соединенных Штатов южноамериканский рынок сбыта? Японцы, американцы и прочие нейтралы той эпохи тоже были не прочь получить свою долю сладкого пирога.

Как и всегда, в Берлине (безразлично, происходит это в 1940, 1943 или 1955 году) полиция не нарушала коммерции неуместными вмешательствами. Ловкий человек мог заключить в Берлине самые удивительные контракты и узнать еще более удивительные новости. Вся трудность заключалась в том, чтобы извлечь из этих россказней ту тысячную долю истины, которую они содержали. Сообщалось, что фюрер скончался от рака гортани и этот факт пока держат в секрете, что англичане закончили работу над урановой бомбой и готовы ее сбросить; что послезавтра начнется война с Советским Союзом (которая началась в июне 1941 года); что Англии грозит вторжение германских сухопутных сил, которое произойдет сразу же после того, как Ла-Манш будет подвергнут «искусственному замораживанию». Так, по крайней мере, утверждал в отеле «Адлон» итальянский журналист Вирджинио Гайда.

С легкой руки Рудольфа Гесса распространялись слухи, что тайные военные силы Тибета вступают в войну на стороне держав оси; что все мусульманские народы объявили Англии джахат (священная война Ислама). Последняя новость была, по-видимому, подсказана книгой Джона Бухана «Пророк в зеленом плаще». Судя по событиям, вскоре развернувшимся

в Ираке, эта новость была не так уж далека от истины. И, наконец, передавалось, что в самые ближайшие дни будет заключен германо-французский военный союз.

Увы! И эти сведения не были полностью лишены реальных оснований.

Берлин казался фантастическим городом из романов Филипса Е. Оппенгейма [2]. Лишь только Виши 1940 года было еще невероятнее: писатели — фантасты Жарри и Ромэн Руссель не смогли бы сочинить ничего подобного.

Господа верховные казначеи Виши были больше всего озабочены проблемой грядущих германских капиталовложений.

По их мнению, полная и окончательная победа держав оси должна была состояться никак не позднее января 1941 года.

К этому времени немцы и их преданные сторонники должны были чудовищно разбогатеть; необходимо было заранее подобрать надежные и выгодные места для помещения капиталов.

Люди со слаборазвитым воображением, как г. Мазюи (впоследствии расстрелянный) или г. Иоанновичи[3] (у которого тоже были неприятности, ибо успех неизбежно порождает зависть), предлагали простейшее решение: накапливать дорогостоящие предметы искусства или сырье.

Однако фантазия финансистов из Виши была более грандиозной, — они мечтали о создании предприятий «в стиле Панамского канала», как без тени юмора выразился один из них. Таким грандиозным предприятием должна была стать совместная франко-германская эксплуатация африканских богатств под флагом акционерного общества «Еврафрика».

Некий господин Рено де Калюир (он же Верн) был приглашен в это учреждение на должность эксперта по хлопчатобумажным тканям африканского происхождения. Этот счастливый случай дал Верну возможность организовать в Африке филиал нашей подпольной группы.

Подпольная группа, действовавшая под крылом а/о «Еврафрика», оказалась немалоценной для дела Объединенных наций.

Нет смысла перечислять здесь именитых немцев, используя которых, нам удавалось перегруппировывать нашу агентуру и расширять сеть радиопередатчиков. Не стоит причинять им новых неприятностей. Некоторые и сейчас готовы заняться делами того же предприятия. Еще в июне 1953 года они выступили в защиту идеи, брошенной в свое время рейхсмаршалом Герингом: идеи создания на территории французской Гвинеи мощного франко-германского авиатранспортного комбината.

Пусть, во всяком случае, эти господа прочтут в моей книге изъявления живейшей благодарности за услуги в прошлом.

В совершенно фантастическом обрамлении акционерного общества «Еврафрика» одновременно суетились: германские деловые люди, французские предатели-коллаборационисты и «эксперты» самых неясных национальностей. Эти специалисты обычно именовали себя гражданами мира или венецуэльцами.

Германская «служба порядка» изобрела особый штамп, который ставился на венесуэльские паспорта при визировании.

Он состоял из трех букв: ЭПЕ. В расшифровке это означало: экономически полезный еврей [4].

В 1940 году количество людей с такими паспортами намного превышало общую численность народонаселения Венесуэльской республики.

«Венесуэльцы» начали строительство транссахарской железнодорожной магистрали, которая закладывалась руками французских политических заключенных под палками эсэсовской охраны.

Они налаживали производство смазочных материалов из африканских минеральных масел, проектировали разработку богатейших марокканских залежей кобальта. Но больше всего их занимало размещение акций, премии учредителям, борьба за контрольные пакеты и т. д.

Если когда-нибудь опубликуют некоторые досье, хранящиеся в Танжере, это будет немалым сюрпризом для специалистов по размещению и утаиванию капиталов.

Больше всего г. Рено де Калюир интересовался — почему франко-германские компании закупают некоторые французские патенты. Оказалось, они нужны были немцам для работы над новыми видами оружия. Расплата шла акциями общества «Еврафрика».

Помнится, г. Калюир был поставлен в тупик патентом, излагающим метод производства гидрата гидразина. Лишь в 1945 году он понял, что речь шла об одном из компонентов горючего для «фау-1».

Помимо этого, г-н Калюир был поражен тем, как все эти люди были убеждены в победе немцев и считали себя «реалистами». Вернувшись во Францию, Калюир подробнейшим образом изложил все членам своей организации, произведя этим сильнейшее впечатление.

Правда, «операцию Морской Лев» (высадку на английском побережье) вполне можно было считать провалившейся. Бомбардировки по методу «ковентризации» (этот мерзкий неологизм [5] в то время не сходил со страниц немецкой прессы, выходящей на французском языке) также не приносили немцам ничего существенного.

Непоколебимая уверенность немцев и французов предателей в конечном торжестве базировалась на вере в создание нового, неизвестного, сверхмощного оружия. Этой уверенности предстояло жить еще многие годы. И действительно, лишь блаженный идеалист мог предполагать, что у немцев не найдется более грозных сюрпризов, чем те, что были продемонстрированы в мае 1940 года.

Одновременно с первыми признаками зарождения «фау» союзная разведка уловила и другие симптомы, имеющие бесспорную ценность. Стал известен реестр новостроящихся заводов; были получены сведения о новых методах производства и цифры выхода продукции; чрезвычайно интересным было появление на рынке некоторых особых видов полуфабрикатов.

Не секрет, что при изготовлении люизита, одного из самых страшных боевых отравляющих веществ, остаются отходы — некоторые разновидности виниловых смол.

Другие смолы образуются как побочный продукт при выработке визолов, также входящих в состав горючего для «фау».

И вот в 1943 году немецкая химическая промышленность наводнила рынок огромными количествами этих смол — весьма показательный признак.

Такие сведения для работника разведки не менее ценны, чем сообщения о передвижении войск или военных кораблей.

Основными центрами оптовой торговли и местами, где собиралась информация, оставались по-прежнему Виши, Берлин, а также Берн и Лиссабон. О Берне мы будем говорить подробно

во второй главе. Лиссабон был чрезвычайно романтизирован Питером Ченеем и другими писателями, связанными с «секретной службой». (Не совсем ясно, почему этот термин все еще имеет права гражданства. Американский писатель Дэнджерфилд предлагает заменить его «информационной промышленностью»). Во всяком случае, репутация Лиссабона сильно преувеличена. Практически он был главной дверью, через которую покидали Европу люди, не нашедшие себе места в начинавшейся борьбе.

Отличительная особенность этой войны заключалась не только в том, что любой мирный житель мог в ней погибнуть, но и в том, что каждый глубоко штатский человек мог принять участие в борьбе.

Бесполезных людей не было. От больных, прикованных к постели, от пленников в концлагерях и лагерях уничтожения, от слепых — враги получали удары, порой не менее чувствительные, чем те, что наносились союзной авиацией или отрядами коммандос.

Это была подлинно тотальная война, и уроков ее забывать нельзя! Никакие супербомбы с ядерным расщеплением, никакое биологическое оружие не сможет истребить полностью целые народы.

Последняя война показала, что погибают лишь те люди, которые покоряются гибели.

Это открытие не менее существенно, чем радар, «фау», биологическое или ядерное оружие.

Когда вокруг трех французов, о которых пойдет речь в первой главе, мгновенно и стихийно возникла безыменная тайная организация, это можно было расценить только одним образом: западноевропейскую цивилизацию преждевременно объявили мертвой и похороненной. Она поднялась на самозащиту и оказалась крепче иных тысячелетних империй.

Однако подобная отчаянная попытка могла оказаться успешной лишь при том условии, когда она поддерживалась союзниками, обладающими собственной, неоккупированной территорией.

Из таких союзников в 1940 году оставался на ногах только один — Англия. Следовательно, необходимо было наладить связь с английским правительством.

В романах все это происходит чрезвычайно просто: английская «Интеллидженс сервис» вездесуща, ее агенты проникают всюду, и связаться с ними — пустяковое дело. В это твердо веруют английские романисты, а также немецкая пропаганда. В действительности организации «Интеллидженс сервис» не существует вообще, она выдумана. На деле есть армейская служба разведки (М. И.) и аналогичные службы при морских и воздушных силах. Кроме них, в те времена были созданы две организации специально для оккупированной Франции — «РФ» и просто «Ф».

Занимались они преимущественно вопросами саботажа.

Даже обладая превосходнейшими связями и знакомствами, найти кого-нибудь из этой агентуры в неоккупированной зоне было очень нелегко. И причина была не в грозящей нам опасности — полиция Виши охотно закрывала глаза на наши действия. Немецкая контрразведка в неоккупированной зоне была в значительной степени подавлена нашими боевыми группами. Иногда они могли даже расстреливать тайных нацистских агентов, и никто им не мешал. Интересующихся этими вопросами мы отсылаем к книге Пьера Нор «Мои товарищи мертвы».

Трудность состояла в том, что число квалифицированных британских агентов во Франции тех дней было очень невелико.

Мы относили их малочисленность за счет секретного соглашения между Даладье и Хор Белишем в 1938 году. Это соглашение было прелюдией к заключению тотального англо-французского военного союза. Предполагалось, что там был пункт, по которому англичане отозвали всех своих секретных агентов из Франции, а французы — из Англии. Правда, официального подтверждения эта версия так и не получила.

Во всяком случае, нам пришлось собственными силами собирать материал, необходимый для создания хотя бы приблизительной картины европейской действительности к концу 1940 года.

Начнем с Польши. Эта страна продолжала сопротивляться немецкому террору.

Достаточно ознакомиться с протоколами и стенографическими отчетами нюрнбергского процесса, чтобы понять, чем были для Польши немецкая оккупация и установленный ею режим.

Масштабы этого стихийного ужаса невозможно себе представить, невозможно изложить на бумаге. Однако даже и в этом десятом круге Дантова ада, люди продолжали бороться. Им удалось наладить связь с военной организацией польских эмигрантов во Франции, и Франция помогла в установлении и поддержании этой связи.

Поляки сыграли огромную роль в борьбе против «фау» и стяжали в ней бессмертную славу. Бернард Ньюмен в своей книге «Они спасли Лондон» воздает честь полякам, участвовавшим в борьбе против «фау». И честь эта заслужена.

Страшная правда о том, что происходило в Польше, укрепила во многих французах волю к продолжению борьбы. Надо было только увидеть эту правду и суметь в нее поверить.

Германия к концу 1940 года определилась как страна, в которой, как ни странно, нам проводить работу было легче, чем на оккупированных территориях. Служба безопасности «СД» и гестапо были чрезвычайно действенны против коренных жителей, но совершенно бессильны перед потоком пришельцев, наводнивших страну. На приезжих не было заведено ни дел, ни картотек, не за что было ухватиться пресловутой немецкой аккуратности. В лагерях для военнопленных непрерывно готовились и осуществлялись побеги и организованные бунты. За пределами рейха немецкие антифашисты (а такие были тоже!) начали вновь организовываться.

В Бельгии борьба шла полным ходом. Многочисленные тайные организации использовали против врага все возможные средства. Среди этих организаций особенно выделялась «Красная капелла» (Die rote Kapelle). Казалось, предатели ни в одной стране не обнаруживались так четко и не наказывались так быстро, как в Бельгии. Начиная с 1941 года, ценные разведывательные данные шли из Бельгии непрерывным потоком.

Также и в Нидерландах тайный антифашистский фронт делал свое дело. Позднее предательство и непозволительные ошибки английской секретной службы несколько раз обезглавливали голландскую организацию, но она неизменно возрождалась вновь.

Из Дании и Норвегии поступала информация о ходе ядерных исследований, — но это уже другой рассказ, к тому же в значительной степени уже рассказанный [6].

Свое путешествие во времени и пространстве вокруг Европы 1940 года мы, естественно, заканчиваем во Франции.

О французском Сопротивлении говорилось и писалось немало. Эта книга отнюдь не претендует быть его историей, да такую историю в наши дни и невозможно написать.

Приходится признать, что исторически достоверно о французском Сопротивлении мы не знаем почти ничего. Какие-нибудь «Свидетели Иеговы» или заговор Жоржа Кадудаля известны французской читающей публике гораздо лучше.

Андрэ Эльброннеру довелось присутствовать при зарождении одного из тысяч крохотных ростков будущего Движения. Один офицер из Пятого Бюро сказал ему 5 июня 1940 года: «Я уезжаю в Кале организовывать сопротивление». Мы никогда больше не слышали ни об этом человеке, ни о том, как он выполнил задание.

Если эта книга попадется на глаза кому-нибудь из тех, кто участвовал в этой организации, мы убедительно просим его связаться с Комиссией по изучению Сопротивления, которая создана при Министерстве национальной обороны.

Вот еще один «росток». В оккупированном городе Аббевиле летом 1940 года кто-то начал стрелять по немцам из пистолета системы «эрсталь» калибра 7,65.

Этот человек регулярно убивал по одному немцу каждый месяц, и до сих пор никто не знает, кто он был,

Таких случаев были тысячи.

Даже если начать описание с позорного перемирия, заключенного в конце 1940 года, и то придется одновременно идти по тысяче запутанных следов, разбираться в десятках тысяч сложнейших историй. У меня не было этих возможностей, поэтому я и ставил перед своей книгой иные цели.

Пафос французского Сопротивления отлично передан английским поэтом С. Д. Льюисом в следующих строчках:

Нас не вели ни слава, ни безумье,

Ни месть, ни деньги. Мы пришли затем,

Что не попалось нам другой дороги,

Иной дороги, видимой глазам.

Мы не могли иначе поддержать

Мерцающий светильник человека,

И наш полет — как подтверждают звезды —

Был ярче звезд, быстрее и короче…

Очевидно, полностью отделить Сопротивление от той несколько специальной деятельности, о которой пойдет речь, невозможно. Да это и не нужно. Ее многочисленные персонажи участвовали в Сопротивлении в различных званиях и различных областях. Естественно, что многие их подвиги и приключения оказались вне рамок нашего рассказа.

1. В Лионе начинается облава

Погашены огни. Вновь улица опасна,

И лишь в одном окне горит

бессмертный свет.

Арагон. «Таинственный Лион». (Из «Французской Дианы»).

Лион надо любить.

Этому городу туманов и празднеств, тайн и колдовства суждено, было стать столицей Сопротивления. В других городах места, где проливалась кровь, отмечены мемориальными дощечками. В Лионе их нет. Здесь на каждом доме пришлось бы повесить по нескольку досок. Нигде не была так густа сеть Сопротивления, как в этом городе-зарослях, городе-маки.

Когда в Лионе вы открываете дверь, за ней может оказаться все что угодно: часовня или собачье кладбище, монастырь или институт ядерных исследований, склад оружия или лаборатория алхимика.

В ноябрьский вечер 1940 года открылись двери каретного сарая, стоявшего во дворе некой виллы в квартале Круа-Русс.

Два скаута ввезли в сарай на ручной тележке ящик с четкой надписью: «Медицинское электрооборудование». Затем скауты ушли, а трое мужчин начали в сарае поспешно проверять электрическую схему привезенного аппарата.

Медицина здесь была ни при чем: аппарат оказался попросту подпольным радиопередатчиком, мощным и — по тем временам — самой совершенной системы, хотя и самодельным.

Наладив аппарат, трое разрешили себе минуту отдыха. Воспользуемся ею, чтобы отрекомендовать читателю основных действующих лиц этой книги.

К шестидесяти годам Андрэ Эльброннер сделал столько изобретений и открытий, что их было бы достаточно на несколько жизней. За работы по жидкому воздуху, коллоидальным медикаментам и лампам ультрафиолетовых лучей он был удостоен золотой медали франклиновского института.

Этот человек первым предложил использовать тяжелую воду для ядерных реакций и предсказал, что война закончится взрывом атомной бомбы.

Альфред Эшкенази успел к тридцати годам заложить основы той науки, которая сейчас именуется кибернетикой. Еще в 1938 году он получил патенты на автоматические импульсные приборы, без которых было бы немыслимо создание электронных калькуляторов наших дней, как и «роботов» любого вида. У Альфреда был врожденный талант к электронике.

Третьему участнику группы, физику Жаку Верну, суждено было стать доктором Ватсоном этого трио.

Неизменно веселый, наделенный неисчерпаемым оптимизмом, Эльброннер был в тот вечер тревожен и мрачен. Он недавно вернулся из Швейцарии и там, в высших промышленных сферах, встречал множество людей, убежденных в немецком триумфе.

— Бросьте, Андрэ! — сказал ему Эшкенази. — Эти безумцы неизбежно ввяжутся в драку с Соединенными Штатами и Советским Союзом. Не думаете же вы, что Европа, как бы хорошо она ни была организована, сможет успешно бороться против союза, включающего в себя все остальное население земного шара?

— При обладании новым оружием в этом нет ничего невозможного. До сих пор немцы умело насаждали измену в рядах противника. Их танки, пикирующие бомбардировщики «штукас», парашютные десанты — все это применение давно известных принципов. Но если у немцев есть что-то доподлинно новое… их противников может постигнуть участь ацтеков и инков, которые погибли оттого, что не знали ни кавалерии, ни огнестрельного оружия…

— Вы думаете о ядерной энергии? По работам немецких физиков ясно, что атомной бомбы у нацистов нет.

— Конечно, нет! — ответил Эльброннер. — Будь у них взрывчатое вещество ядерного происхождения, самоубийство было бы для нас единственным разумным исходом… Но у них есть нечто другое, в чем они крепко уверены. Это другое требует огромных количеств жидкого кислорода.

— Газ, замораживающий все в пораженной им зоне, невозможен по законам термодинамики! — запротестовал Эшкенази. — И ледяной мост через Ла-Манш тоже!

— И все-таки я знаю, что оружие «X» существует не только в больном мозгу фюрера, — с убеждением сказал Эльброннер. — И я настаиваю на этом. Верн и вы все время требуете продолжать борьбу… Так вот, мне кажется, сейчас нельзя ничем так помочь англичанам, как созданием организации, которая разберется в немецких чудесах. Таково же мнение вашего друга из Тулузы, того, который в августе месяце ходит в габардиновом плаще.

— Вы говорите о Фабьене? — спросил Верн. — Что ж, у него часто возникают правильные мысли. Впрочем, вы тоже правы.

— Не может быть! — усмехнулся Эльброннер. — Первый раз в жизни я слышу, что вы со мной согласны!

— Вы правы в том, что война только начинается, — разъяснил свою мысль Эшкенази. — И в том также, что это война ученых. Швейцария и неоккупированная Франция представляют богатейшие возможности для сбора информации. Нам повезло: мы свободны и находимся на удобных позициях!

— Не забывай, что у тебя есть жена и дети, — возразил Верн.

— Так что же? Они поймут, что, как сказал старик Черчилль, лучше умереть стоя, чем жить на коленях! [7]

И Верн перестал спорить. В этом тихом городе опасность казалась далекой, почти нереальной. Немногочисленные агенты гестапо были известны наперечет. Совсем недавно одного из них выследили и убили, чтобы, как выразился впоследствии Пьер Нор, «люди не забывали, чем пахнет предательство». * * *

Два дня спустя Верн стоял, поднявши руки, в нейтральной зоне между Моэльзюла и Аннемассом. Двое пограничников наставили на него револьверы.

Берн попался, возвращаясь нелегально из Швейцарии, где его снабдили пропагандистскими

материалами и запасными радиодеталями.

— А бриллианты? — спросил один из пограничников.

— Какие еще бриллианты? — удивился Верн. До конца своих дней не суждено ему узнать, о каких бриллиантах шла речь.

Пограничники перерыли чемоданы, увидели, что они набиты книгами и союзническими листовками, и немедленно отпустили Верна. Разумеется, такой счастливый исход вовсе не был обязательным. После того, как аналогичные неприятности постигли Эльброннера и Эшкенази, друзья призадумались. Всем троим стало очевидно, что они не больше чем любители, дело их может легко провалиться и им следует изучать конспирацию с самого начала, с азов.

Они уяснили себе, что добрая воля и мужество сами по себе ничего не решают — этого недостаточно. Современная тайная организация сопротивления не может существовать, не опираясь на классический треножник: Передачи — Связи — Документы.

Если эти три обязательных элемента не обеспечены, ни люди, ни деньги, ни оружие никогда не приведут ни к чему значительному.

В первую очередь тройка занялась радио. Эшкенази и Верн собственноручно изготовили несколько передатчиков, по типу которых впоследствии было создано довольно много других.

Одна местная фабричка изготовляла генераторы помех.

Пользуясь ими, немцы глушили радиопередачи союзников и мешали французам слушать Лондон. Руководство фабрики стало выписывать радиодетали в сверхкомплектных количествах. Они питали наши мастерские и помогали службе радиопередач.

Верну удалось раздобыть в Париже несколько американских «ламп-желудей». Эти крохотные приборы генерируют ультракороткие волны. Подобно свету, эти волны распространяются по прямой, в то время как более длинные волны отражаются от ионизированного «хэвисайдова слоя», который со всех сторон окутывает нашу планету.

Ультракороткие волны обладают тем неоценимым преимуществом, что они не детектируются, то есть место их зарождения невозможно обнаружить.

Именно такой прямолинейный пучок радиоволн мы протянули от местечка Лимонэ, стоящего на горе над Лионом, до самой Швейцарии.

В конце ноября 1940 года радиосвязь начала работать.

Спустя некоторое время нам пришлось передвигать лучевой пучок — он отражался от металлических опор линии высокого напряжения.

— Так можно нащупать и самолет! — сказал Верн.

— Открыл Америку! — фыркнул Эшкенази. — Англичане наверняка давным-давно применяют этот способ!

Ни тот, ни другой еще понятия не имели о радаре, хотя случайно натолкнулись на его основной принцип. Не знали они также, что их экспериментальная установка почти в точности предвосхищала ту, которой позднее, в 1950 году, предстояло улавливать радиоволны, поступающие с иных планет и из межзвездного пространства. Достаточно было доли внимания и некоторого количества свободного времени, чтобы на плоской вершине Лимонэ

зародились начатки новой науки — радиоастрономии.

Наша установка могла, в случае экстренной надобности, передавать известия в Лондон через Берн. Но далеко не весь материал может быть передан по радио.

Перед нами вскоре встала задача — как быть с объемистыми документами, планами, образцами, фотографиями? Как наладить их передвижение между Лионом, Парижем, Берном и Лиссабоном?

Тогда появились добровольцы. Преимущественно это были женщины. Они несли свою трудную службу с героической преданностью делу, и многие теряли при этом свободу, а порой и жертвовали жизнью.

Переход демаркационных линий и пограничных зон потребовал от нас невероятной изобретательности, а порой и остроумия. Известна история о покойнике, мирно пересекшем границу в своем гробу. Оказавшись в Швейцарии, покойник воскрес и превратился в агента связи, снабженного ценными документами. Если эта история и приукрашена, то абсолютно точна другая. Небольшой рулон заснятой микропленки в оболочке соответствующего цвета был подклеен к жировым складкам на шее живой свинье. Свинья-путешественница несколько раз благополучно пересекала государственную границу, охранявшуюся двойной — французской и немецкой — пограничной стражей.

Абсолютно достоверна также история ультрасекретного документа, который путешествовал в поезде Париж — Лион, спрятанный в уборной за зеркалом.

Иногда — особенно в южной зоне — достаточно было обыкновенной почты. Существуют особые разновидности симпатических чернил, которые остаются загадкой для самых опытных цензоров. Эта система широко применялась в начале 1941 года.

Выяснилось, что службу добывания фальшивых документов на ноги поставить труднее. Лондонский штаб Сопротивления всегда склонен был к недооценке этого важнейшего дела. Бумаги, которые мы получали из Лондона, были, как правило, совершенно непригодны. Пришлось самим собрать огромную груду документов — удостоверений личности («карт д'идантитэ»), продуктовых и табачных карточек, справок о демобилизации, свидетельств о рождении и прочее.

«Мастерские» были организованы несколько позднее.

В них работали самоучки, за короткое время достигшие в своем хитром мастерстве настоящего совершенства.

Затем возникла необходимость в «живых» удостоверениях.

«Живое» удостоверение — не простая вещь. При аресте чаще всего дело не ограничивается только поверхностным ознакомлением с предъявленным документом, Полицейский снимает телефонную трубку: «Алло! Говорят из полицейского комиссариата квартала Гро-Кайу. Это что, мэрия Фуйи-лез-Уа? Скажите, вы выдавали 5 января 1941 года удостоверение личности за номером 1001 на имя Куржю, Непомюсен-Зефирин, родившегося в Ландерно, 15 декабря 1907 года?»

Фальшивое удостоверение не может выдержать такой проверки, если только г-н Куржю, Непомюсен-Зефирин, 1907 года рождения, не существует на самом деле.

Необходимо, следовательно, снимать подробные копии с подлинных, «живых» документов. Если даже у вас заведется в мэрии сообщник, и телефонные ответы будут утвердительными, трудности на этом не кончаются. Большое число вопросов, поступающих в адрес мэрии

Фуйи-лез-Уа, рано или поздно привлечет к себе внимание.

Потребовалось искать новые средства. Чрезвычайно полезным оказалось привлечение ювелиров.

По закону при покупке или продаже золота и драгоценностей необходимо предъявление документов и тщательная регистрация последних. Списки, ведущиеся ювелирами, помогли нам узнать множество подлинных имен, которые пригодились нашим мастерам при изготовлении удостоверений.

Что касается бланков, то в них мы не испытывали недостатка. В свою бытность начальником Главного управления национальной статистической службы генерал Кармий (впоследствии арестованный и умерший в немецком концлагере) успел передать нашей организации пять тысяч бланков удостоверений личности для мужчин и женщин в возрасте от двадцати до шестидесяти лет. Вплоть до 1944 года все наши сотрудники были снабжены подлинными документами, лишь имена и прописка были в них «липовыми».

Проживание по фальшивому документу накладывает на человека ряд обязательств. Необходимо помнить, как звали ваших отца и мать, надо знать назубок всю историю персонажа, роль которого вы играете. Надо выработать для этого персонажа правильное поведение, выработать своеобразную речь, — словом, вжиться в атмосферу чужой жизни.

Великий русский артист и режиссер Станиславский заложил основы метода, принесшего славу почти всем крупным актерам современности. Создатель роли обязан представить себе всю прошлую жизнь персонажа, прожить ее заново. Лишь тогда слияние актера и персонажа может быть полным.

Известному кинорежиссеру Андрэ Кайатту понадобилось, чтобы актер играл забитого, нищего человека, неудачника, страдающего «комплексом неполноценности». И вот актер долгое время ездил в метро в рваных штанах и облезлом пиджаке, пока всей душой не ощутил себя отверженным и неудачником, погубившим свою жизнь.

Для живущего по фальшивым документам знакомство с системой Станиславского и умение применять ее совершенно необходимы. Это проверено на множестве случаев. Даже если участник подпольной организации попадал в гестапо, то при точном слиянии с персонажем, которого он воспроизводил, его не удавалось разоблачить.

При трагическом исходе человек так и умирал в созданном образе.

Живущий по фальшивым документам должен всегда помнить, что чужой жизнью могут жить и другие люди. Он обязан быть зорким и не доверять маскам, под которыми всегда могут скрываться самые неожиданные личности.

Это испытание нельзя назвать легким, но оно весьма обогащает человека. То, что мы иногда именуем «повседневной банальностью», на самом деле не существует. Это — лишь синоним человеческой близорукости, неумения наблюдать.

Микроскоп и телескоп открывают нам диковинные миры в капле дождевой воды, горсточке пыли или уголке ночного неба. Совершенно так же опытный наблюдатель, вытренированный нелегальным положением, в самых «скучных» и «повседневных» явлениях находит необычайность и таинственность, которые неизменно нас окружают.

Вопросы связи не менее существенны, чем фальшивые документы или радиопередачи. Обеспечить связь весьма трудно: слишком много на свете людей, любящих мелодраматические эффекты. Иной человек даже для короткого переезда в машине непременно вооружится пистолетом, — и первому же жандарму он покажется

подозрительным по таинственному выражению лица.

Превосходными связными бывают женщины. Как правило, они умеют быть менее заметными, чем мужчины.

Лишь в том случае, когда надежно обеспечена триада Передачи — Связи — Документы, активная деятельность может начинаться.

Теперь, когда нацизм искусственно возрождается, небесполезно рассказать о том, как сплотились, сопротивляясь немецкому гнету, остатки разных группировок, объединенных одной идеей.

В 1940 году стихийно образовался блок немецких антифашистов и участников французского Сопротивления, и лишь тогда ценная для союзников информация полилась мощным потоком.

В течение войны 1939–1940 годов, а еще больше после ее окончания, между «деловыми кругами» Германии и Франции завязались теснейшие связи. Поступала ценная информация.

Это не были данные старинного, классического шпионажа о дислокации войск или планах крепостей. Современный стратегический материал скорее напоминает ценное сырье, требующее тщательной обработки. В него включались сведения о новых заводах, новых научно-исследовательских учреждениях, о перемещении ученых и десятки еще более косвенных, более приблизительных данных.

Использовать их могли лишь люди, знающие промышленность, или ученые. Для них многое становилось ясным, но офицеры бывшего Пятого Бюро (которое в романах именуется «Вторым Бюро» или «Службой разведки») частенько становились перед этим материалом в тупик.

Впоследствии нам удалось «просветить» некоторых из них. Огромное большинство наших информаторов («наших уважаемых корреспондентов», как говорится в мирное время) состояло из мужчин и женщин, выполнявших разведывательные задания чисто дилетантскими методами.

Например, Дюбуа «Пантера» начальник скаутов в прошлом, а в гражданской жизни фабрикант поясных ремней, работал в комнатушке, расположенной почти на самой крыше огромного жилого дома. Кроме него, в этом доме размещались еще четыре активных группы Сопротивления, но ни одна из них не знала о соседних.

В жилище Дюбуа вела длиннейшая лестница, не освещавшаяся ни днем, ни ночью. Ощупью взобравшись по ней, вы стучали в дверь, и вам открывал древний китаец, у которого были два помощника китайца. (Все они — видные ученые, в настоящее время — руководят ядерными исследованиями у себя на родине).

В задней комнатке Дюбуа изготовлял свои пояса… и одновременно собирал информацию, укрывал беглецов из оккупированной зоны и устанавливал рискованнейшие связи. Несмотря на вопиющее нарушение всех законов конспирации, Дюбуа продержался до самого конца войны.

Преподобный отец Б., ученый доминиканец, владел автоматом ничуть не хуже, чем молитвенником.

Нам долго не удавалось убедить его в том, что при сборе информации стрельба противопоказана. Отец Б. стремился неуклонно исполнять роль божественного правосудия. Однажды, расстреляв приговоренного предателя, он с удовлетворением сказал Верну:

«Готово дело. Пусть теперь сам объясняется со Стариком!» Эта малопочтительная кличка относилась к богу-Саваофу.

Бывший скаут и бывший священник были первыми людьми, примкнувшими к нашей троице. Дальнейшее пополнение было не менее пестрым. Среди него была и некая содержательница весьма малопочтенного заведения. В 1940 году она отказалась впустить к себе немецких офицеров из Комиссии по перемирию. Захлопнув двери перед носом этих господ, она поставила «Марсельезу» на механическом пианино, без которого такие заведения не обходятся.

На протяжении ряда лет эта дама была для нас драгоценным «почтовым ящиком».

Позднее в нашей группе появился настоящий «боевой парень». Его звали Грегуаром, в прошлом он был помощником у Джэка Даймонда в Буффало[8]. Грегуара отличал страшный шрам на лице. С собой он носил пистолет фантастических размеров. Калибр этого орудия был около 10,35, не меньше.

Появление Грегуара дало нам возможность удовлетворительно разрешить одну из проблем, немаловажных для молодой организации, — проблему колеблющихся.

Что делать, если человек, тянувшийся к Сопротивлению, внезапно передумывает и начинает отходить? Он опасен, ибо кое-что уже знает и может при случае проговориться. В этой ситуации краткий визит Ужасного Грегуара быстро ставил все на свои места. Вот как он сам рассказывал о таких беседах:

— Звоню, он открывает дверь. Приставляю свой «люгер» к его пузу и говорю вежливо: «Могу я сказать вам два словечка наедине?» Мы входим, я беру его за шиворот и стукаю раза два об стенку. «Ты собираешься болтать? — спрашиваю я. — А знаешь ли ты, что при слиянии Роны и Соны ежедневно вылавливают трупы? Это все предатели, а приканчиваю их я». Тот, конечно, стучит зубами и клянется молчать, как рыба. Тогда я ухожу, но на пороге останавливаюсь и повторяю: «Берегись! Мы, люди из Интеллидженс сервис, никогда и ничего не прощаем!..»

Самые разнообразные люди примыкали к нашей группе в дальнейшем: почтенный инженер из окружения самого г-на Бедо [9], крупный историк, специально изучавший Сопротивление в эпоху Жанны д'Арк. Был и шведский журналист, любивший Францию; был баварец, носивший историческое германское имя; был французский генерал, был известный русский писатель, был испанец — владелец гаража, был южноафриканец, живший в Гамбурге и считавшийся нацистом, были ремесленники, рабочие… и многие, многие другие.

Основная трудность состояла в том, чтобы успешно координировать возможности этих разных людей.

Постепенно нашей тройке удалось с этим справиться.

К счастью, у всех троих были личные денежные средства, приносимые патентами, проданными в Швейцарию.

Эти деньги укрепили организацию, дали нам возможность оказывать материальную поддержку тем из ее участников, которые нуждались в помощи.

К началу 1941 года организация приобрела довольно четкую структуру, но имени у нее все еще не было.

Для того чтобы усилить действенность, совершенно необходимо было установить постоянную связь между нею и руководством союзных сил.

Нам помогли некоторые дальновидные американцы из окружения адмирала Леги (пусть они найдут здесь изъявление нашей признательности), и кое-какая косвенная связь постепенно наладилась. Однако необходимо было установить постоянный и непосредственный контакт, а осуществить его мог только английский военный атташе в Берне.

Наконец, в январе 1941 года, нам удалось договориться с ним о предстоящей встрече.

2. Берн, мешок секретов

Я получаю донесения со всех сторон. Бродячие торговцы Южной России, афганские лошадиные барышники, паломники, идущие в Мекку, шейхи Северной Африки, торговые моряки Черноморья, монголы в бараньих шкурах, индийские факиры, греческие купцы с Персидского залива, почтенные консулы, пользующиеся кодами, — все доносят одно и то же. На Западе что-то произойдет. Немцы что-то готовят, они собираются удивить мир.

Джон Бухан. («Пророк в зеленом плаще»).

Из Лиона в Женеву, из Женевы в Невшатель, оттуда в Цюрих, из Цюриха в Берн.

По такому маршруту Андрэ Эльброннер, Альфред Эшкенази и Верн преследовали некого английского ВИПа [10].

Этот господин занимался преимущественно вербовкой пилотов в истребительную авиацию. Потребовалась длительная переписка с влиятельными людьми в Лондоне для того, чтобы осуществить нашу встречу.

Андрэ произнес перед ним блистательную речь, перечислив все виды помощи, которую наша группа могла бы оказать Англии.

В ответ не последовало ничего, кроме отрывистого хрюканья «хуг!», заставившего нас вспомнить о «Молчаниях полковника Брамбла» Моруа [11].

Тогда Андрэ вытащил из портфеля увеличенные оттиски микрофильмов, над которыми Альфред и Верн, не разгибаясь, работали полмесяца. На этих пленках были запечатлены почти все разведывательные данные, которые удалось раздобыть нашей группе к январю 1941 года. На лице высокопоставленного британца что-то дрогнуло, и он удосужился проронить слово, одно-единственное слово:

— Сколько?

Встреча наша происходила в помещении экспортно-импортного бюро города Берна. Этой респектабельной конторе едва не пришлось стать очевидицей нешуточной потасовки. Альфред непременно хотел влепить ВИПу оплеуху, и Верну с трудом удалось удержать друга. За это время Андрэ (говоривший по-английски, как англичанин) успел разъяснить нашему собеседнику, что наше стремление помочь союзникам диктуется отнюдь не денежными интересами. Подумав, ВИП произнес:

— Здесь же, в то же время, через пятнадцать дней.

И ушел. Быть может, запроси мы за свои пленки пять тысяч фунтов стерлингов, эти пятнадцать дней можно было бы сэкономить. Так или иначе, температура второй встречи была совершенно иной. Кроме нас и ВИПа, присутствовал английский офицер высокого ранга. Мы обменялись явками, паролями, шифрами, условились о технике радиопередач и посылки почты. Английские специальные органы получили инструкции об оказании нам немедленной внеочередной помощи.

Уходя, офицер сказал нам:

— Очень сожалею о недоразумении при первой встрече. Мы тогда не знали, что имеем дело с джентльменами…

Теперь, спокойно оценивая обстановку тех дней, мы можем считать позицию наших собеседников вполне извинительной. В те времена (как, впрочем, и сейчас) Берн был одним из центров мирового шпионажа, настоящим мешком секретов. Не жалея денег, можно было получить любую информацию. Она могла оказаться истинной или фальшивой, в этом надо было уметь разобраться.

За деньги вам принесли бы досье об американской атомной подводной лодке, о проектирующихся искусственных спутниках планет — о чем угодно.

Швейцарское правительство весьма бдительно охраняет собственную государственную безопасность от пришлых шпионов или предателей. Но у него нет ни возможностей, ни большой охоты заниматься охраной государственных интересов других стран.

Не так уж часто, но в Берн все же прибывали обладатели различных тайн, стремящиеся превратить их в деньги.

Иногда масштабы этих сообщений были поистине удивительными.

Теперь, когда связь с Англией была установлена, наша группа могла бросаться в битву. Три француза и горсточка разноплеменных европейцев, сплотившаяся вокруг них, возобновляли прерванную ненадолго борьбу. Борьба… Любимое слово Жоржа Клемансо… С Клемансо в годы первой мировой войны пришлось немало поработать Андрэ Эльброннеру… Для большинства европейцев это слово только начинало становиться понятным.

В предстоящей борьбе на долю Андрэ выпало важнейшее дело восстановления связей и контактов, которых не смог бы завязать никто другой. Андрэ был хорошо известен в Германии как ученый, как ученик и друг знаменитых Нернста и Оствальда.

У него были обширные знакомства в научных и высших промышленных сферах райха. Захоти Андрэ стать предателем или хотя бы просто скомпрометировать себя, он немедленно получил бы высокий научный пост в нацистской «новой Европе». Многие его сотрудники и бывшие друзья так и поступили.

Андрэ избрал иной путь. Непрерывно рискуя жизнью, он использовал свои знакомства для того, чтобы создать контакт со всеми крохотными ячейками Сопротивления, которые только еще начинали зарождаться во Франции, Германии и Швейцарии. Во Франции он установил связь с движениями «Освобождение Юга» и «Освобождение». В Германии — с некоторыми группами дальновидных промышленников, которые уже тогда поняли, что нацисты ведут Германию к гибели.

Многие французские офицеры, работавшие в штабе Сопротивления, помнили Андрэ со времен Клемансо и знали, что на него можно положиться. К марту 1941 года Андрэ удалось организовать непрерывный поток ценной информации, касавшейся как оружия «X», так и других важных вопросов.

Примерно к этому же времени Андрэ начал догадываться о сущности нового германского оружия. Он полагал, что это самолет без летчика, самолет-робот. Оставалось установить природу этого оружия, решить, что это такое: снаряд или ракета?

Несмотря на некоторые успехи, Андрэ Эльброннер не был полностью удовлетворен своей разведывательной деятельностью.

Немало времени и сил он уделял организации нарождающегося Сопротивления. Сколоченные им молодежные группы провели первые значительные акты саботажа в обеих зонах — оккупированной и неоккупированной. Эта работа иногда приносила нежданные плоды. Ликвидируя последствия саботажных операций, технический персонал заводов, работавших на немцев, порой раскрывал секреты такой важности, что активные действия на этом предприятии приходилось прекращать: не надо было мешать разрешению технических проблем, сущность которых уже была нам известна. Мы старались поберечь людей, которые снабжали нас такими важными сведениями.

Микрофильмы, содержащие информацию, начали накапливаться с удивительной быстротой. Остро встал вопрос о том, как переправлять их из Франции в Лондон.

Попутно, при содействии адмирала Леги, нам удалось передать несколько донесений абсолютной точности президенту Рузвельту.

В этих документах Андрэ Эльброннер напоминал президенту о том, как, путешествуя по Соединенным Штатам в 1917 году, он подсказал несколько идей только что созданному Национальному Комитету по воздухоплаванию. Советы эти оказались, видимо, ценными. В 1917 году в Америке почти не существовало ни авиационной, ни химической промышленности. За прошедшие двадцать три года обе они стали играть виднейшую роль в народном хозяйстве Соединенных Штатов.

Дальше в документах излагались соображения Андрэ о том, что рано или поздно немцы неизбежно атакуют США, применяя новые, сильно действующие виды оружия.

Было необходимо организовать действенную разведывательную службу на европейском континенте, так как существовавшая ранее разведывательная сеть показала себя совершенно беспомощной и бесполезной.

Этот документ, как и многие другие, достиг цели.

Вплоть до разрыва дипломатических отношений между США и правительством Виши, наши материалы поступали в Вашингтон бесперебойно. Весьма вероятно, что ими была подсказана организация АСС («Американской Секретной Службы»), которая в наши дни переименована в СИА («Central Intelligence Agency «).

Что касается Альфреда Эшкенази, то его деятельность в тайной войне вскоре приобрела еще более активный характер. Он совершал нелегальные путешествия в северную зону, передавая катушки с нашей «почтой» нашим единомышленникам, поддерживающим с Англией прямую связь морским путем. Альфред несколько раз (и вполне благополучно) ездил в Лиссабон и Мадрид. Эти путешествия были значительно менее опасны, чем его появления в Париже. В столице Франции всегда могли произойти самые необыкновенные встречи. В 1941/42 годах еще действовало правило: достаточно вам простоять подольше на площади Пантеона, чтобы увидеть знакомых. Из Парижа Альфред всегда привозил новости — иногда трагические, а иногда комические.

Господин Игрек внезапно оказался мексиканцем, и теперь гестапо ничего не может с ним поделать. Господин Зет таинственно исчез; зато господин Икс сделал блестящую карьеру в новом качестве необуддистского жреца или писателя неоэкзистенциалиста.

В туманный весенний вечер 1941 года на станции метро Барбэс был произведен первый по счету выстрел в немецкого офицера. Стрелял Фабьен, и его выстрел стал сигналом перехода к открытой войне. Разумеется, и гестапо сделало из этого выстрела все необходимые выводы.

Альфред немедленно принялся организовывать боевые группы, находившиеся в связи с движением Сопротивления. В этой книге не стоит освещать роли Альфреда в зарождении тайной армии или ее Объединенного Руководства.

Достаточно сказать, что короткий период времени между февралем и октябрем 1941 года стал решающим не только для нас, но и для всех движений Сопротивления. Смутные до того времени идеи приобрели реальность, планы претворялись в действие. Опасности стали очевиднее. Они оказались достаточно серьезными, чтобы оттолкнуть от борьбы болтунов и любопытных.

Механизм сбора информации начал работать целеустремленно и четко… и немедленно возникали политические проблемы.

Необходимо было установить связь с Комитетом свободной Франции, которым руководил в Лондоне генерал де Голль.

Мы отлично знали о существенных разногласиях между генералом де Голлем и союзниками. Но почти для всех французов, независимо от политических убеждений, входивших в нашу группу к началу 1942 года, с именем генерала де Голля были неразрывно связаны все упования на освобождение Франции.

Напомним, что Комитет Свободной Франции отнюдь не являлся правительством. Соединенные Штаты признали псевдоправительство Виши и держали там свое посольство.

Канада тоже прислала в Виши своего посла.

У Лондонского Комитета Свободной Франции не было ни денег, ни дипломатических полномочий, ни вооруженных сил, ни разведывательной службы. Все это предстояло создавать на гладком месте.

Тем не менее факт остается фактом. Сегодняшняя Франция существует лишь потому, что существовали свободные французы. Это они в 1944 году, немедленно после высадки союзников, сумели создать собственное Временное Правительство, тем самым избежав судьбы Италии, надолго оказавшейся под властью союзной военной администрации.

Эти истины, достойные м-сье де ля Палиса [12], слишком рано начинают забывать. Люди, которые сейчас громче всех кричат о необходимости защитить независимость Франции от Вашингтона или Москвы, совершенно забыли о том, что в 1940 году сами они состояли на немецкой службе в рядах чиновников Виши.

В 1940–1941 годах (особенно до вступления в войну Советского Союза!) деголлевский Комитет был нашей единственной надеждой. В нем было немало дилетантов в политике, дипломатии, секретной службе… Но что нам оставалось делать? Почти все профессионалы оказались на службе у врага. Пришлось искать связи с лондонскими любителями и дилетантами. Это стало вскоре абсолютной необходимостью.

Мы быстро поняли, что никогда, ни при каких условиях, ни Англия, ни Америка добровольно не свяжут нас со Свободной Францией.

В 1942 году (как и сейчас) хорошее разведывательное бюро (да еще бесплатное!) представляло собой немалую ценность.

Эту ценность каждое правительство хотело сохранить для себя, хотя и склонно было время от времени уделять кое-какие крохи остро нуждающемуся соседу.

Неприятно говорить об этих конфликтах, но и умолчать о них невозможно. Мужчины и женщины, работавшие с нами, ежедневно рисковали жизнью, и не только жизнью: их ожидали страшные истязания. Они шли на смерть, но хотели знать, что жертвуют собой не ради американской или английской разведки.

Большинство их было французами. Собирая сверхсекретные сведения для нас, они хотели быть уверенными, что работают во имя своей родины.

Живой представитель свободной Франции стал для нас необходимым, и мы начали разыскивать его. Во Франции мы искали француза, и оказалось, что найти его — отнюдь не легкая задача. Сколько-нибудь официального представителя деголлистов не оказалось ни в Виши, ни в Берне (где ему не мешало бы, кстати говоря, находиться).

В ходе упорных розысков мы сталкивались с незнакомыми тайными организациями англичан и американцев или с гестаповцами, загримированными под людей Сопротивления.

Мы встречали маньяков (эти опаснее всего!), соприкасались со многими щупальцами бывшего Пятого Бюро, с итальянским Сопротивлением (группой Треугольник), со швейцарской политической разведкой и множеством самых различных организаций.

Нам попадалось все — кроме свободного француза!

Мы предпринимали много попыток, раскидывали сеть как можно шире. К нам не раз являлись «представители» от генерала де Голля, но ни один не смог предъявить достаточно убедительных полномочий. Позднее мы неизменно устанавливали, что это были либо провокаторы, либо сумасшедшие.

Однажды нам померещилось, что мы напали на след настоящих, подлинных деголлистов.

Спустя недолгое время след привел нас… к нашей собственной организации. Одному из наших информаторов она была известна под другим названием.

К сентябрю 1942 года мы потеряли всякую надежду.

Сбор материалов шел хорошо, контуры оружия «X» начинали постепенно возникать из мрака… но лучшие наши агенты отказывались работать с нами, если связь со свободной Францией не будет установлена.

Между тем некоторые события, необходимые для установления этой связи, уже произошли в Глазго.

И вот, когда мы совсем отчаялись, человек, которого мы так долго искали, спрыгнул с парашютом над французской землей.

3. Салют Марко Поло

Там, где море сливается с небом

И в дожде угасает свет,

Проверяют высокие волны

Наше мужество в эту ночь…

Редиард Киплинг (Из поэмы «Эскадренные миноносцы»)

Пьер Монроз, коренастый брюнет, француз северянин, по основной специальности был подводником.

Осенью 1942 года он терпеливо ждал, когда верфи на Клайде закончат для него постройку подводной лодки. Под флагом свободной Франции и командой Пьера судно должно было вступить в бой. Пьер был немало удивлен, когда ему предложили совершить парашютный прыжок над Францией и стать секретным агентом.

Однако сооружение подводной лодки затягивалось и не могло окончиться ранее лета 1943 года, и Пьер решил, что любая работа на пользу родине лучше вынужденного безделья.

Из Глазго Монроз переехал в Лондон и принялся готовить свою экспедицию, получившую шифрованное название «миссии Марко Поло».

Если бы радист, назначенный сопровождать Монроза, не был заранее уверен в своей гибели, пути миссии Марко Поло, вероятно, никогда не пересеклись бы с нашими.

Однажды вечером Пьер вошел в комнату своего радиста.

Тот отложил в сторону книгу по теософии и сказал задумчиво:

— Я знаю, что из этой экспедиции мы не вернемся. Хотите, займемся вместе подготовкой к новому рождению в перевоплощенном виде? Учтите, что смерть и долгие предсмертные муки должны значительно улучшить наши кармы… [13]

Монроз поспешно вышел и отправился требовать другого радиста. Свободного не оказалось под рукой, а Монроз, как и большинство моряков, не терпел промедления.

Он спрыгнул один, без радиста, и добрался до Лиона к октябрю 1942 года.

На первых порах Монроза приютил один нотариус, старинный друг его родителей.

Постепенно Монроз начал собирать вокруг себя мужчин и женщин, из которых впоследствии сформировалась «группа Марко Поло». Получилось так, что история этой организации оказалась неразрывно связанной с борьбой за обнаружение оружия «X».

Пьер Монроз принялся искать себе радиста — и нашел Верна.

В это время наша группа еще продолжала поиски свободного француза, а обращение Эльброннера к Рузвельту начало приносить кое-какие плоды. У нас на глазах зарождалась американская секретная служба, и это событие с каждым днем все больше влияло на нашу деятельность.

Приходится признать, что первые шаги новорожденной службы были несколько наивными.

Летом 1942 года в Европу прибыл г-н Аллен В. Даллес (ныне руководящий всеми американскими секретными службами). Лишь с его помощью нам удалось привить нашим заатлантическим коллегам более современные взгляды на разведывательную деятельность. Это была нелегкая задача, ибо дух конспирации, идеи, заимствованные у «людей плаща и кинжала», были в то время глубоко чужды американцам. Нам стоило огромных трудов

выручить г. Даллеса из южной зоны Франции, когда туда ворвались немцы. На пограничной станции он едва не был арестован гестаповцами. Да будет мне позволено дружески напомнить г. Даллесу, что ему не следовало обращаться с длинной речью к французским таможенникам. Это была прекрасная речь со ссылками на Лафайета [14] и генерала Першинга [15], но произносить ее следовало бы где-нибудь в другом месте, где она не привлекла бы к оратору столь пристального внимания.

В наше время американцы сумели учесть все полученные уроки, но в 1942 году их секретная служба стоила немногого. Она была укомплектована людьми, по неопытности допускавшими грубые ошибки. Ее работа была менее тонкой, чем английская…

Несовершенство американской организации сделало для нас еще более важной прямую связь с разведывательными органами сражающейся Франции. Эта необходимость обострялась еще и тем, что природа оружия «X» к этому времени успела для нас проясниться почти полностью.

Мы установили, что речь идет о самоуправляемых снарядах, движимых ракетами или моторами нового типа.

Один такой снаряд мог в 1942 году превратить в пепел любой пункт Великобритании. В 1944 или 1945 году такие снаряды уже могли бы достигнуть и американского континента.

Такое заявление тогда звучало фантастически, и мы знали, что в Лондоне и Вашингтоне оно будет воспринято с недоверием.

Однако факты оставались неоспоримыми.

У немцев работал один видный русский инженер, старик эмигрант. В июне 1941 года он начал регулярно снабжать нас материалами исключительной ценности. От него мы узнали, что на острове Пеенемюнде создан мощный немецкий научно-исследовательский центр и что этот центр занят «доводкой» нескольких видов нового и чрезвычайно опасного оружия.

Работавший в Пеенемюнде немец — тайный антифашист — добавил, что новое оружие обозначается буквой «фау» (от «Vergeltung» — мщение) и что оно почти готово…

С другой стороны мы знали, что некий С. по поручению фюрера стремится резко увеличить производство в Европе жидкого кислорода.

В разных местах северного побережья Европы, как нам сообщали, строились многочисленные пусковые площадки.

Надо было быть слепым, чтобы в сумме этих донесений не увидеть назревавшей угрозы. Тем не менее в конце 1942 года лондонский объединенный штаб союзного главнокомандования нисколько не интересовался известиями о новом мощном оружии.

Это было тем более странно, что Британское общество по изучению межпланетных полетов, созданное в Ливерпуле, давно уже занималось созданием ракет сверхдальнего действия и, естественно, описания подобных ракет должны были существовать в Великобритании.

С требованием разыскать эти досье мы обращались в четырнадцать органов союзных объединенных штабов. Однако мы и сегодня не знаем, было ли что-нибудь предпринято или нет.

Лишь значительно позднее Верховный Объединенный штаб союзников изменил свое отношение к оружию «фау», и вопросы о нем стали появляться в заданиях, исходящих из этого высокопочтенного органа.

Примерно в это время состоялась первая встреча Монроза с Верном. Монроз успел собрать вокруг себя горсточку людей, не менее замечательных, чем те, что сгруппировались вокруг Эльброннера и Эшкенази.

Среди уцелевших членов группы Марко Поло можно назвать многих — от министра до контролера лионского трамвая; там сотрудничали историк и торговка галантереей, архиепископ и уборщица парижского кино, генерал и газетчик… Перечисление могло бы затянуться надолго.

В январе 1943 года в группе Монроза не хватало радиста, который смог бы заменить оставшегося в Лондоне теософа. Одному из секретарей группы, мадмуазель Жаклин Севильяно, было поручено разыскать радиста. Однако она сама лишь недавно и нелегально появилась в Париже, где ее завербовал Дюбуа-»Пантера», о котором мы уже упоминали.

Этот Дюбуа познакомил мадемуазель Жаклин с Верном, а она организовала встречу с Монрозом. Желанный контакт был найден и установлен, полномочия Монроза оказались в полном порядке.

Не порывая связей с Лондоном (к счастью для группы Марко Поло!), Эльброннер, Эшкенази, Верн и прочие поручили Монрозу руководство своей организацией.

Так возникла (теоретически в ноябре 1942, а практически в январе 1943) объединенная, зарегистрированная группа Марко Поло, вскоре вошедшая в состав французских Тайных Вооруженных Сил (FFC) [16]

Мы очень надеемся, что когда-нибудь будет написана полная история нашей организации, а не только та ее часть, которая относится к борьбе против оружия «фау».

Первые шаги нашей группы были отмечены высоким духом братства и взаимопреданности, которые не так уж часто возникают в организациях, занимающихся шпионажем.

Этот тон определялся личностью Монроза.

В интригу и конспирацию этот человек ухитрился привнести моральный кодекс «подводного самопожертвования».

В его комнате булавкой к стене было пришпилено стихотворение, принадлежащее командиру подводной лодки «Аретуза». Оно было написано перед последним рейсом «Аретузы», тем самым, из которого она не вернулась.

Лучше, чем любое описание, воссоздают эти строчки ту атмосферу вдохновенного героизма, которым были проникнуты мы все:

Бог любит тех, кто видит цель одну.

Тому принадлежат его заботы,

Кто смело входит в мир слепорожденных,

Как мальчуган с игрушечною саблей,

Бессильный и бесстрашный бросив вызов

Безмерному величию зари…

Благодаря посланцу свободной Франции, в центре нашей группы образовалось то ядро рыцарой страха и упрека, которое необходимо для создания подобной организации. Когда она уже создана, то может иметь дело с любой нечистью, не подвергаясь опасности заразиться. Нечисть должна хорошо оплачиваться, и ее следует крепко держать в руках. От времени до времени весьма полезно показывать ей, что в оккупированной стране для предателей может быть только одна мера наказания — смерть.

Но нечисть годится лишь для выполнения мелкой работы.

На любой командный пост должен быть поставлен человек, ощущающий себя человеком. В свое время немцы верно сказали: «Ремесло шпиона — благородное ремесло». Руководить в подполье могут лишь те люди, которые знают это правило и умеют соответственно себя вести.

Свойственный Монрозу идеализм отнюдь не умалял его достоинств руководителя [17]. Он только заставлял его всегда быть впереди, брать на свою долю максимум риска, показывая пример остальным.

На всей территории Франции резко усилилась активность гестапо, и нам пришлось казнить нескольких гестаповских осведомителей. Затем нами была организована эффектная ликвидация одного из комиссаров гестапо. Он заживо сгорел в трамвае. Его портфель был ловко подменен зажигательной бомбой с часовым механизмом, выполненной точно в форме этого портфеля.

Затем был предпринят налет на полицию, и нескольких арестованных освободили. При этом нам удалось договориться с полицейскими Виши, и лишь по отношению к гестаповцам пришлось применить насильственные меры.

Все вместе взятое должно было показать и друзьям и противникам, что в игру вошла некая новая сила.

Возможно, что Монроз и Эшкенази несколько увлекались насильственными методами. Один из основных принципов подпольной работы гласит, что добывание информации не должно сопровождаться операциями. Однако на практике весьма трудно бывает придерживаться этого правила. Предположим, вы организовали производство чемоданов и записных книжек, которые взрываются в руках, если их открывает человек непосвященный.

Как можно не проверить качество вашей продукции на противнике? Если у вас есть сильные боевые группы, отлично обученные группы прикрытия, как можно не наносить противнику удары везде, где только представляется возможность?

Как пример можно привести стенографированную выдержку из радиопереговоров:

Агент ННН (названный так потому, что он выпускал подпольную газетку под названием «Час Н для Гавра» [18] сообщает центральной:

— Вам отправлен план гаврского порта с расположением в нем кораблей.

Центральная: Получено.

Агент ННН: — Имею уточнение. На плане показано нефтеналивное судно у причала B; его там больше нет, мы его взорвали.

Центральная: Во-первых, служба информации не занимается боевыми действиями; во-вторых, вы представлены к «Кресту Сопротивления»; в-третьих… расскажите подробнее!..

Агент ННН: — Мы явились с документами от городского дезбюро для уничтожения на судне

крыс. Зажгли серные шашки, заставив разбежаться экипаж. Надев противогазы, мы заложили в четырех местах зажигательные бомбы замедленного действия типа А1. Судно взлетело на следующее утро. Не забудьте внести исправления в план.

…Подобные операции, в которых шпионаж сочетался с диверсиями, наша группа проводила десятками.

Помнится, настоящая битва разгорелась вокруг одной шлюзовой плотины. Вначале группа безуспешно пыталась взорвать ее петардами, которые применяются в кавалерии. После неудачи мы все же уничтожили плотину при помощи большой плавучей мины. Эта диверсия принесла двойную выгоду: во-первых, союзное командование узнало, что германские «карманные» подводные лодки спускаются в море непосредственно по течению Роны; во-вторых, эта удобная дорога была надолго выведена из строя.

Позднее мы организовали ограбление одной Парижской фабрики, изготовлявшей для «фау» сверхлегкие электромоторы. Эта операция значительно обогатила материальную часть нашей группы. В частности, у нас появились маленькие аппараты для преобразования постоянного тока в переменный. Поскольку электроэнергия подавалась с большими перебоями, мы смогли обеспечить для наших радиопередатчиков аварийное питание от аккумуляторных батарей. Для нас это было драгоценным приобретением.

Старинный принцип, что на войне следует жить за счет противника, оказался еще более применимым в технической войне.

Было предпринято несколько нападений на аэродромы, занятые немецкой авиацией. Эти рейды преследовали двоякую цель.

Были запечатлены на пленку новые модели самолетов для Лондона. Во вражеские машины закладывались особые бомбы малых габаритов. Взрыватели этих бомб были устроены на барометрическом анероидном принципе; они действовали лишь на определенной высоте, достигнутой самолетом.

Удалось нам также добыть кое-какие данные о новых видах вооружения. В 1943 году мы передали в Лондон материалы о ракетах противовоздушной обороны, управляемых радаром. Это была защита немцев от массовых налетов «летающих крепостей» и ночных бомбардировок с большой высоты, ставших смертоносными из-за новых американских приспособлений для прицельного бомбометания. Над этими ракетами работали несколько специальных секций Центра в Пеенемюнде в тесном сотрудничестве с французскими предателями.

Англичанам удалось, перехватив у немцев идею, развить ее и создать весьма действенные ракеты ПВО.

Один из сфотографированных нами документов свидетельствовал о том, что немцы начали, не ограничивая себя в расходах, разыскивать повсюду высококвалифицированных математиков.

Вскоре выяснилось, что перед этими людьми ставится необычная математически определить, как будут работать радиоустановки при движении со скоростью 10000 километров в час. В те времена подобные скорости казались совершенно фантастическими.

Благодаря хорошим связям в научных кругах нам удалось привлечь несколько надежных людей, которые доставили нам необходимую информацию. Шпионаж и наука шли рука об руку, совершенно так же, как и в наши дни. Сейчас они стали еще более неразлучными.

Так, мало-помалу, учились мы в школе войны.

Основная работа, необходимая для каждой подпольной группы, исполнялась довольно регулярно; примерно раз в месяц специальный самолет увозил в Лондон посылку весом около двадцати килограммов. В ней были образцы деталей, заснятая микропленка, документы, фотографии и прочее.

Возник неписаный закон; что бы ни происходило, скольких бы человеческих жизней это ни стоило — посылка должна уйти.

Посылка должна быть всегда готовой заранее.

Дата отправления была сверхсекретной, даже люди, доставляющие сведения, которые входили в посылку, не знали этой даты. Почему-то всегда получалось так, что в последнюю минуту поступали самые объемистые и самые срочные материалы.

Наконец посылка была упакована и вручена агенту связи, который передавал ее агенту-приемщику. Жизнь всех этих людей висела на волоске; при аресте им пришлось бы раздавить зубами крохотную ампулку с цианатом калия.

Что касается самой посылки, то она была в относительной безопасности, ибо никто, кроме агента-приемщика, не знал сложного секрета этого невинного с виду чемоданчика. Если неосведомленный человек попробует открыть замки, то чемоданчик вспыхнет и мгновенно обратится в пепел; в стенках вмонтированы взрывчато-зажигательные пластинки, а замки с особым секретом играют роль запалов.

Вскоре нам стало казаться, что подготовка и отправка таких посылок существовали всегда, во все времена. Они были вечными. Один из нас утверждал даже, что был начальником подпольной группы в доисторические времена, в эпоху палеолита.

Он подробно воссоздал конспиративную технику подпольщиков каменного века.

«Две тысячи первобытных машинисток вырубают зубилами сведения на каменных плитах. Шум страшный. В посылку входит десять тысяч исписанных камней, заполнять их можно только в грозовые ночи, когда гремит гром. В тихие ночи приходится опасаться гестапо. За три года до прилета лондонских птеродактилей, которые переправляют посылку по воздуху, начальник группы бегает, хватаясь за голову, и вопит: — Скорее! Торопитесь! Птеродактили могут приземлиться когда угодно, быть может даже в нынешнем году!..»

Надо признать, что в 1942 году операции разворачивались в более быстром темпе.

Где-то, в Лондоне или в Вашингтоне, возникает вопрос:

каков средний диаметр гальки на пляжах французского побережья?

Пробная высадка в Дьеппе сделала этот вопрос весьма актуальным: забиваясь в просветы между траками гусениц, галька по существу вывела из строя союзные танки, потерявшие всякую подвижность. Это в значительной мере обусловило задержку операции и ее конечную неудачу. Или например:

Как получить годовой календарь ярмарок во Франции? Спрашивает управление союзной бомбардировочной авиации. В ярмарочные дни бомбежек не будет во избежание излишних человеческих жертв.

Где сейчас находится бронетанковая дивизия «Райх»? Оказывается, столь громоздкая вещь, как бронетанковая дивизия, тоже может затеряться.

Что вырабатывает подземный завод, помещающийся в Париже на бульваре Келлерман?

Как идет установка пусковых площадок для оружия «Х» в районе Па де Калэ?

Что сказал Гиммлер Лавалю?

Каков номер немецкой подлодки, заправлявшейся в Дакаре 16 сентября 1942 года?

Сейчас, в октябре 1942 года, в каком положении находится работа немцев над урановой бомбой?

Каков диаметр шарикоподшипников, изготовляемых для немцев заводом в Аннеси?

Так возникает вопросник.

Это — документ, напечатанный на машинке, размером от двадцати до тридцати страниц. Шифрованным он не бывает, ибо расшифровка потребовала бы слишком много времени.

Человек, захваченный с подобным документом на руках, обречен на долгие пытки и мученическую смерть.

На центральном (или командном) пункте организации вопросник, присланный из Лондона, будет размножен на ронеографе и роздан секретным агентам по добыванию информации.

Полученные ими данные будут в запечатанных конвертах вверены «почтовым ящикам». Почтовый ящик может быть создан где угодно: в бюро нотариуса, в агентстве частного детектива, в квартире видного предателя, в монастыре или ночном кабаке, в жилище рабочего или служащего… В одном маленьком городке почтовым ящиком долгое время был… почтальон!

Система «почтовых ящиков» весьма рискованна, но в ней есть одно существенное преимущество. Благодаря этой системе любой мужественный человек получает возможность участвовать в борьбе. Он может сражаться и считать себя солдатом в не меньшей степени, чем люди Бир-Хакейма.

Очень многие наши корреспонденты погибали под пытками во время допросов. Иные были расстреляны эсэсовцами или сгорели в кремационных печах.

Бороться с немцами могли все. Не участвовали в Сопротивлении лишь те люди, которые не хотели в нем участвовать. По правде говоря, они имели на это полное, неотъемлемое право.

Итак, один из участников организации обходил почтовые ящики и собирал вопросники вместе с полученными ответами. Он знакомился с ними, ставил на них отметки от нуля до двадцати, в зависимости от того, насколько они важны были на его взгляд. Кроме того, он мог добавить свои собственные, дополняющие данные.

Сущность ответов, полученных таким образом, была самой разнообразной. Приведем несколько примеров.

«Защитная смазка, которой пользуются немецкие подводные лодки, дабы не подвергнуться детектированию ультразвуком, состоит из пластической массы, именуемой «оппанолом» [19]. Ее точная формула прилагается. При толщине слоя, равной четвертой части длины ультразвуковой волны, эта пластмасса поглощает волну и делает подлодку неуловимой».

«В одном кафе Макона (адрес не указан) один немецкий офицер (род оружия и часть не указаны) заявил, что Гитлеру скоро крышка».

«Главный штаб командования немецкими вооруженными силами в Сицилии ныне помещается на почте в городе Таормина».

«В Марселе предатель Зет выдавал замуж дочку. На столе были пирожные с черного рынка. Имя и адрес пирожника не установлены, но мы его разыщем».

Необходимо все прочесть, все классифицировать. В основе географический принцип. Если, скажем, дезертировал немецкий полевой жандарм (из «фельджандармерии»), материал идет в секцию XIБ; если побег произошел в береговой зоне, то донесение попадает в секцию XIC. Из раздела «моральное состояние наземных войск» оно переходит в раздел, ведающий моральным состоянием во флоте.

Самое главное — ничему не удивляться. Все возможно в этом мире. Полет Рудольфа Гесса оказался чистейшей правдой, хотя и выглядел сенсационной «уткой». Немцы на самом деле работали над урановой атомной бомбой, и оружие «X» тоже существовало в действительности.

Весьма важным было также сохранять чувство юмора.

Когда г-н Пьер Лаваль через посредника предложил нам свои услуги, мы радировали в Лондон:

Пьер Лаваль завербован в группу Марко Поло точка

Подпольная кличка — Иуда точка

Ожидаем инструкций точка.

Персоналу секретариата чувство юмора тоже не мешало. Наш однажды выпустил такой циркуляр:

Центральная — всем агентам:

По вопросу: о контршпионаже.

«Впредь предлагается описания прекрасных шпионок снабжать фотоснимками в наименее одетом виде».

Когда, наконец, все материалы были собраны, а агенты от Стокгольма до Балеарских островов устремлялись за новыми сведениями, наступали горячие дни для руководства.

Материал нужно было кодировать или хотя бы «полукодировать».

При этой процедуре зашифровывался не весь текст полностью, а лишь наиболее важные места.

Материал разбирался, к нему добавлялись образчики, планы, фотоснимки и все предметы, ранее заказывавшиеся Лондоном. В их числе могла быть телефонная книжка города Лиможа, образчик катода от радара немецкой конструкции, пластинка графита из оружия «фау», личное удостоверение офицера СС (законный владелец которого покоится вечным сном на дне Роны), письмо от великого магистра французских масонов президенту Рузвельту, соображения о возможности получения в Швейцарии займа для свободной Франции и месячный проездной билет на трамваях города Тулузы.

Жаль, что в этом списке не хватало обращения французской еврейской общины к какому-нибудь прославленному раввину: в этом случае в одной посылке были бы данные о всех трех основных врагах гитлеровского райха — евреях, франкмасонах и международных капиталистах.

Все приготовленные документы надо было перечитать еще раз. Затем тщательнейшим

образом уничтожались все черновики, копировальная бумага, ленты пишущих машинок.

Заготавливался конверт для сообщений под заголовком «В последнюю минуту». На этой работе было занято несколько человек с девяти часов вечера до шести часов утра.

Наконец, мешок из просмоленной парусины был наполнен и запечатан. Его укладывали в самовозгорающийся чемоданчик, который крепился на багажнике двухместного велосипеда-тандема.

Последняя проверка доставщиков: осматривались документы, выяснялись цели путешествия, проверялось оружие.

И посылка № N отправлялась в путь.

Если все пройдет благополучно, без неприятных встреч, и лощина для посадок не будет обнаружена немцами, то ночью прилетит маленький, почти бесшумный «лизандр».

Если час катастрофы не пробил, «лизандр» сделает посадку ночью, в укромном месте на французской земле.

А через несколько дней Би-би-си скажет в своей вечерней передаче: «Желание увеличивается по мере того, как возрастают препятствия»…

А мы будем знать, что целый трудный месяц мы работали и боролись не напрасно.

А если посылка не дошла до адресата — что ж: надо поскорее готовить ее двойник, только и всего. Что не удается с первого раза, удается со второго.

А там уже пора готовить посылку № N + 1.

4. Лионские тайны

Под солнцем Полночи склоняясь на Восток,

Раскроет венчик папоротник страха,

Чудовища поднимутся из праха,

Ночь неба и людей, удвоенный цветок.

Арагон. «Таинственный Лион».

Гестаповцы преследовали человека от самого вокзала Бротто. Смертельно раненный, он позвонил в дверь дома, в котором жил один из нас. Затем он умер, не произнеся ни слова.

— Незнакомый, — сказал Альфред.

— Не из моих, — заметил Верн.

Вмешался аббат М., участник нашей группы, бывший тюремный духовник:

— Однако он позвонил к нам!

— Это ничего не доказывает, — возразил Альфред. — Позвони он в соседнюю дверь, он наткнулся бы на другую подпольную группу. Город набит ими.

— Документов нет, — констатировал Верн. — Вот лондонский вопросник. Ключи. Около ста тысяч франков, среди них много пятитысячных купюр лондонской работы. Билет парижского метро. Белье без меток. Бумажника нет. Что скажете, г-н Шерлок Холмс?

— Я полагаю, Ватсон, — ответил Альфред, — что этот человек успел выбросить свой бумажник с другими документами. Установить его личность будет нелегко.

— Вы согласны заняться похоронами, г-н аббат?

Все необходимое будет сделано, в физическом и духовном смысле. Я предупрежу наших друзей из полиции. Они доставят тело в институт судебной медицины, и все будет в порядке. До свиданья, друзья.

Каждый день на нас сваливалась новая тайна.

Накануне Сотэ, один из лучших наших лионских агентов приволок труп, вытащенный из Роны. На утопленнике был найден документ какой-то «службы 500», о которой мы ничего ке слыхали ни тогда, ни впоследствии. Он, видимо, принадлежал к незнакомой нам подпольной группе, Ранений на теле не оказалось, вероятно человек бросился в реку в поисках спасения и утонул, вернее всего, от судороги. Мы послали донесение в Лондон, приложив копию протокола, составленного французской полицией.

Днем раньше объявилась другая загадка. В Лион внезапно пожаловал Гиммлер. По всем данным, он приехал, чтобы закупить на черном рынке золото для себя и для некоторых других высокопоставленных нацистов. Возможно, у рейхсфюрера СС были и другие планы, но никаких донесений от наших людей еще не поступало. Надо было подождать дополнительных сведений. По мере того как наша группа приобретала опыт, количество информации непрерывно росло. Тем не менее в тумане лионских ночей возникало все больше и больше тайн. Это было характерно для нашей эпохи, подобно которой не знавала история.

С обеих сторон баррикады атмосфера сгущалась. И чувствовалось, что обе стороны все ближе подходят к решению атомных загадок.

Мы знали, что американское правительство старательно выискивает повсюду физиков, экспериментаторов и особенно теоретиков. С другой стороны, нам было известно, что в Германии также упорно велись работы над расщеплением ядра. Сейчас можно сказать прямо, что союзники недооценивали значение этих работ. Секретные обзоры — в частности, обзор профессора Гудсмита — страдали неполнотой и каким-то блаженным оптимизмом. В области атомных исследований немцы продвинулись гораздо дальше, чем принято думать. Еще большего они достигли после окончания войны. Когда немецкий милитаризм возродится снова, в руках у него будет ядерное оружие.

Примерно в это время группой наших агентов была предпринята попытка получить более подробные сведения относительно оружия «X» и одновременно подорвать боевой дух немецкого офицерского состава. Была использована страсть некоторых высокопоставленных немцев к оккультизму и «тайным знаниям». Такое любопытное, но маловероятное совмещение — межпланетные открытия и гадания на кофейной гуще — могло подорвать всякое доверие к самому факту существования секретного оружия.

Тогда — в первые месяцы 1943 года — самолеты еще не летали быстрее звука. Сообщения о

ракете дальнего действия, передвигавшейся в стратосфере со скоростью пять тысяч километров в час, вполне могли показаться фантастическими и не заслуживающими внимания. Мы ощутили со стороны верховного союзного главнокомандования холодок недоверия, выразившийся в недомолвках и колебаниях.

Тем не менее неоспоримые доказательства продолжали накапливаться. В них было немало противоречий, но все противоречия сглаживались, если допустить, что речь шла не об одном секретном оружии, а о трех сразу.

Так оно и было. Противник готовил одновременно:

1. Самолет-робот. Груженный взрывчаткой, управляемый без летчика, он был предназначен для обстрела по не слишком удаленным целям и запускался со специальных площадок, во множестве строящихся на европейском побережье. Мы назвали его «самолетом-снарядом».

2. Ракета ближнего действия, призванная в значительной мере заменить зенитную артиллерию и истребительную авиацию.

3. Ракета огромных размеров, способная подниматься за пределы земной атмосферы на высоту ста километров. Эта ракета была предназначена для обстрела Англии, а в дальнейшем — и Соединенных Штатов.

Сообщения об этой ракете в союзническом верховном штабе встретили с особым скептицизмом.

Однако о ней докладывало нам множество людей.

Работы велись непосредственно в Пеенемюнде. А кроме того — у фабрикантов жидкого кислорода, у крупных спиртоперегонных заводчиков, у владельцев фирмы сверхлегких насосов и помп в Швеции. Все показания полностью совпадали.

Правильность лионских информации подтверждалась, а не верили именно те люди, которым следовало бы заинтересоваться этими сообщениями.

Германия воспрянула духом. Кроме «гениальной интуиции» фюрера и благосклонности звезд, о которой кричали астрологи, у нее появилось новое оружие.

Это оружие могло вывести из строя Англию еще до того, как будет открыт второй фронт. Оно могло подорвать военный и промышленный потенциал Соединенных Штатов еще до того, как он будет брошен на чашу весов.

Донесений у нас было даже слишком много, отрывки головоломок совпадали слишком точно. Приходилось делать допуски: не всегда правда правдоподобна.

Высоко авторитетные эксперты оказались далеки от истины. Гораздо ближе подошел к ней писатель Гастон Леру, когда он описывал чудовищные немецкие ракеты в своем романе «Рулетабилль у Круппа».

Нашей основной задачей стало переубеждение союзных штабов. Необходимо было любой ценой добиться, чтобы нашим сообщениям поверили и, опираясь на них, безотлагательно провели массированные бомбардировки острова Пеенемюнде и побережья, где строились пусковые площадки.

Однако, будучи основной, эта задача не стала единственной задачей нашей организации. Мы продолжали регулярно отправлять в Лондон по 18–20 килограммов информации в месяц.

Внутри Германии шел сложный процесс. По мере того как ухудшалось военное положение и

исчезала прежняя уверенность в быстрой победе, возрастали надежды на секретное оружие. Наконец, поскольку дела шли все хуже, они стали главной и чуть ли не единственной надеждой. Особое значение приобрело поэтому сохранение в тайне работ над этим оружием. Это стало для немцев проблемой № 1. Дошло до того, что делом этим лично занялся наш главный противник адмирал Канарис.

На этом месте нашего рассказа необходимо охарактеризовать этого человека со всей возможной точностью.

Немецкая пропаганда приложила в свое время немало стараний, чтобы представить его в роли нашего союзника, тайного агента американской разведки. Это — чистейший вымысел, созданный по геббельсовской «теории огромной лжи».

Тот портрет, что мне придется набросать, основан на данных, строжайшим образом отобранных и проверенных. Часть этих данных неизвестна широкой публике. Образ в целом значительно отличается от тех, что встречаются в некоторых литературных источниках.

Тем не менее, мы можем утверждать, что портрет наш правилен.

Фридрих Вильгельм Канарис родился в 1893 году в Дортмунде от немца и гречанки. Отец его был владельцем металлургического завода.

В 1910 году Канарис поступил в императорский военно-морской флот, а уже в 1912 году мы видим его там на разведывательной службе.

Свойственный Канарису снобизм «хорошего происхождения» смешивался со всегдашней его англоманией.

Крейсер «Бремен», на котором служил Канарис, был предназначен для охраны безопасности германских граждан на южноамериканском континенте. Он плавал вдоль берегов Южной Америки, во всех республиках которой правительственные перевороты «пронунциаментно» свершались не реже, чем в наши дни.

Во славу секретной службы императора Вильгельма Канарис блестяще выполнил несколько деликатных миссий.

Его заметили. Начало войны 1914 года застало его на другом крейсере — «Дрездене», который был интернирован в чилийских водах. Канарис не замедлил убежать с недвижимого крейсера. Снабженный фальшивым чилийским паспортом на имя Рида Розаса, он добрался до Амстердама, а затем перекочевал в Берлин.

Получив назначение на пост морского атташе при германском посольстве в Мадриде, Канарис создал в Испании высоко эффективную и прочную сеть шпионажа. С божьей помощью и в 1955 году эта организация работала столь же энергично и четко, как в 1915 году, когда она только была основана Канарисом.

После крушения германской империи в 1918 году Канарис организовал свою собственную секретно-осведомительную службу, у которой вскоре нашелся новый хозяин в лице ИГ Фарбениндустри.

Этот концерн финансировал разведывательное бюро Канариса, помещавшееся в Берлине сначала на Бендлерштрассе, а затем переехавшее на Гитчинерштрассе.

В 1935 году бюро Канариса перешло на службу гитлеровской фашистской империи под новым названием «Абвера» (служба безопасности).

Канарис своевременно понял чрезвычайную важность науки в современной войне. Что бы о

нем ни говорилось, Канарис всегда верил в то, что Германия победит во второй мировой войне благодаря своей мощной технике и новым видам оружия. И Канарис всячески старался выиграть время для того, чтобы это оружие было создано. Как мы увидим из дальнейшего, Канарис для того и организовал заговор против Гитлера, чтобы получить отсрочку, достаточную для налаживания массового выпуска «фау». Кроме того, он надеялся, что начнется производство боевого радиоактивного газа.

Однако веру в счастливую звезду фюрера Канарис потерял позднее, а в начале 1943 года еще верно служил Гитлеру.

Оружие «фау» он расценивал как основу победы и издал приказ: обращаться лично к нему, если какая-нибудь из союзных разведок начнёт специально интересоваться этим оружием.

Такова была завязка удивительной и затяжной дуэли, известной под названием «дело Блинденгейм» [20], о которой нам еще придется рассказывать подробно.

Канарис деятельно занимался охраной тайны «фау» и одновременно среди прочих своих обязанностей готовил будущую бомбардировку Нью-Йорка. Такая бомбардировка могла быть успешной в том случае, если на значительной высоте над Нью-Йорком будет размещено несколько коротковолновых передатчиков. Они служили бы наводящими радиомаяками для ракет сверхдальнего действия типа «фау-3».

Уже в 1942 году Канарис начал засылать в Соединенные Штаты небольшие группы своих агентов. Паспорта и прочие документы у них были в безупречном порядке. Нацисты должны были на американской территории, из американских материалов изготовить коротковолновые передатчики-радиомаяки, а затем установить их на нью-йоркских небоскребах в определенной конфигурации для взаимодействия. Руководителем этой операции был назначен Отто Скорцени [21]. Для того чтобы отвлечь внимание от этих групп и занять работников американской разведки, Канарис допустил провал собственной службы саботажа, которой руководил майор Эрвин Лахузен. Им хладнокровно пожертвовали, отдав его в руки американской разведки.

Еще восемь нацистских агентов были доставлены немецкими подводными лодками на американский материк. Четверо были арестованы на Лонг-Айленде, а четверо во Флориде. Семеро из них были заранее обречены, сами того не зная, на расстрел. И все они были расстреляны. Делалось это для того, чтобы спасти восьмого, который и был основным агентом Канариса.

Этот человек жив и сейчас, он пребывает в американской зоне на свободе.

Такой сложной и жестокой системой Канарису удалось создать на территории Соединенных Штатов активную диверсионную группу. Одновременно он установил косвенную связь с американской миссией в Швейцарии, которой руководил в то время Аллен Даллес. Этот контакт был нужен немцам для предъявления в нужный момент ультиматума США, который звучал бы так: капитуляция или уничтожение.

Все было продумано: приспособления для запуска грандиозных ракет «фау-3» были смонтированы на подводных лодках. Ракеты предполагалось выпустить в открытом море с приблизительным направлением на Нью-Йорк. Радиомаяки Скорцени в воздухе вывели бы ракеты точно на цель.

Уже в марте 1943 года о существовании группы Марко Поло стало известно Канарису. Повинным в том, что о названии подпольной группы и о ее местопребывании в Лионе стал осведомлен враг, по-видимому, явился Лондон. Там были допущены некоторые небрежности в соблюдении конспирации. Совершенно независимо от этого, Канарис приблизительно в это же время получил первые данные, касающиеся Эльброннера, Эшкенази и Верна.

Сообщение было доставлено его агентом, французом предателем Плувье, который после освобождения был приговорен к бессрочному тюремному заключению.

Однако этот Плувье тогда не знал истинного состава нашей группы, не имел представления о выполняемой ею работе. Все это ему неизвестно и по сей день.

Тем временем постройка подводной лодки для Пьера Монроза была закончена. Лодка была названа «Пьер Кюри», и, чтобы принять командование, Монроз улетел в Лондон вместе с почтой на маленьком «лизандре» королевских британских воздушных сил.

Вскоре к нам прибыл его заместитель, человек, которому суждено было развернуть деятельность группы Марко Поло на полную мощность. Это был полковник Поль Жюивант де Сен-Гаст.

Внешне Сен-Гаст был похож на огромный нормандский шкаф, увенчанный страусовым яйцом.

Ему был свойствен неисчерпаемый оптимизм, он обладал невероятным запасом энергии. Сен-Гаст недурно разбирался в специфике разведывательной работы. До войны он успешно выполнил несколько специальных заданий для французской разведывательной службы.

Сен-Гаст был вылеплен из того материала, из которого создаются вожди. Он в высшей степени был наделен тем мужеством, которое для этого необходимо. Он всегда готов был рисковать своей жизнью. Взорвать ли плотину, пристрелить ли предателя, отправиться ли в «почтовый ящик», по слухам разоблаченный немцами, передать ли спешную депешу по радио прямо из города и без всякого прикрытия — Сен-Гаст всегда брался за любое задание. Он умел подчинять себе людей, находить настоящих друзей и, что также существенно, — умел наживать врагов.

Под его руководством мы начали опаснейшую работу по установлению регулярных связей с немецкими запретными зонами.

Такие зоны были созданы немцами во многих местах побережья Ла-Манша. Там производилась установка пусковых площадок для «фау», а мы начали составлять план их расположения.

Сен-Гаст лично раздобыл в Париже подлинные документы о немецком производстве жидкого воздуха и очищенного спирта, изготовлявшегося из французской сахарной свеклы.

В те времена люди часто жаловались на острый недостаток сахара. Они не знали, что весь наличный запас сахарной свеклы был пущен немцами на изготовление спирта, предназначенного для гигантских ракет, разрушающих Лондон…

У нас были и еще некоторые успехи, не относящиеся непосредственно к оружию «фау».

Ежемесячно в каждой посылке мы отправляли в Лондон, по крайней мере, один секретный, перехваченный нами приказ по немецкой оккупационной армии.

Ежедневно мы передавали радиограммы относительно ОВР.

Оперативное войсковое распоряжение немецкого командования — это приказ о перемещении войсковых и материальных частей, обозначенный псевдонимом. Чаще всего немцы зашифровывали намеченную операцию названием растения — Жасмин, Подсолнечник или что-нибудь в этом роде.

Полный текст ОВР иногда занимал несколько страниц машинописи. В нем значились не только цель операции, общие контуры и методика ее проведения, но и расписание с

точностью до минуты.

Раздобыть полное ОВР (а не только устный пересказ его) было равносильно выигранному сражению.

Надо было только успеть передать в Лондон радиограмму для того, чтобы союзная авиация вмешалась в игру, выбрав для этого самое удобное место и время.

При этом все исполнители в случае провала рисковали жизнью — их ждали пытки с последующим расстрелом без суда.

Это касалось в равной мере и молодого слесаря-железнодорожника, который отрегулировал счетчик немецкого ронеографа таким образом, что он вместо пятидесяти копий ОВР изготовлял пятьдесят одну. Одну он должен был сохранить и не попасться. Это относилось к агентам связи, к секретаршам, размножавшим ОВР, к шифровальщикам радиограммы и к радистам, передававшим ее в Лондон.

Значительно позднее, в 1944 году, нам удалось при помощи одного крупного инженера-железнодорожника получить планы всех вокзалов и товароперевалочных станций. Благодаря этому мы могли фиксировать все прохождение грузов, их назначения, их отправление и прибытие.

Также ежедневно мы передавали сообщения о следовании кораблей германского флота, да и французского тоже; корабли флота Виши исправно снабжали всем необходимым немецкие подводные лодки, базировавшиеся на Балеарских островах.

В среднем в неделю раз к нам поступал «гвоздь сезона». Иногда это бывал поистине необыкновенный документ.

Как пример можно привести агентурное донесение непосредственно с острова Пеенемюнде: предложение подпольной группы баварских сепаратистов о заключении мира; фото украденного немецкого самолета. Такие случаи тоже бывали.

Одна подпольная группа в Польше ухитрилась украсть самолет-снаряд «фау-1» в собранном виде. Трудность заключалась в том, как доставить такую добычу в Лондон.

Постепенно вокруг руководства организации (условимся на будущее время называть ее «Централью») собиралось все большее число сотрудников, сеть раскидывалась все шире, ячейки ее сплачивались все теснее.

Наш состав пополнялся с большой осторожностью.

Мы вербовали сообщников сами, не сносясь с другими подпольными группами, входящими в подчинение ЦБДР [22].

По работе мы были связаны только с двумя другими организациями, носившими шифрованные названия «Вектор» и «Аякс». Они были настолько хорошо засекречены, что ни мы, ни сами участники этих групп не знали руководителей.

Названия были выбраны очень удачно.

«Вектор» ведал доставкой посылок от «Централи» до места посадки связных самолетов. Он также принимал парашютные грузы и почту из Лондона. С ней посылались комментарии относительно ранее отправленных документов, новые вопросники, деньги, оружие, иногда пищевые концентраты и табак.

Когда в шифровальной решетке образовывались пустые клетки, мы неизменно заполняли их

пятью буквами — ТАБАК.

С какой радостью набрасывались наши курильщики на отличный прессованный табак, доставленный из Лондона!

Время от времени между нами и руководителем «Вектора» возникали заочные трения из-за нарушенных расписаний или неправильного распределения грузов, сброшенных с парашютами.

За все годы ни одна посылка не погибла по вине «Вектора». Мы обязаны чтить память бойца, о котором знаем только, что он мужественно погиб в концлагере Нейгамме.

Это же относится и к «Корсару», сменившему «Вектора» на посту после его ареста.

«Аякс» ведал нашей безопасностью, вопросами контрразведки и прикрытиями. Ни нам, ни противнику тогда не удалось установить, кто скрывался под этим псевдонимом. По делам его было ясно, что он принадлежит к числу высокопоставленных чиновников из Виши. Некоторые из нас предполагали даже, что «Аяксом» был сам Дарнан. Другие называли Кресселя или Филиппа Анрио [23].

Однако, как полагается в хорошем криминальном романе, все предположения были ошибочными.

После освобождения «Аякс» снял маску и немало удивил всех, оказавшись г. Ашиллем Перетти. Ныне он — мэр в Нейи.

В нашу работу «Аякс» вторгался неожиданными сообщениями: «У вас работает такой-то — он предатель. Устраните его».

Иногда «Аяксу» удавалось непостижимым образом освободить пленников из тюрем Виши (а то и из немецких!).

Охота на «Аякса» стала одним из любимых занятий лионских гестаповцев, но она так ни к чему и не привела. Лишь благодаря «Аяксу» удалось избежать проникновения в нашу организацию множества предателей-шпионов. Иначе они погубили бы нас примерно так, как было погублено голландское Сопротивление [24].

Таинственность «Вектора» и «Аякса» еще больше осложняла загадки, задаваемые нам гестапо и абвером.

К Сопротивлению тяготела чрезвычайно пестрая и разнообразная, неправдоподобно многочисленная человеческая фауна.

Больше всего нас тревожили судьбы некоторых наших людей, которые исчезали, не будучи арестованными гестапо. Такое странное явление и в нашей организации и во многих других происходило довольно часто.

Мы должны честно предупредить читателя: многие из этих тайн и сегодня не нашли своего объяснения.

Люди таинственно исчезают в обычные дни довольно редко, однако в то бурное время, описываемое нами, число без вести пропавших чрезвычайно возросло.

Мужчины и женщины растворялись бесследно, исчезали во мраке. Никто не знал, что произошло с ними.

Независимо от того, кто завербовал их, в конечном счете, ответственность за исчезнувших

ложилась на непосредственного руководителя. Бывало, что исчезал и сам руководитель. Тогда его люди, не известные никому другому, оказывались отрезанными от организации. Цепь разрывалась, невозможно было обнаружить никаких следов.

Иногда сухое донесение, опознанный труп, извещение, переданное на словах, скрывали невероятные по сложности и запутанности истории, достойные полковника Лоуренса или Йео-Томаса.

Некоторым нашим агентам в интересах дела приходилось тесно общаться с крупными нацистами или руководителями вермахта в генеральских и маршальских званиях, Доказательством тому может служить Нюрнбергский процесс; из показаний обвиняемых становится ясно, что донесения наших агентов были абсолютно точными. Но сами агенты исчезли как дым. Распались «почтовые ящики», и люди растаяли в радостном хаосе 1945 года. Быть может, появление этой книги заставит некоторых из них снова выплыть на поверхность?

Мы работали в кромешном мраке. Лишь кое-где горели островки света. Все остальное таилось во мгле и казалось огромной грудой перемешанных головоломок.

Затратив невероятное количество терпения и труда, мы восстановили и разгадали некоторые из них, но гораздо большее число еще ожидает разъяснения.

Писатель Питер Ченей состоит почетным членом того дружеского кружка, в который вошли уцелевшие участники нашей организации после конца войны.

Работая над своим романом «Зловещие свидания», Питер Ченей получал свободный доступ ко всем досье нашей подпольной группы. Используя эти досье, он написал роман, который многие читатели находят чрезмерно сложным и запутанным. Надо заметить, что действительность была несравненно сложнее и запутаннее.

Мы попробуем показать читателю эту сложную действительность, введя его внутрь нашей конспиративной «Централи».

5. * * * * *

Война, ваша милость, смешная игра:

Сегодня богатство, а завтра дыра,

Иные играют в войну босиком,

Иные в полете, иные ползком.

Но если бессмертна причина войны,

Мы тоже бессмертием облечены…

Луи Арагон. «Песня об осаде Лярошели».

Виллербанн — одно из индустриальных предместий Лиона. В нем есть несколько

небоскребов довольно скромного вида, но все же отличающих Виллербанн от остального лионского пейзажа.

Неподалеку от этих небоскребов находится заведение, где содержатся слепые, глухонемые и умственно отсталые дети. В этом здании суждено было разыграться историческим событиям, в какой-то мере определившим ход войны.

Рене и Маргарита Пелле, руководившие этой школой, вступили в группу Марко Поло.

Они согласились создать у себя командный пункт, место для хранения архивов и подготовки почты, проще говоря — нашу «Централь».

Когда она была обнаружена и разгромлена, немцы дали ей название «Блинденгейм», что по-немецки обозначает «Убежище для слепых».

Помещение убежища, где никогда не прекращалась деловая толчея, с точки зрения конспирации было идеальным во всех отношениях.

Некоторые преподаватели и слепые ученики училища знали о подпольной работе, которая в ней проводилась. Они самоотверженно рисковали своими жизнями ради дела, и многие погибли.

В мирное время школа была не только учебным заведением для неполноценных детей, но и одним из центров так называемого «расширенного скаутизма».

Так именовалось движение, имевшее целью ознакомить с принципами скаутизма тех подростков, которые из-за физических недостатков или увечий не могли участвовать в обычных скаутских организациях.

Федерация юных разведчиков [25] поддерживала эти попытки. Она шефствовала над училищем и даже организовала в ее стенах небольшую группу слепых разведчиков. Несколько зрячих разведчиков — мальчиков и девочек — участвовало в повседневной жизни школы. Они во время войны тоже втянулись в работу нашей подпольной группы.

Кроме того, множество людей, не имеющих никакого понятия о наших нелегальных занятиях, также было вовлечено в то дело, которое позднее называлось «Дело Блинденгейм».

Убежище состояло из двух отдельных строений, расположенных в просторном саду, опоясанном стеной с несколькими выходами. Некоторые воспитанники жили в убежище, так же как и кое-кто из преподавателей. В дальнейшем к постоянным обитателям школы прибавилось несколько участников нашей группы, не имевших жилья или опасавшихся им пользоваться. Большинство воспитанников и преподавателей жило в городе.

Среди непрерывного потока родителей, преподавателей, поставщиков продуктов было чрезвычайно удобно принимать в убежище секретных агентов, съезжавшихся со всех концов Европы. Нас посетили там пятнадцать или двадцать приезжих, и никто ничего не заподозрил; катастрофа пришла совсем с другой стороны.

Все основные службы нашей подпольной организации: машинописное бюро для размножения документов, фотолаборатория, группа изготовления микрофильмов, рисунков, распределения денег и прочего осуществлялись секретарями, живущими в здании школы и покидающими его крайне редко.

Два радиопередатчика с позывными «Вильям Пауэлл» и «Кармен Миранда», работая почти круглосуточно, обеспечивали связь с Лондоном.

Кроме того, Верн, вступив в группу Марко Поло, сохранил собственный передатчик большой

мощности и, кроме Лондона и Алжира, на ультракоротких волнах сносился со Швейцарией.

С февраля по июнь 1943 года наша организация распространилась по Франции, Германии, Бельгии, Голландии, Испании, Швейцарии, оккупированным скандинавским странам, Швеции и Италии.

Общее руководство осуществлял Сен-Гаст, а сбор материалов, их редактирование и т. д. проводилось в школе по указаниям Рене Пелле. Не разгружая себя от работы по школе (да еще в военных условиях!), Рене и Маргарита Пелле ухитрялись выполнять одновременно труднейшие задания «Централи».

Они спали от двух до четырех часов в сутки, но посылки всегда уходили вовремя и вести из Лондона были аккуратно приняты. В указаниях из Англии могло быть все что угодно, — от требования прошлогодней телефонной книги до приказа организовать казнь преступников.

У Рене Пелле было два брата: студент и дантист. Оба они охотно вступили в нашу организацию.

«Научный сектор» у нас был представлен значительно разросшейся группой, собравшейся когда-то вокруг Эльброннера, Эшкенази и Верна. Сектор располагал собственной оперативной базой, помещавшейся в каретном сарае квартала Круа-Русс. Именно там изготовлялись радиопередатчики, зажигательные бомбы, фальшивые документы и глушители для пистолетов и моторов.

Там же были собраны оригинальные труды европейских антифашистских ученых, касавшиеся прицельного бомбометания, ядерной энергии, радара и телевидения.

Здесь же размещалась «служба СВП» [26], которой руководил уже знакомый нам Дюбуа-Пантера. Постепенно он достиг в своей деятельности такого совершенства, что вполне мог обслуживать не только группу Марко Поло, но и все организации Сопротивления лионского района.

За одну неделю (с 13 по 20 мая 1943 года) служба Дюбуа раздобыла: пятьдесят тысяч патронов, двадцать пять кило взрывчатки, три полных формы эсэсовцев, перекрашенную автомашину с гестаповским номером, триста фальшивых продуктовых карточек.

Неподалеку от «службы СВП», но в совершенно иной атмосфере действовал наш Французский синдикат синтетических продуктов.

Это созданное нашей фантазией акционерное общество помещалось на несуществующей улице, его номер в городском коммерческом Регистре также был призрачным. Тем не менее оно расклеивало по городу афиши, а в его проспектах говорилось прямо, что вся синтетическая продукция общества предназначается исключительно для германского рейха. Несмотря на свою призрачность, Французский синдикат синтетических продуктов числил у себя на службе множество молодых французов и француженок. Выданные этим обществом справки спасали многих молодых людей от отправки в Германию.

За время своего длительного существования ФССП лишь один раз допустил неправильность, граничащую с нарушением закона. Его директор-распорядитель, подписывавший обычно все справки и удостоверения, находился в командировке в Саарбрюкене. Заметим в скобках, что там он был занят установкой еще одного подпольного радиопередатчика. Как раз в его отсутствие штаб объединенных групп Сопротивления срочно затребовал у нас четыреста фальшивых удостоверений личности с приложением к каждому фиктивной справки с места работы.

Пришлось прибегнуть к подделке подписи директора-распорядителя. Персонал акционерного

общества пережил такое беззаконие крайне тяжело: это было первым и единственным нарушением строгой этики делового мира.

Проблема ФССП была отнюдь не единственной, тревожащей руководителя организации и руководителя «Централи».

Им приходилось принимать по сотне ответственных решений еженедельно.

Подлинное германское движение Сопротивления (которое не имело ничего общего с той милой военной игрой, что развернулась в Берне между людьми адмирала Канариса и сотрудниками г-на Аллена В. Даллеса) только что возникло, настоятельно требовались оперативные указания, газеты, листовки и прочий пропагандистский материал.

Только что начал выходить подпольный листок, который был назван «Германский солдат на Средиземном море».

В нем была помещена статья, подготовленная к печати нашей группой. В статье были точно названы города, которым в ближайшие дни предстояло подвергнуться массированным налетам союзной авиации, и это произвело на читателей огромное впечатление. Можно было подумать, что автор статьи был заранее осведомлен о предстоящих бомбардировках, а на самом деле все было лишь удачной угадкой.

Из переговоров с группой баварских сепаратистов становилось ясным, что гитлеровский режим был далеко не таким прочным, каким казался. Все его надежды возлагались на новое, сверхмощное оружие, и, в случае если оно этих надежд не оправдает, режим мог бы развалиться.

Мы обязаны были доказать объединенному штабу верховного командования, что оружие существует и немцы рано или поздно приведут его в действие, если не будут приняты энергичные контрмеры.

Это стало для нас задачей № 1, но предварительно надо было еще решить задачу под нулевым номером — убедить в том же нашего начальника, полковника Сен-Гаста.

Сен-Гаст в свое время сталкивался с изобретателями и привык относиться к ним с недоверием. Он склонен был недооценивать возможности науки.

Однако в марте 1943 года донесения, полученные непосредственно с острова Пеенемюнде, заставили Сен-Гаста поколебаться.

Он немедленно собрал военный совет, на котором присутствовали Эшкенази и Верн.

— Вы болваны и мальчишки, — начал отчитывать нас Сен-Гаст. — Запроси вы огромную сумму за свои сведения, вам поверили бы с самого начала.

— Почему вы сами не запросите с них гору золота? — перебил его Эшкенази.

— Мы стали официальной воинской единицей сражающейся Франции, — ответил Сен-Гаст. — Я могу передавать сведения, но торговать ими не имею права. Я настаивал на том, что новое немецкое оружие — серьезная опасность, но ответ Лондона ясно показывает, что генерал Эйзенхауэр настроен скептически.

— Наш друг Эльброннер передал личное письмо президенту Рузвельту, — сказал Эшкенази. — Мы просим вас быть как можно настойчивее и держать нас в курсе ваших усилий. Союзники должны атаковать, пока не поздно!

— Пеенемюнде должен быть разрушен! — перефразируя Катона, подтвердил Верн.

В Лондон немедленно были переданы несколько радиограмм и два подробных донесения, чтобы обратить на это внимание верховного командования.

Ожидая решения союзников, наша группа предприняла одну из самых рискованных операций в истории лионского Сопротивления. Ее шифрованным названием было: «Операция Антикай». (Луи Арагон написал новеллу «Барашек», вошедшую в книгу «Рабство и величие французов», положив это происшествие в основу сюжета.)

Французской полиции удалось после длительных усилий арестовать двоих видных лионских деятелей Сопротивления.

Это были Валлэ, начальник боевого сектора (то есть ядра тайной армии Сопротивления), и знаменитый полковник Раванель.

Арестованных должны были перевезти из полицейского комиссариата в форт Монлюк и там передать в руки гестапо.

Нам удалось это отсрочить следующим образом. Арестованным была вручена ипекакуана [27] в количестве, достаточном для того, чтобы понадобилось срочно поместить их в госпиталь Антикай.

Было решено: опережая гестапо, вывезти арестованных из госпиталя с помощью французов, переодетых в форму эсэсовцев.

Предварительно телефонные провода госпиталя были отведены таким образом, что мы могли контролировать все телефонные разговоры.

Таким образом, передав извещение о прибытии поддельных гестаповцев, мы были полностью в курсе дела и смогли бы своевременно предупредить о прибытии гестаповцев настоящих, если администрация госпиталя попыталась бы вызвать их по телефону.

Наш аппарат для подслушивания был совершенно неуловим и не мог быть засечён никаким способом.

(Для этого пришлось сконструировать новый высокочастотный преобразователь, но вдаваться в подробности конструкции здесь я не собираюсь: при случае этот аппарат еще вполне может пригодиться).

Сама операция была назначена на «день Жи».

Незадолго до этого из немецких эсэсовских частей к нам перебежали трое украинцев бандеровцев.

Они сдали нам свои эсэсовские мундиры, и мы поместили беглецов в укромном домике на улице Вэз. Небольшая группа, состоящая из Верна и людей прикрытия, должна была достать для перебежчиков штатскую одежду, которую обычно получали от одного портного армянина.

Экспедиция чуть не попалась в ловушку: накануне армянин был арестован и расстрелян. Немецкое командование зверски карало все попытки поощрения дезертирства.

Благополучно ускользнув и возвратившись на улицу Вэз, Верн увидел, что украинцы, зарядившись основательной дозой спиртного, высунули головы из окон и во все горло распевают по-русски «Интернационал».

В тихом лионском предместье такое зрелище было чересчур впечатляющим. Усмирив дезертиров, мы кое-как одели их и переправили в маки.

После этого подготовка «операции Антикай» двигалась быстро и беспрепятственно.

В «день Жи» грубый и отрывистый голос на безупречном немецком языке передал администрации госпиталя по телефону приказ подготовить арестованных к отправке. Вмешался второй голос, еще более отрывистый и грубый, кое-что добавил и подтвердил, что говорят действительно из гестапо.

Спустя несколько минут перед госпиталем остановилась машина странного оттенка, перекрашенная из черной. Из нее вылезли трое эсэсовцев, которые без церемоний проникли в палату и начали поднимать людей с коек, пиная их кулаками и ногами. Инспектор полиции Виши, карауливший арестованных, возмущенно заметил, что так не обращаются с больными.

— Французская собака, — провозгласил один из эсэсовцев и дал инспектору пощечину. Его товарищи молча вытащили свои маузеры.

Доказав таким образом эсэсовскую принадлежность, они без всяких задержек увезли арестованных.

Спустя некоторое время в госпиталь явились полицейские Виши и были немедленно арестованы гестапо, — там успели получить сообщение об этой дерзкой выходке.

Пока партнеры разбирались в этой сумятице, арестованные были укрыты по надежным убежищам.

Спустя сутки «Централь» передала в Лондон подробное донесение обо всей этой истории.

Повседневная жизнь нашей «Централи» представляла удивительную смесь тайной дипломатии и скаутизма, непрерывной смертельной опасности и мальчишеских выходок.

Люди одновременно воспитывали неполноценных детей и вели бесконечные переговоры с агентами-двойниками и безусловными предателями.

Эти крайности создавали удивительную, единственную в своем роде атмосферу, не имевшую ничего общего с обычной атмосферой разведывательной службы.

Тем не менее, сотрудники классической, профессиональной разведки смотрели на полученные нами результаты с завистью и восхищением.

Наши ежемесячные восемнадцать килограммов информации создавали довольно верную картину жизни Европы.

Наша группа постепенно оказалась в силах самостоятельно создавать вопросники, тем самым облегчая работу нашим агентам.

Привожу такой вопросник, составленный нами в применении к оружию «фау».

99001

ВСЕМ АГЕНТАМ

Январь 1943.

Немецкий самолет-снаряд

1. Собирать всевозможные указания относительно пусковых площадок, оборудованных гидравлическими приспособлениями и находящихся в северной запретной зоне.

2. Представить расписание поездов с жидким воздухом и жидким кислородом,

изготовленными на заводах Х во Франции и Линде в Германии, проходящих в северную запретную зону.

3. Что изготовляется на заводах У в секретной мастерской В.?

4. Передавайте все разговоры между немцами, касающиеся оружия «фау-1, «фау-2», «фау-3», а также оружия «бич Израиля».

5. Идет ли набор французских инженеров и техников, специалистов по реактивному движению?

6. Каковы немецкие заказы сверхлегких элементов типа «зет»?

Все данные, собранные по этому вопроснику, должны быть сообщены «Централи» немедленно какими фантастическими они бы ни казались.

Ответы, которые мы получали, неизменно свидетельствовали, что немцы готовят нападение на Лондон и английские порты.

Площадки для запуска строились по всей линии побережья Ла-Манша и Северного моря.

Отсюда должны были осенью 1943 года начаться систематические бомбардировки — немцы таким образом хотели ликвидировать всякую возможность создания второго фронта в Европе. Ежедневно получали мы новые сведения, подтверждавшие, что площадки продолжают сооружаться.

Ежедневно наши радиограммы (и ежемесячно — наши посылки) призывали союзные штабы к немедленным и решительным действиям. Теперь мы знаем, что в Лондоне сведения, добытые нами, обсуждались очень тщательно и изучались лично г-ном Уинстоном Черчиллем. 6 июля 1944 года Черчилль упомянул о наших донесениях, выступая в палате общин.

Однако все это стало нам известно слишком поздно.

Тогда Лондон упорно молчал.

В отчаянии мы делали все возможное и невозможное, чтобы привести новые, еще более убедительные доказательства того, что назревает реальная опасность.

Благодаря мужеству наших агентов, работавших в запретной северной зоне, нам удалось получить фотоснимки пусковых площадок. Они были похожи на перевернутую лыжу, отчего и были прозваны «лыжными трамплинами».

Эти фотографии были нами переданы в Лондон в мае 1943 года.

И только в начале зимы 1943 года эти фотографии, наконец, получил маршал авиации сэр Родэрик Хилл, ведавший противовоздушной обороной Англии.

Свершись это раньше, «операции Арбалет» (массированные бомбардировки пусковых площадок) можно было бы начать с лета 1943 года, и множество англичан осталось бы невредимыми.

В молчании Лондона была одна положительная сторона — оно заставило нашу группу лезть из кожи в погоне за неопровержимыми доказательствами нарастающей угрозы.

За первые шесть месяцев 1943 года мы отправили в Лондон следующие документы, каждый из которых обошелся нам в несколько человеческих жизней:

1. Полный текст приказа Гитлера о производстве к декабрю 1943 года 1000 самолетов-снарядов в сутки, с тем чтобы весной 1944 года довести эту цифру до 5000 в сутки.

2. Имя генерала, ответственного за это производство, — генерал-лейтенант фон Шамье-Глицинский.

3. Подлинный текст циркуляра № 4895/11, подписанного четырнадцатью немецкими штабными офицерами и адресованного всем заводам и предприятиям, обеспечивающим выпуск самолетов-снарядов.

4. Имя изобретателя самолета-снаряда — Гейнц Бунзе.

5. Воинский номер особого полка немецких военно-воздушных сил, которому было поручено заниматься запуском самолетов-снарядов, — Флакрегимент 115 (W).

6. Имена немецких ученых, руководящих исследовательскими работами на острове Пеенемюнде, — Вернер фон Браун и Ганс Оберт.

7. Список местоположений 138 пусковых площадок.

8. Записку о мерах борьбы с самолетами-снарядами.

9. Подробное донесение о средней ракете (будущем оружии «фау-2»).

Другие подпольные группы, французские и союзнические, полностью подтверждали наши данные.

Поляки сообщали о них сначала по радио, а затем передавали их с людьми, добиравшимися до Лондона через Швецию.

Продолжая собирать информацию, наша группа старалась одновременно задержать строительство пусковых площадок. Наши сообщники изготовляли цемент низкого качества, портили гидравлические системы, при производстве заливочно-цементных работ закладывали в цемент куски металла, чтобы сделать его уловимым для радарных установок.

Мы наносили ущерб строительству и всякими другими способами. И в то время, когда сотни французов, не думая о ежечасно грозящей смертельной опасности, совершали поистине героические дела, в Лондоне обсуждался вопрос — существуют эти пусковые площадки или не существуют?..

Адъютант генерала Эйзенхауэра, капитан Гарри С. Батчер, подтверждает, что и в апреле 1944 года некоторые военные эксперты еще утверждали, что ни самолетов-снарядов, ни ракет вообще нет в природе, а пусковые площадки строятся ради внесения паники в ряды противника.

Из-за этих экспертов союзники чуть не проиграли войну вообще. Не приходится сомневаться, что такие же эксперты виноваты в неудачах союзных армий на французской территории.

Неумеренный скептицизм может повести к катастрофе. Недаром теперь Пентагон обязал всех своих сотрудников читать научно-фантастические романы.

Недостаток фантазии у военных приводил к тому, что мы, участники подпольных групп, порой испытывали глубокую неудовлетворенность, видя свою работу похороненной по первому разряду.

И это была правда. Буквально накануне 13 июня 1944 года (именно в этот день немцы с

полугодовым опозданием начали атаку новым оружием) специальная комиссия генералов в Лондоне обсуждала вопрос об отчислении из лондонской противовоздушной обороны 77 000 человек, чтобы использовать их в других родах войск, на иных театрах войны!

10 000 убитых, 25 000 раненых, 23 000 разрушенных зданий — вот во что обошелся Англии скептицизм господ военных экспертов.

К счастью, ни скептицизм, ни доверчивость не помешали верховному штабу союзных вооруженных сил принять спасительное решение о скорейшей массированной бомбардировке острова Пеенемюнде.

Оно было назначено на ночь с 17 на 18 августа 1944 года. Не сообщая точной даты, Лондон известил нас, что против оружия X будут приняты «решительные меры».

Одновременно новые вопросники требовали от нас различных дополнительных сведений.

Итак, восемнадцать месяцев борьбы не пропали даром!

Созданная этим известием атмосфера оптимизма была так сильна, что ее не смогла поколебать даже волна массовых арестов, прокатившаяся в это же время.

Страшное дело Калюира обезглавило Сопротивление в южной зоне. Было ясно, что на нашу группу со дня на день может обрушиться нечто подобное, и мы решили заранее принять необходимые меры. Немедленно была осуществлена максимальная децентрализация. Группы, действующие в Париже, Марселе, Бордо, получили полнейшую независимость. Парижская организация (которой руководил бывший министр торговли и промышленности г. Анри Ульвер) также разукрупнилась, выделив из себя отдельную группу Беарн.

Однако работа продолжалась.

Благодаря одному офицеру Второго бюро, подполковнику Мишелю А. (который ныне председательствует в дружеском Кружке уцелевших), была создана отдельная служба контрразведки. Она ведала разоблачением секретных агентов противника. Интересно отметить, что подполковником А. был установлен своеобразный рекорд: он был приговорен немцами к смерти четырежды, под четырьмя различными именами, в четырех различных трибуналах!

Мы могли полагаться только на себя: любые советы со стороны могли бы скорее оказаться вредными, чем полезными.

Лондонские специальные службы стяжали в это время искреннее восхищение нашей организации.

Начитавшись вышедших в Швейцарии романов Питера Ченея, они ухитрились за три месяца переслать нам следующие высокоценные указания:

В одной посылке мы получили два приказа:

а) Ни в коем случае не вести оперативной деятельности и

б) Уничтожить ряд предателей по прилагаемому списку.

Нам настойчиво рекомендовали особо опасаться г-на Круга фон Нидда, посланника Гитлера при правительстве Виши. Предполагалось, очевидно, что г-н фон Нидда, подвязав фальшивую бороду, придет завербовываться в нашу группу.

Нас предупреждали относительно одного немецкого шпиона, «весьма опасного субъекта,

слывущего мертвым». Видимо, этот «мертвец» должен был организовывать шпионаж на кладбищах среди покойников.

Нас извещали, что германские агенты обычно разъезжают на велосипедах без номера. Это наблюдение было тем более ценным, что в южной зоне в это время велосипеды не нумеровались вообще.

Нас известили, наконец, что выслан крупный специалист для обучения нас тонкостям разведывательного ремесла.

Этот господин действительно прибыл в Париж и был арестован ровно через четыре часа после прибытия. На нем были туфли телячьей кожи типично английской работы, и он курил трубку, набитую добротным английским табаком. При нем были найдены фальшивые документы, сработанные удивительно плохо…

Все эти извещения не принесли нашей группе большой радости. Гораздо практичнее было бы иметь книгу Пьера Нор «Мои товарищи мертвы», второй том которой вполне мог бы служить образцовым справочником по вопросам контрразведки.

К сожалению, книга эта вышла в свет лишь в 1948 году. Очевидно, она сможет пригодиться в следующий раз…

К счастью для нас, продолжала работать группа «Аякса», в состав ее входили сотрудники следственной службы. Оттуда до нас доходили сведения обо всех попытках врага заслать к нам своих людей.

С другой стороны, мы получили известия из окружения адмирала Канариса. Оказывается, некая группа немецкой секретной службы, действующая на территории Англии (в районе Глазго), предупреждала Канариса о существовании весьма активной группы Марко Поло. Местопребыванием группы был вполне правильно назван Лион.

Какие же ошибки были допущены в Лондоне, если данные о нашей группе просочились к врагу? Этого мы не узнали и, вероятно, не узнаем никогда.

Мы удвоили осторожность, но было ясно, что меч повис над нашими головами.

И все же подобно тому, как здоровый человек не может поверить в ожидающую его смерть, участники нашей группы продолжали работать, не думая о возможном аресте.

Они жили, как все люди, и некоторые даже мечтали о том, чтобы обзавестись семьей.

Время от времени в наших посылках появлялись сообщения примерно такого рода:

«Командованию ФФИ, Лондон.

От лейтенанта Икс.

Довожу до Вашего сведения, что я, нижеподписавшийся лейтенант Икс, живущий под фальшивой фамилией Игрек, вчера вступил в законный брак с м-зель Зет, также живущей под чужой фамилией Ку. Прошу, в случае моей гибели, положенную пенсию выплачивать ей».

Согласно декрету 366А, руководитель группы мог распоряжаться жизнью и смертью всех входящих в группу людей.

Сен-Гаст сказал однажды, что на него следовало бы возложить и право свершать бракосочетания, подобно тому, как этим правом облечены капитаны дальнего плавания.

В глазах закона брак, свершенный капитаном, столь же правомочен, как брак с благословения священника.

Мы видели новобрачных — и даже счастливых молодых отцов, — которые шли на самые отчаянные предприятия и часто выходили из них живыми и невредимыми.

Человек остается человеком при любых условиях.

Некий Раймон Шарлье из местечка Пон-де-Бовуазен на протяжении своего медового месяца ухитрился похитить портфель с документами у крупного берлинского чиновника министерства авиации и раздобыть фотоснимки новой немецкой зенитной пушки ПВО. Эти снимки ему удалось сделать при помощи фотоэлемента, который он же украл на заводе фирмы Сименс и Гальске.

Этот же Шарлье установил на юге прямую радиосвязь с самолетами британской авиации, и — вскоре взлетели на воздух три немецких нефтеналивных судна с горючим.

Эти три судна были занесены на счет нашей группы.

Некий Эрсен, преподаватель лицея в Клермон-Ферране, не только сфотографировал ряд новых немецких самолетов в военном аэропорту, но и принес несколько нацистских флажков из офицерской столовой.

Жена Альфреда Эшкенази родила третьего ребенка. Тем не менее, Альфред во время его частых поездок ежедневно и ежечасно рисковал жизнью.

Пайетон, знаменитый историк, выполнил самые рискованные поручения в запретной зоне, а, возвращаясь, еще вел опасные переговоры с префектами Виши.

Этот почтенный профессор (вероятно, впервые в истории секретной службы!) вернул обратно деньги, выданные ему на поездку и им не истраченные. Ему не пришло в голову израсходовать их на обед в ресторане по ценам черного рынка.

Так жила и действовала наша подпольная группа, когда пробил час первых жертв.

6. Первые жертвы

Пусть я весь истерзан, весь изрезан,

Крестный путь был пройден мной не зря,

Голос мой взовьется над железом,

С человеком Завтра говоря…

Луи Арагон. «Баллада о певшем под пытками».

Причиной того, что по терминологии Сопротивления именовалось «провалом» («провал» — это один или несколько арестов), неизменно оказывались предательство и донос.

Ни гестапо, ни абвер никогда не были склонны оперировать методом дедуктивных умозаключений.

Не надо преувеличивать и те возможности, которые метод радиогониометрии предлагает для засекания тайных радиопередатчиков. Существует ряд надежных технических приемов, благодаря которым самые усовершенствованные радиоискатели оказываются бессильными.

В нашей практике все «провалы» радиопередатчиков произошли из-за доносов, а уловлен аппаратами противника не был ни один. Мы знали о существовании радиогониометрического метода и принимали необходимые меры.

Некий Плувье, о котором уже упоминалось, сообщил в гестапо о деятельности Андре Эльброннера.

Андре искал подходящего человека для поддержания связи между Лионом и Берном. Неосторожные сотрудники порекомендовали ему этого Плувье, который был штатным агентом гестапо в Лионе.

Андре был арестован в первых числах июня 1943 года.

Он ни о чем не проговорился, никого не выдал. Его без конца допрашивали, но, к счастью, не подвергали пыткам. Разумеется, не из гуманных соображений — Андре просто был недостаточно крепок физически, чтобы их выдержать. Его отправили в концлагерь Бухенвальд, где он прожил всего около полугода. В самом начале 1944 года Андре Эльброннер скончался от пневмонии.

Научный сектор группы Марко Поло был обезглавлен.

Франция потеряла одного из самых творчески одаренных изобретателей, человека, который много сделал для промышленности и науки и мог бы сделать еще больше в наш атомный век.

Арест Эльброннера заставил усилить работу наших органов безопасности. Все люди, лично известные Андре, срочно сменили местожительство.

К несчастью, Эшкенази решил забежать на прежнюю квартиру, чтобы проститься с женой и детьми; там его ожидала гестаповская засада.

Альфред тоже ничего не сказал на допросах.

Он твердо решил бежать из тюрьмы, и каким-то чудом ему удалось перебраться через первую стену форта Монлюк.

Он перелезал через вторую, когда его увидел из окна камеры арестованный немец дезертир.

Рассчитывая заработать сокращение срока, тот поднял тревогу, охрана открыла огонь.

Так погиб талантливый кибернетик Альфред Эшкенази.

Профессор Невилль да Коста Андраде, крупнейший английский атомный физик, написал когда-то о молодом физике Генри Мослее, убитом под Галлиполи в 1915 году: «Будь он жив, мы бы кое-что знали…»

То же самое можно сказать об Альфреде Эшкенази. Если бы он сам выбирал себе эпитафию, он предпочел бы, вероятно, удивительные слова, которые крикнул палачам Валентин Фельдман: «Дураки, ведь я умираю за вас!..»

Из первичной тройки в живых остался один Верн.

Его отвезли в безопасное местечко Пон-де-Бовуазен, и оттуда он принялся восстанавливать научный сектор.

Вскоре выяснилось, что гибель Эльброннера и Эшкенази была лишь прелюдией к более серьезной Драме.

Мы и сейчас не знаем, кто предал Рауля, одного из помощников Сен-Гаста. У этого молодого парня было достаточно личных недругов.

Рауль был арестован вечером 18 июля 1943 года и немедленно подвергнут пыткам. Он не выдержал и назвал адрес Сен-Гаста: Лион, улица Тет д'Ор, дом 1.

В ночь с 18 на 19 июля начальник лионского гестапо телеграфировал Гиммлеру: «Нами арестован руководитель группы Марко Поло». Как явствует из найденных позже документов, адмиралу Канарису это известие было сообщено утром 20 июля.

Невозможно говорить подробно о муках, которым был подвергнут Сен-Гаст.

Скажем только, что между простым избиением с ванной [28] и настоящим истязанием, проводимым опытными специалистами, — дистанция огромного размера.

Сен-Гаст был подвергнут пыткам

пятьдесят шесть раз, но не произнес ни единого слова.

Я говорю не в укор тем несчастным, которые не выдержали истязаний.

Как говорит Джильберт Честертон, единственная профессия, которой не надо обучаться, это мученичество.

Зато она больше всякой другой требует призвания. Можно только изумляться силе, твердости и живучести человека. Сен-Гаст выдержал все пятьдесят шесть «сеансов» и остался жив. Он прожил еще почти полтора года в концлагере, дождался освобождения и умер лишь в 1951 году.

Его воля и душевная стойкость намного превзошли все те чудеса, что приписываются христианским мученикам.

С ареста Сен-Гаста началось «Дело Марко Поло», в дальнейшем перешедшее в «Дело Блинденгейма».

Мы знали, что бесконечные, перемежающиеся допросы и пытки так и не заставили Сен-Гаста заговорить. У нас оставалась слабая возможность спасти его — организовать нападение на поезд, в котором Сен-Гаста должны были перевозить в парижскую тюрьму Фрэн.

Операция выглядела сложной, но отнюдь не фантастической, особенно после вторичного освобождения Раймона Валлэ. С этим руководителем тайной армии мы уже встречались в рассказе о бегстве из госпиталя при помощи «фальшивых» гестаповцев. Вскоре он снова был арестован, осужден и ожидал расстрела. Его жена и несколько друзей составили боевую группу для спасения Раймона.

Они знали, что тюремный автомобиль, в котором будут находиться пленные, непременно должен будет пересечь мост Гильотьер.

Нападение должно было произойти среди бела дня, на улице, полной немецких солдат и

агентов, не говоря уже о дарнановских милиционерах. Ставка была сделана на неожиданность. Боевая группа состояла из горсточки хорошо вооруженных мужчин, которыми руководила беременная женщина. Счастье улыбнулось смельчакам. Шофер тюремной машины, получив пулю в голову, рефлекторно затормозил; проходивший трамвай удачно подошел вплотную, почти врезавшись в машину.

Тут Люсиль Валлэ и ее друзья бросились в атаку.

За тридцать секунд они успели застрелить шестерых вооруженных эсэсовцев конвоя; двух минут хватило, чтобы освободить арестованных, подобрать своих раненых и скрыться.

Мы готовили примерно аналогичное нападение на поезд, который должен перевозить Сен-Гаста, но натолкнулись на непреодолимые препятствия, и нападение не состоялось.

Работа тем временем шла своим чередом. Удалось раздобыть некий шифр, и наши радисты перехватывали все радиограммы, которое правительство Виши отправляло префектам в провинции.

В Париже начало действовать несколько филиалов нашей «Централи». Один помещался в кинотеатре «Парамаунт», другой — в помещении крупного промышленного объединения на Рю-де-Лондр.

В Саарбрюкене был установлен новый радиопередатчик, поддерживающий связь одновременно с Лондоном и лионской «Централью».

Расстояние меньше чем в километр отделяло этот работающий передатчик от самого страшного из немецких концлагерей — Нейе Бремме.

Наша группа, расположенная на вражеской территории, вербовала нам сторонников среди заключенных в концлагерях и лагерях военнопленных.

Мы намечали подходящие кандидатуры, руководствуясь агентурными данными. После того как выбранный человек подписывал заявление о вступлении в вооруженные силы сражающейся Франции, наши люди устраивали ему побег. Его направляли в центр приемки, и он получал боевое назначение на месте, либо перебрасывался в Лондон или Алжир.

Активно шла подготовка к освобождению острова Корсики.

Воинственный дух Сен-Гаста и сменившего его Рене Пелле вдохновлял нас.

Однажды агент, поддерживающий связь между Лионом и Парижем, никак не мог сесть в набитый до отказа поезд на вокзале Перраш. Негодуя, он отправился в немецкую вокзальную жандармерию и предъявил документы Французского синдиката синтетических продуктов. Жандармы очистили для него целое купе, выбросив оттуда полдюжины спекулянтов, и агент весьма комфортабельно доставил свой груз, состоявший из вопросников, взрывчатки и подпольной почты.

Разведывательная сеть теперь не довольствовалась ответами на вопросники: люди бесстрашно разведывали секретные дела противника, ежедневно рискуя жизнью.

На железнодорожной станции Лион-Товарный один из наших людей обнаружил комнату, где помещался немецкий радиопередатчик. Радист куда-то отлучился, наш смелый разведчик вошел в каморку и успел сфотографировать таблицу шифра, представлявшего для нас огромное значение.

Отступать ему пришлось через зону военных пакгаузов. Его искусали свирепые караульные овчарки, и лишь при помощи двух прибежавших товарищей ему удалось спастись от смерти.

Агенты, работавшие в районе аэропорта Брон, отлично использовали небрежность немецкой охраны. Они не только запечатлевали на пленку все новые модели самолетов, появлявшиеся на летном поле, но еще и подключили к системе посадочных электровех свой питающий провод. Благодаря этому можно было в ночь налета мгновенно демаскировать затемненный аэродром и вызвать на его массированный бомбовый удар. Кроме того, короткие вспышки посадочных знаков служили отличным ориентиром для спускавшихся ночью парашютистов.

Агент, работавший на острове Майорка, увидел однажды ночью, как рыболовное судно под французским флагом причалило к поднявшейся немецкой подводной лодке и стало заряжать ее истощившиеся аккумуляторные батареи. От другого агента мы знали, что некое рыболовное судно недавно из Марселя направилось в открытое море.

Установив тождество, мы послали радиограмму, и на обратном пути с Майорки «рыболова» подкараулили и потопили английские торпедоносцы.

Отправка почты не всегда проходила гладко. Вот, к примеру, подлинный рассказ человека из группы «Вектор». Как мы уже упоминали, группа «Вектор» занималась отправкой почты и получением парашютных посылок.

«Прибыл в пункт XI2 (в окрестностях Лиможа) в одиннадцать часов ночи. В темноте говорю пароль — на меня бросаются трое, связывают меня и затыкают рот. Затем меня кладут на землю рядом с несколькими людьми, также связанными, как и я.

Незнакомый голос (но — увы! — безусловно французский!) обещает мне ночь пыток и пулю в лоб, как только будет захвачен ожидаемый самолет.

Примерно в час ночи зажжены замаскированные посадочные огни, видимые только сверху.

В 1 час 30 минут один из троих «конвоиров» начинает сигналить карманным фонарем, указывая посадку. Сигналит он совершенно правильно, будучи, очевидно, хорошо натаскан.

В 1 час 40 минут слышится шум мотора, самолет снижается. Внезапно один из замаскированных фонарей падает набок и ярко освещает местность: видны связанные люди и человек тридцать эсэсовцев в форме, с автоматами наготове.

Что случилось? Один из пленников подполз к фонарю и сшиб его ногами.

Кто-то вопит: «Швайн!» Пулеметы аэроплана открывают ураганный огонь, и я стараюсь вжаться в землю.

Самолет кружит над нами, мне кажется — сантиметрах в тридцати надо мной. Затем он улетает, и я вздыхаю облегченно: ни один эсэсовец не поднимается, все они скошены пулеметными очередями.

Четыре часа утра. Нас освобождают от пут крестьяне, идущие на работу. Мы уходим, погрузив расстрелянных эсэсовцев в их автомобили, стоящие неподалеку.

Я возвращаюсь в Лимож и переправляю посылку иным путем, «третьим номером».

Обычная драма, эпизод повседневной жизни 1943 года.

В этой посылке (кстати сказать, дошедшей в Лондон вполне благополучно) находился один удивительный документ. Рене Пелле (принявший теперь псевдоним «Октав») и Верн поверили ему лишь частично. Документ настолько полно подтверждал их точку зрения относительно оружия X, что даже вызывал некоторое недоверие; идеальные подтверждения всегда немного сомнительны.

Документ был доставлен нам товарищами из итальянского Сопротивления (группы «Треугольник») и живописал драматические сцены, предшествовавшие низложению и аресту Муссолини.

Выступая перед верховным советом фашистской партии, обреченный дуче выразился примерно так:

«Вы все неправы. Существует великая тайна, раскрыть вам которую я не имею права. Помните, что фюрер располагает грозным оружием. Используя его, он может мгновенно предотвратить любые попытки создания второго фронта в Европе. Он сделает это в любую минуту, когда ему заблагорассудится. А вы — нападая на меня, вы подписываете свой смертный приговор!» [29]

Эти слова были сказаны вечером 24 июля 1943 года.

Освобождение и бегство Муссолини, блестяще осуществленное впоследствии Отто Скорцени, ничуть не удивило нас.

— Ясно! — сказал Октав. — Они должны были либо убить Муссолини, либо выкрасть его. Он слишком много знал!

Падение фашистского режима в Италии и освобождение Корсики существенно облегчили работу нашим агентам связи.

Зато гестапо и спецслужбы адмирала Канариса удвоили активность. Гибель грозила нашей группе со всех сторон.

Понимая безвыходность своего положения, мы стали действовать еще активнее.

Организованная Верном в Во-ан-Велэн фабрика зажигательных бомб работала на полную мощность. Она производила семьдесят бомб в сутки, но и это количество нас уже не удовлетворяло.

Нашему лионскому агенту Сотэ удалось взорвать немецкий грузовик с радиогониометрической установкой. Другие боевые группы организовали несколько пожаров в немецких военных гаражах. Таким образом улавливать работу наших радиопередатчиков стало почти невозможным.

Наши зажигательные бомбы работали отлично: были сожжены спецпочта гестапо, архивы полиции, список людей, направляемых на принудительную работу в Германию из многих городов, запас бумаги для выпуска единого удостоверения личности и, наконец, склад полевых карт немецкого командования в Париже.

Некоторые доносчики были приговорены к смерти и казнены. Другие были запуганы угрожающими письмами (в каждое для острастки было вложено отрезанное человеческое ухо).

Уши нам поставлял один военный госпиталь и клиники нескольких медицинских институтов.

В сопроводительном письме значилось:

«Вот ухо человека, сотрудничавшего с немцами. Очередь за вашими!» Подписано: ответственный по карательным мероприятиям.

На робких буржуа эти угрозы действовали безотказно, но к гестаповцам такие шутки не применялись: там приходилось начинать со смертного приговора.

Известна такая история… впрочем, предоставим слово самому «ответственному»:

«Я аккуратен до педантизма. Это мое право. Каждый вечер, возвращаясь в свою комнату в районе Виллербанн, я вешал автомат на гвоздь, а сверху вешал свой непромокаемый плащ. Таков был порядок. Как-то раз в шесть часов утра ко мне вломились трое гестаповцев и пинками стали поднимать меня с кровати. Я оделся, возмущаясь и вопя о своей невиновности, взял с гвоздя плащ и под ним поставил автомат на боевой взвод. А затем уронил плащ… тррр… и пошел по своим делам…

Через полчаса прибежал наш связной. В письме от «Аякса» говорилось, что товарища надо предупредить об опасности. Известие запоздало. Прибыв на место, агент увидел трупы гестаповцев, вокруг которых начал собираться народ.

Связной отбыл, сказав на прощанье: «Эти люди мертвы, позовите доктора!..»

С этим же агентом случилось в Виллербанне другое происшествие. Он направлялся к трамвайной остановке, а в карманах у него были: разведывательный вопросник, пистолет Кольта и незашифрованный проект одного любопытного мероприятия. Предполагалось взорвать управление гестапо в Виши бомбой, замаскированной под батарею центрального отопления…

«Внезапно открывается окно, и незнакомая дама говорит мне: «Мсье, идите скорее сюда!»

Надо знать Лион, чтобы понять, насколько такое происшествие невероятно. Подхожу. «М-сье, мне сейчас телефонировали, что в нашем районе облава. «Они» обыскивают все дома, все люди вашего возраста будут отправлены на работу в Германию. Спрячьтесь или постарайтесь уйти»…

Куда?

Благодарю, чтобы отправиться куда глаза глядят. Вижу — колокольня виллербанской церкви. Захожу туда и сажусь на скамеечку. Появляются немцы, долго спорят со священником, бросают беглый взгляд на кучку молящихся — и уходят. А я просидел в церкви еще несколько часов и только тогда понял, что такое право убежища в алтаре…»

Десять раз на день принимала наша «Централь» рассказы о подобных происшествиях.

Скромная чета преподавателей, Октав и его жена, проявляли удивительное мужество. Они никогда не уклонялись от риска.

Их новая жизнь ничем не была похожа на предыдущую, довоенную, а незаурядное мужество родилось теперь на новом этапе их существования — в борьбе, в вечных опасностях…

Супруги отлично поняли важность оружия X.

Они разделяли нашу радость, когда нам сообщили, что в Оверни найден английский тайный агент, который просил вернуть его на родину, обещая поднять там шум, предупреждая о надвигающейся смертельной опасности.

Когда все проверки были закончены, мы отправили в Овернь своего агента, отлично знающего английский язык и быт англичан. Он отправился искать «человека из Лондона» и разыскал его. Вот краткий отчет о его миссии:

«— Очень рад с вами познакомиться! — говорит он мне. — Меня зовут Смит!

— Мы встречались в 1939 году, — отвечаю я, — но тогда вы почему-то звались Фитерстоном…

Неловкое молчание.

— Неважно, — говорю я. — Теперь ваше имя Исидор Левассер. Вот ваши документы и весь ваш куррикулюм витэ. Учтите, что вы француз и по-английски не знаете ни слова…

Мы ночевали на ферме-убежище, у верных людей.

Ночью была тревога, мне донесли о появлении подозрительных машин. Чтобы перепрятать Исидора Левассера, я стучу к нему в дверь и слышу:

— Йес, ай мин: что случилось?..»

Тем не менее этому англичанину удалось пробраться на родину в целости и сохранности.

Он сдержал слово. В августе 1943 года нам передали, что благодаря его неутомимой настойчивости решено принять «радикальные меры» против острова Пеенемюнде.

Узнали мы, что и некоторые другие наши материалы признаны имеющими существенное значение.

В это время нас постигла смерть Альфреда Эшкенази, были арестованы Эльброннер и Сен-Гаст. Радостные вести из Лондона отчасти смягчили боль этих потерь.

Миллионы ждали открытия второго фронта. Мы с такой же напряженностью ждали нападения на остров Пеенемюнде, считая, что этот момент будет поворотным пунктом войны.

7. Первый реванш

Четвертованное пламя,

Четвертованные цветы,

Разнесенные взрывом

Брызги крови на стенах.

Первая ночь Свободы…

Мадлен Риффо. «Дакс умер». (Из «Сжатого кулака»).

Новость была нам передана через саарбрюкенский радиопередатчик утром 19 августа 1943 года.

Радиограмма гласила:

«Состоялся массированный налет британской авиации запретный остров точка

тысячи техников инженеров уничтожены точка

начальник изысканий начальник штаба погибли точка»

По установленному нами «полушифру» запретным островом именовался остров Пеенемюнде. Октав и Верн молча пожали друг другу руки. Первая крупная победа была одержана.

Мертвецы — вчерашние, сегодняшние и завтрашние — умерли не напрасно.

Спустя восемь дней из Гамбурга через Стокгольм пришла к нам почта, принесшая подробный и, как выяснилось впоследствии, совершенно точный рассказ о тяжелом поражении, понесенном врагом.

В ночь с 18 на 19 августа, в два часа утра к Пеенемюнде подошли крупные соединения английских бомбардировщиков, которыми руководил командор авиации Д. Х. Сирби.

Они вылетели накануне в десять часов вечера с различных баз на английском побережье и, собравшись вместе, в несколько приемов атаковали Пеенемюнде.

Командор Сирби руководил операцией с борта флагманского самолета, кружившего над целью и имевшего шифрованные радиопозывные «Foretope».

Метод с кружением самолета над целью для наведения на нее бомбардировщиков был применен в массированном налете впервые, но проверен был ранее: 3 августа, при бомбардировке Турина. Командор Сирби тогда пролетел над Лионом, и объявленная из-за него воздушная тревога разбудила Октава и Верна…

Было полнолуние. Тяжелые бомбы легли точно на цели, указанные в наших донесениях и проверенные аэрофотосъемкой.

Нападение было для немцев абсолютно неожиданным, но эскадрильи истребителей из Берлина быстро прибыли на место, и потери английской авиации оказались немалыми.

Генерал фон Шамье-Глицинский, начальник Пеенемюнде, был убит. Генерал Йешонек, начальник штаба немецких вооруженных сил на острове, также погиб [30].

Были убиты свыше пятисот специалистов по оружию «фау» и множество экспертов и консультантов по смежным отраслям техники, в том числе по электронике. Готовые модели, проекты и значительная доля заводского оборудования, необходимого для производства «фау», были уничтожены.

Таковы были приблизительные итоги налета английской авиации на Пеенемюнде. Этот налет спас от разрушения Лондон и немалое число портовых английских городов.

Германия проиграла важное сражение, удары по Англии были отсрочены на неопределенное время, но введение в войну оружия «фау» этим налетом отнюдь не было ликвидировано. На Пеенемюнде находилась лишь часть заводов и фабрик, выпускавших оружие «фау» и детали к нему.

Это подтверждалось донесениями, которые мы получили в течение августа 1943 года из Франции, Польши и Германии.

Бомбардировка немецких пусковых площадок (эта операция получила впоследствии шифрованное название «Арбалет») еще только начинала проектироваться в авиационных штабах союзников.

Так или иначе, меткость английского удара ясно показала адмиралу Канарису, что англичане информированы превосходно. Борьба с движением Сопротивления резко усилилась. В одном Париже было экстренно мобилизовано тридцать две тысячи работников гестапо для того, чтобы арестовать крупного английского разведчика подполковника Йео-Томаса.

Но немцев постигла неудача: Йео-Томас благополучно вернулся в Лондон, привезя с собой огромные досье, касающиеся оружия «фау».

Однако нарастающий нажим со стороны врага ощущался во всем: в автобусах и трамваях участились проверки, целые кварталы прочесывались облавами, деятельность французов предателей оживилась.

Мы получали множество известий от начальников низовых организаций в провинции — всюду было одно и то же: аресты, вынужденные переезды, перерывы в работе.

То, что произошло в Лионе, в меньшем масштабе происходило повсеместно,

«Люди могут гибнуть,

группа остается! » — гласил первый циркуляр нашей «Централи», подписанный Октавом при вступлении на пост руководителя.

Рене Пелле быстро освоился со своим новым званием. По характеру он резко отличался от Сен-Гаста. Тот был романтик, любящий конспирацию и таинственность, избравший себе «рабочую маску» весельчака и гуляки. Его знали во всех злачных местах города.

Рене Пелле по-прежнему оставался директором школы, отягченным тысячами забот. Учить неполноценных детей — весьма хлопотливое занятие. Рене совмещал с педагогической деятельностью огромную подпольную работу молча, без блеска, но с энергией, не уступающей энергии своего предшественника. В отличие от Сен-Гаста, до войны связанного с французскими секретными органами, Пелле никогда в жизни не работал в разведке. Но он стал разведчиком, и, подобно своей жене, принес в новое для него дело всю серьезность и все мужество, которые были так характерны для них обоих.

Прекрасно отдавая себе отчет в смертельной опасности, подстерегающей его на каждом шагу, Рене Пелле за два месяца добился многого. При нем объем отправляемых в Лондон посылок почти удвоился, а качество посылаемых материалов стало более высоким.

Октав понимал важность дела, которому служил, и умел убедить своих подчиненных, руководителей низовых групп.

Тем временем возникла новая тайна. Было установлено, что самолеты-снаряды запускались с площадок мощной струей пара, которая выбрасывала тяжелую машину вверх лучше всякой катапульты. Однако на пусковых площадках не было никаких устройств, обеспечивающих такое количество тепла [31].

Эта техническая новинка ясно говорила, что немцы не отказались от своего замысла — «разрушить Лондон, как Карфаген».

Новая опасность возникла перед нами. Союзники могли почить на лаврах, наивно воображая, что одним налетом они истребили зло в зародыше. Эта опасность была отнюдь не меньшей, чем первичное недоверие союзников, приводившее нас в такое отчаяние в 1942 году.

Октав и Верн поняли быстро, что решение могло быть только одно: надо установить прямой, личный контакт с Лондоном. Мы попросили радиограммой обеспечить место для Октава в одном из самолетов, тайно отправляющихся в столицу Англии.

Обычно такие места представлялись лишь политическим деятелям. Любой сановник Третьей республики, быть может даже больше других виновный в разгроме Франции, мог быть вызван в Лондон и оказывался там легко и просто.

Напротив, участники Сопротивления, ученые, инженеры, люди, которых в Лондоне могло

быть ощутительно полезным, — вынуждены были пробираться в Англию через Испанию и месяцами томиться в лагере Миранда, дожидаясь возможности попасть в Лондон.

Октав уехал в начале октября 1943 года, и вскоре нас успокоил голос Би-би-си.

Английская радиостанция тогда передавала особые «послания» в эфир, весьма красочные и разнообразные.

Позднее Жан Кокто уловил их суровую поэтичность и использовал для сценария своего фильма «Орфей».

Условная фраза такого послания представляла собой как бы «удостоверение личности»; мужчина или женщина, называвшие себя посланцами Лондона, ею подтверждали свою принадлежность к лагерю Сопротивления.

Проверяющий говорил проверяемому условную фразу; если Би-би-си повторяла её в течение нескольких дней, это — означало — проверка закончена.

Известно, что в нескольких трагических случаях немцам удавалось, используя радиопередатчики и захваченные шифры, внедрять свою агентуру в ячейки Сопротивления. Во Франции, к счастью, таких происшествий было очень немного. Об одном из них написал полковник Реми в книге про свою группу «Братство Нотр-Дам» [32].

В Голландии подобная история не разъяснена до сих пор и вызывает острую полемику.

Надо признать, что и у секретных служб союзников тоже бывали успехи. В частности, они захватили в Северной Африке немецкую шпионско-диверсионную и саботажную группу, выполнявшую «операцию Карфаген», и сумели воспользоваться немецким шифром и радиопередатчиком[33].

Иногда Би-би-си сообщала нам о благополучном прибытии в Лондон того или иного путешественника.

Оперативные сообщения предупреждали нас о предстоящей посадке на оккупированной территории самолета или о прыжках с парашютом. Иногда условными фразами передавались и общие руководящие указания. Так, обе высадки союзников на французском берегу — 5 июля и 14 августа 1944 года — предварялись радиоизвещениями.

О первой высадке группа Марко Поло была оповещена условной фразой: «Высокий мыс вдается в море». За восемь суток до «дня Д» [34] нам сообщили: «Волны заливают высокий мыс».

Через несколько дней после того, как мы перестали волноваться за судьбу Октава, Би-би-си передала условную фразу: «Слоны едят землянику»; это значило, что борьба с оружием «фау» вступает в новую фазу и предстоят активные действия.

Мы уже говорили о русском инженере, работавшем на немцев. Бомбардировка Пеенемюнде застала его в Германии. Он был превосходно информирован о производстве оружия «фау» и готов был сообщить нам все, что было ему известно. Именно он потребовал от нас, чтобы Лондон сказал эту фразу, дабы удостовериться, с кем имеет дело.

Получив подтверждение, он просил организовать ему в Париже встречу с нашим представителем, который смог бы на глаз разобраться в сложных чертежах, относящихся к реактивному запуску «фау». Русский соглашался показать документы, но отказывался передать их нам или даже сфотографировать.

Эти данные были, бесспорно, самыми важными за все время нашей борьбы. Верну пришлось

за ними отправиться в Париж, поручив на время своего отсутствия руководство «Централью» Маргарите Пелле.

Дату отъезда пришлось передвинуть вперед в связи с происшествием, которое показалось необычным даже в ту, изобилующую сюрпризами эпоху.

Около четырех часов утра Верна разбудил явившийся в «Централь» начальник одной из парижских филиальных групп. Дрожащими руками он развернул перед Верном газету и указал на жирный заголовок: «

Полицейский комиссар убит в парижском предместье террористами ».

— Так что же? — спросил Верн. — Ты будишь меня в такое время из-за дохлого полицейского комиссара?

— Этот комиссар, — ответил парижанин, — был нашим агентом № 99ХХХ. Люди из ФТП [35] недавно прислали ему гроб, как предупреждение о смертном приговоре. Мы немедленно приняли меры, чтобы известить ФТП о том, что этот комиссар работает с нами. Мы поручили это одному человеку, но тут произошло несчастье; этот тип оказался заядлым лжецом, исключенным из компартии еще в 1934 году. Он никому ничего не передал — и ФТП убили по ошибке нужного человека. Но это еще не все…

— Есть и другие неприятности?

— Да. На трупе была найдена твоя фотография.

— Ты думаешь, у меня мало забот без этой фотографии? Чем я могу помочь? Зачем она была у него?

— Ты просил сфабриковать тебе подлинное удостоверение личности, он хотел исполнить твою просьбу и не успел. Но и это еще не все!

— Недурной у тебя запасец!..

— Еще трое полицейских из той же подпольной ячейки тоже получили гробы. Их прикончат на этой неделе…

Выход был один: поскорее связаться с организацией ФТП и попросить их отменить приговоры. Верну пришлось отправиться в Париж немедленно, чтобы успеть выполнить за один раз две столь различных миссии.

Вот что рассказывает об этой экспедиции сам Верн. Дневник Верна [36]

Вторник

Демаркационной линии между оккупированной и неоккупированной зонами больше не существует, но все едущие в поезде подвергаются строгой проверке прямо в вагоне.

(К счастью, у Верна превосходная «карт д'идантитэ». При нем продовольственные карточки, справка с места работы (конечно, от того же Французского синдиката синтетических продуктов!), документ о демобилизации. Прошлое и настоящее вызубрены отлично. Через десять минут после прибытия в Париж Верн станет неким Жеромом Карданом, искусствоведом и критиком.

Опыт показывает, что вернейший способ сойти за ученого искусствоведа — это говорить об одном искусстве терминами другого. Скажем, беседуя о живописи, надо поминать тональность, звучность, резонанс. В разговоре о музыке следует вставлять термины,

характерные для живописи, — колорит, оттенок, освещение).

Лионский вокзал в Париже оцеплен, оцеплено и метро.

Идет всеобщая проверка документов. Узнаю несколько видных гестаповцев, но не думаю, чтобы они догадались, кто я.

На базу прибываю благополучно. Преображаюсь в Кардана.

Свидание происходит в Зале астрономии во Дворце открытий. Темнота кромешная, светят лишь звезды с потолка планетария. Невидимый собеседник спрашивает меня, не предпочитает ли Панург аутоморфные действия баховым фугам. Отвечаю, что «любовь, ненависть и стремление к могуществу являются тем треножником, на котором возгорается темное пламя».

По-прежнему скрываясь во тьме, мой собеседник устраивает мне форменный экзамен по межпланетным сообщениям.

Говорю ему о русских — Циолковском и Перельмане; о немцах Валье, Лее, Оберте, Гайле; об американцах Эдвардсе, Пендрее, Годдарде; о французе Эно-Пельтери.

Наконец, незнакомец заявляет, что он удовлетворен.

Он, конечно, не инженер X, а лишь один из его друзей и сотрудников. Но это неважно.

И после первых же фраз невидимки мне становится ясно, что этот человек и его группа

знают об оружии «фау» решительно все.

Он говорит мне о времени и месте следующей встречи и предупреждает: если я пойду за ним сейчас — все кончено.

Выжидаю десять минут и выхожу: как будто, никто не следит за мной. Завтракаю близ площади Данфер-Рошро. Час провожу в книжном магазине Галиньяни. Покупаю несколько утопических романов Ганса Доминика. Возникает интересный разговор с немецким офицером, который видел, что я покупаю Доминика. Долго обсуждаем эволюцию утопического романа в Германии, от «Двух планет» Курта Лассвитца до книг, появившихся совсем недавно.

Теперь наступает время заняться нашими полицейскими.

Совершенно фантастический газогенераторный автобус с огромным баллоном на крыше увозит меня в отдаленное предместье.

Нахожу указанного мне человека, связанного с ФТП, и назначаю ему свидание, затем контрольное свидание — и снова свидание. Если он не придет — все погибло. Люди из этой организации — профессиональные подпольщики, а я — жалкий любитель.

Если они не захотят иметь со мной дело, я никак не смогу связаться с ними…

Являюсь в центр организации, нам близкой, «Защита Франции». Активная группа, много знакомых. Среди руководителей Мишель Клемансо, Женевьева и Мишель Шаретт, племянник и племянница де Голля. Они издали мой «Справочник саботажника» и изготовляют документы превосходного качества. Регулярно выпускают интересный листок.

Темнеет. Отправляюсь на новую базу, к одному торговцу картинами.

Парижская атмосфера отличается от лионской настолько, что никак не могу заснуть. Мысли

одолевают.

Жив ли Сен-Гаст? Что собирается предпринять адмирал Канарис, получив приказ заняться группой Марко Поло?

Удалось Октаву убедить союзный штаб в грозящей опасности? Запросили или нет Британское общество изучения межпланетных сообщений? Сумею я выдержать пытку, если придется? Не зря ли выкинул я пилюлю с цианатом калия?

За окном мчатся автомобили: немцы и коллабо [37] разъезжаются по ночным кабакам.

Что делать, если зазвонит телефон? Совсем забыл условиться с хозяином.

Что обозначает фраза, которую X просил передать в Лондон? «Между Океаном света и Горой света ничего общего нет…» Что это может значить? [38]

Среда

Огромная чашка кофе с молоком за цинковой стойкой паршивенького бистро великолепно разгоняет ночные наваждения.

На свидание ФТП не явились. Час гуляю по набережным. Великолепные возможности.

Встречи с парижанами. Узнаю, что ночью провалилась организация, именуемая «централь Пеллегрена». В помещении осталось четыре тысячи незашифрованных имен. Даю указание — организовать пожар. К счастью, в Париже еще есть небольшой запас моих зажигалок.

Наступает час решительной встречи с инженером на набережной Жавель. Запоминаю огромное количество данных. Тайных видов оружия оказывается уже четыре.

Все отрывочные данные оформляются, становятся на места, проясняются. Крепко жму руку инженеру X. Прежняя родина, новая родина, все освобожденные и все ждущие освобождения обязаны ему многим. Благодарить бесполезно, он все понимает сам.

Опять еду в предместье. Зашифровываю основное в полученном материале и прошу шифром передать в Лондон. Если радиограмма будет принята — я прожил свою жизнь не напрасно.

Завтракаю в другом районе.

На контрольной встрече с ФТП снова никого нет. Свободные два часа. Иду в кино, смотрю «Человека из Лондона».

Когда на экране появляется смена гвардейских патрулей у Букингемского дворца — публика внезапно разражается аплодисментами.

Встреча с двумя политическими деятелями.

Игрек, бывший председатель Совета Республики, хочет войти в Сопротивление.

Отказываю, он чересчур на виду. Напоминаю, что неповиновение перед лицом врага наказывается смертью, как гласит декрет Временного Правительства сражающейся Франции № 336А.

Снова отдых; долго гуляю по парижским улицам. Чувствуется течение подземных вод.

Четверг

Наконец-то! Человек из ФТП оказывается на второй контрольной встрече. Делаю ему замечание, он говорит:

— Побей, но выслушай! Жена уехала с поручением, мне пришлось сидеть с двухмесячным парнишкой. Освободился — и сразу прибежал!..

Вот они, бесчеловечные террористы, о которых кричит парижская бульварная пресса… Работа, семья, родина…

Объясняю ему все. Три смертных приговора будут немедленно отменены. Радиограмма моя благополучно достигла Лондона.

Последняя прогулка по Парижу; возможно, я его больше не увижу никогда. На стенах расклеены желтые афиши — длиннейшие списки расстрелянных заложников…

Захожу в немецкий книжный магазин в Латинском квартале. Рассматриваю книжки. Очаровательная девушка толкает меня локтем в бок и шепчет: «Скорее уходите, мсье, магазин сейчас взлетит на воздух!»

Выхожу не торопясь и усаживаюсь в соседнем кафе.

Через четыре минуты — сильнейший взрыв. Чистая работа, но я лично предпочитаю зажигательные бомбы. * * *

Возвратясь в лионскую «Централь», Верн немедленно связался по радио с Октаном. Октав собирался ехать во Францию, и уже был назначен день отъезда.

Послание Би-би-си было передано нормально, и первая половина вечера прошла благополучно.

Около десяти часов телефон сообщил, что сверхсрочное извещение от «Аякса» поступило в «особый почтовый ящик», помещавшийся на квартире дантиста Андре Пелле, младшего брата Рене.

Распечатав конверт, Верн побелел:

Посадочная площадка захвачена гестапо… — сказал он.

8. Крушение «Централи Блинденгейм»

Покой, довольство, ласковость уюта,

Добытого работой долгих лет,

Исчезли, как мелькнувшая минута.

И мы одни.

Покоя больше нет.

Но мы встречаем горе, как и прежде,

Без слез и жалоб, молча хмуря бровь,

Что нам опасности, разбитые надежды?

Они бессмертны и возникнут вновь…

Редиард Киплинг. «Far all we have andare»

Черная машина с гестаповским номером остановилась в маленькой деревушке. Она выехала из Лиона в двадцать два часа, сейчас было двадцать три часа десять минут. Маргарита Пелле, Верн и жандарм, участник нашей группы, вошли в домик, стоявший на отлете. Радист, приняв условную фразу по телефону, успел передать в Лондон страшную весть. Ответ пришел быстро:

«Самолет вылетел, попробуем связаться радио, вернуть».

Наступило молчание. Мы ждали дальнейших известий… Где-то над Ла-Маншем летел маленький «лизандр» и вез Октава во Францию, на верную смерть. Успеют ли предупредить его?

Время тянулось бесконечно… Наконец, через полчаса, которые казались вечностью, поступило сообщение: «Связаться пока не удалось».

Проползли еще пятнадцать невыносимо долгих минут. И вот — второе известие — «Связались, самолет возвращается в Англию».

Следующий час прошел несравненно быстрей. Наконец радист принял новое извещение: «Самолет совершил посадку в Англии. О дне вылета будете оповещены».

— Раньше чем через месяц он не вернется, — вздохнула Маргарита Пелле.

— Неважно, — заметил Верн, не подозревая, что эта задержка не только спасает жизнь Октава, но и меняет судьбу организации в целом. Никто тогда не знал, что часы «Централи Блинденгейм» сочтены.

Сравнительно недавно Сен-Гаст решил нарушить правило, согласно которому боевые и разведывательные действия не должны были смешиваться.

Историк, исследовавший работу и судьбу организации Марко Поло, совершенно справедливо замечает: «Свойственный Сен-Гасту динамизм не позволял ему замкнуться в узких рамках разведывательной работы. Он считал Сопротивление общенациональным делом, всенародным движением. Включиться в это движение должны были все общественные организации — и Сен-Гаст смело шел на соединение с самыми различными группами, поощряя и направляя их деятельность. Он понимал, что необходимо организационно объединять действия разрозненных боевых точек. В районе Макона им было создано одно из первых по счету маки, куда входила молодежь, уклоняющаяся от отправки в Германию, а также все имеющие основание скрываться от немецкой и «вишистской» полиций. В маки царила строжайшая воинская дисциплина, этим отрядам суждено было стать первыми отрядами войск ФФИ, которым в значительной степени принадлежит честь освобождения Франции…»

Увы! Именно из маки пришла к нам гибель: там многие знали адрес «Централи» и имена ее руководителей.

Ведомству адмирала Канариса удалось заслать в маки своего человека, тот установил

постоянную связь с гестапо, обо всем информируя немцев. (Впоследствии рапорты попали в наши руки, и этот агент — некий Гарсиа — был расстрелян). Но тогда, в ноябре 1943 года, лагерь маки, помещавшийся в районе селения Бобери, был окружен немецкими войсками. Макизары, которыми руководил старший унтер-офицер Робен, сражались отчаянно, но силы были неравными.

Судьба «Централи Блинденгейм» была предрешена. Кое-кто из наших сторонников попал в руки к врагам — некоторые из пленников не выдержали пыток. «Централи» оставалось жить считанные дни, и необходимо было наладить плановую эвакуацию, отступление в боевом порядке, дабы на новом месте возобновить военные действия как можно скорее. Группа получила приказ — желающие могли уйти немедленно. Добровольцы оставались, чтобы организовать эвакуацию.

Добровольцами оказались все. Началась систематическая разгрузка «Централи». Постепенно были отвезены в другие подпольные группы Лиона запасы оружия, готовящаяся к отправке посылка, склад запасных радиодеталей, шифры и коды.

К 23 ноября 1943 года в помещении «Централи» оставались лишь несколько вопросников для раздачи агентам и план немецких оборонительных сооружений на Средиземном море, с которого художник снимал копии.

Через сорок восемь часов «Централь Блинденгэйм» должна была прекратить свое существование…

Вечером 23 ноября в помещении «Централи» находились Маргарита Пелле, Жаклин Севильяно, Поль Пелле (младший из братьев Октава), художник Жан Легран, копирующий планы, три скаута — Перрюш, Рэнетт и Кугар — агенты связи и Верн. Кроме них, там присутствовали преподаватели, служащие и ученики интерната. У нас были и гости — три видных лионских общественных деятеля, попросившие убежища. Эти трое получили извещения о том, что они приговорены к смерти «Комитетом антитеррористического действия» — кучкой бандитов, организованной немцами впротивовес движению Сопротивления. Этот «Комитет» успел уничтожить Макса Дормуа, а некоторое время спустя расправился с Жоржем Манлелем и Жанной Зей.

Когда три лионских деятеля попросили у нас убежища — а наша «Централь» представлялась им безопасным местом! — отказать им было очень трудно. Истинной роли «Централи» они не знали, а раскрывать ее мы не имели права. Отказ без объяснений неизбежно повлек бы за собой подозрения.

Вечер проходил спокойно. Скаут Рэнетт был послан в один из «почтовых ящиков» и несколько задержался, но это никого не встревожило. Решительно ни у кого не было никаких предчувствий.

Мы заканчивали обед, когда в двери столовой вломилось множество незнакомых людей. Они размахивали пистолетами и автоматами, стреляли в воздух и орали: «Полиция! Германская полиция!..»

Нас заставили повернуться к стене и поднять руки. Начался обыск. Верн был опознан немедленно, так как у немцев оказалась его фотография. Верну тут же сообщили, что именно он изобрел прицел для вертикальной бомбардировки системы Норден и теперь получает сдельно по пятьдесят фунтов за каждую бомбу, падающую на Германию. Это было лестно, но не точно; никакого прицела он не изобретал. Однако тут же он получил трепку, которой суждено было стать первой среди множества подобных в дальнейшем. По числу их Верну суждено было побить даже высокий личный рекорд Сен-Гаста.

«Никогда не следует попадаться в руки к врагам в школе, — заметил позже по этому поводу

Верн. — На вашей спине будет сломано невероятное количество линеек…»

Пока мы беседовали, гестаповцы собрали целый ворох самых различных предметов. Наши вопросники и план немецких укреплений действительно были уликами. Но в той же куче лежали книги для глухонемых системы Брайля и аппаратик, при помощи которого слепые изучали азбуку Морзе. Гестаповцы всячески старались убедить нас в том, что этот аппарат — не что иное как радиопередатчик новейшей конструкции. Аргументы их были довольно однообразны.

Первые вопросы, заданные нам, показали, что они далеко не в курсе дел. Стало ясно: немцы знают, что они находятся в помещении «Централи», но о работе группы Марко Поло представления почти не имеют. Как мы и предвидели, Сен-Гаст не сказал ни единого слова. Нам предстояло последовать его примеру.

Впоследствии мы установили, что гестаповцы решили приберечь наше «дело» для себя, чтобы слава его раскрытия не досталась также и ведомству адмирала Канариса.

В помещении «Централи» была организована «мышеловка» — засада, которая привела к огромному количеству новых арестов. Эсэсовцы, совершившие эту операцию, вскоре добрались до тайного запаса рома, который сохранялся Октавом для Дня победы.

Кто бы ни пришел в интернат — преподаватель, родственник воспитанника, случайный гость, — пьяные гестаповцы неизменно встречали его ударом бутылки по голове. Было арестовано множество невинных людей, некоторые из них погибли в немецких концлагерях.

Пока работала «мышеловка», основные события развертывались в помещении лионской школы военных врачей, занятом штабом гестапо. Все наши люди под пытками молчали. Слепые питомцы интерната попрятали большинство улик и с удивительным мужеством отрицали все.

Однако гестаповцам удалось расшифровать список адресов, и 1 декабря 1943 года прокатилась вторая волна арестов. В эту вторую волну попал инженер Виньяль, изготовлявший все электрические и электронные приборы, в которых нуждалась организация.

Днем 24 ноября в «Централь» должен был прийти подполковник Мишель А., но предварительно он проявил обычную осторожность, — позвонил в школу. Он попросил к телефону «Вождя-Ворона». Такова была скаутская кличка Верна в 1927 году — немцы, разумеется, об этом не знали… Фашистские ищейки насторожились.

Мишель в трубку услышал голос с явно немецким акцентом:

— Фождь Форон просит фас явиться немедленно…

Мишелю все стало ясно. Он положил трубку и помчался в свою группу. Оттуда мгновенно была передана радиограмма в Лондон. Все прочие централи, в Лионе и других городах, немедленно переменили адреса.

В тот же вечер в Лондоне Октав попросил разрешения срочно вернуться во Францию.
Дневник Верна

Пытка ведется в точности так, как я представлял себе. Никак не могу приучиться терять сознание по своему усмотрению. Меня несут — я все ощущаю. Бросают на соломенную подстилку — и я лишаюсь чувств, хотя теперь это совершенно излишне. Прихожу в себя. Я — в просторном бараке. Лежу в чем-то вроде стойла, вокруг — люди.

Чей-то голос произносит:

— Петь «Марсельезу» мы не можем. Почтим погибших минутой молчания!

Тишина. Затем надо мной склоняется лицо с тонкими чертами, отмеченное бесконечной добротой. Знакомое лицо. Где я видел его? Ага, вспомнил: фото в газете, генерал Ганеваль…

Так он и рекомендуется. Трое других произносят поочередно:

— Мишель Кранэ, студент.

— Люсьен Шолан, инженер-электрик.

— Жан Комбэ, директор туристического агентства.

— Все так же невинны, как вы и я! — говорит генерал. — Но не будем сейчас обсуждать дела, здесь есть гестаповские шпионы…

— Что произошло? — спрашиваю я. — Кто погиб?

— Шестеро товарищей. Они были заложниками, их увели «онэ пакете» (без вещей). Их расстреляли. Сейчас придет врач… Но увы! У нас нет никаких лекарств…

Подходит врач-заключенный и осматривает меня. Переломов нет. Впрочем, сегодня мне достались сущие пустяки, обычные побои для вновь прибывших. Настоящая пытка будет завтра. Полезно знать это заранее.

На следующее утро вызывают на допрос. Мне надевают наручники, которые слишком велики. Они сваливаются, я кладу их в карман. Меня приводят во врачебную школу, где моего прихода ждут несколько отборных скотов.

— Где ваши наручники?

— Извините, они в кармане…

Бросаю наручники на стол. Минута молчания, затем начинается допрос. Он подкрепляется применением различных инструментов, огня и воды. Это верно, что людям, которые не хотят сказать того, что от них требуют, прижигают подошвы.

Перед снимающими допрос — мой блокнот с записями о музыке. У меня настойчиво требуют адрес Чайковского. Они уверены, что «этот Чайковский — русский агент».

«Не хочу умирать за Чайковского!» — сказал г. Дэа [39].

Но я так не скажу.

Внезапно входит большой начальник, оценивает обстановку и говорит мне на отличном французском языке:

— Чертов идиот, если ты не знаешь адреса Чайковского, то его почтовый ящик ты знаешь наверняка! Говори!..

После четвертого обморока меня утаскивают в подвал.

Очнувшись, обнаруживаю рядом с собой замаскированный микрофон и показываю его товарищам по несчастью. Не упускаю случая ударить тюремщика ногой в живот.

Продолжение допроса вечером. Выносливость моей шкуры удивляет меня самого. Постепенно устанавливаю личность палачей. Пока что они почти ничего не знают. Один из

переводчиков — некий С., сын известного издателя. Большого начальника зовут Барбье, он родом француз.

Немецкий вермахт представлен за столом неким офицером, не имеющим отношения к гестапо. Когда рейнская зона была в 1923 году оккупирована французами, этот офицер был товарищем Шлагетера [40] по немецкому Сопротивлению. Он заявил мне, что тогда его топили в ванне на допросе работники французского «Второго Бюро» [41].

Вечером нас переводят в форт Монлюк. Сообщаю товарищам последние новости: назавтра привезут «зуган». Это странное слово происходит от немецкого «Цуганг», так обозначают новоприбывших.

Обычно это люди, запуганные до такой степени, что из них не вытянешь ничего, представляющего интерес для всех.

В нашем бараке содержатся беглецы из оккупированной зоны, евреи и священники. Два других барака именуются «пищеблоком» и «мастерской»; их заполняет более изысканная публика. Кроме того, есть небольшие камеры и даже одиночки.

Ночью поднимается стрельба; еще один неудавшийся побег. Наутро узнаем, что трое убиты наповал, и среди них человек из моей группы, старший унтер-офицер Г., попавший в мышеловку, устроенную в убежище Блинденгейм. Придется мне навести порядок и запретить побеги без достаточных шансов на удачу.

24 ноября 1943

Сегодня утром допроса не было. Нас вывели во двор на прогулку. Ходили по кругу. В Монлюке существует своя космогония, объясняющая решительно все, как борьба Орзмунда и Аримана в древней дуалистической философии персов. Разница состоит в том, что здесь оба божества являются злыми. Вермахт борется с гестапо. Если на соломенный матрасик, рассчитанный на двух человек, укладывают восемь — это значит, что гестапо хочет досадить вермахту (ответственному за форт Монлюк), набивая в камеры больше людей, чем они могут вместить. Когда заключенные начинают умирать от истощения — это значит, что вермахт досаждает гестапо; люди умирают, не будучи допрошенными.

Что ж, на свете бывают еще более неправдоподобные космогонии.

Старшина нашего барака некий Фанкельштейн — шпион, немец на английской службе [42]. Его арестовали в Сан-Ремо и нашли при нем письмо от итальянского маршала Бадольо к Уинстону Черчиллю. По всем правилам его должны были бы расстрелять, но: во-первых, англичане предлагают обменять его на десятерых немецких шпионов, арестованных ими; во-вторых, выдачи Фанкельштейна требуют японцы. Он осуществил вторжение со взломом в здание военного Министерства в Токио и убил при этом японского полковника. Поэтому он должен умереть в жесточайших мучениях.

Пока что из-за этих противоречивых требований Фанкельштейн благополучно остался в живых.

Продолжаем ходить по кругу, когда появляется фотограф и делает с меня снимки для немецкого еженедельника «Сигнал».

Фотограф сообщает, что мой портрет «опасного террориста» красуется также в приемной крупной лионской пронемецкой газеты.

Вот она, слава!

Вечером новый сеанс «Ферн?мунга», то есть допроса, сопровождаемого пытками, во

врачебной школе. Возвращение в Монлюк на автомобиле, спереди и сзади идут машины с вооруженной охраной. Моим друзьям не удастся устроить здесь нападение на кортеж. А жаль!

8 декабря 1943

Поставим точку. Я уже побил рекорд бедняги Сен-Гаста и все еще жив. Очевидно, умереть мне придется под пулями расстреливающей команды.

Я уже выбрал себе предсмертную фразу: «Смерть коровам [43] и на поле чести!» Так назывался когда-то один сборник сюрреалистских стихов.

Благодаря упорству удалось направить ход следствия примерно так, как хотелось мне. Я сделал ровно столько вымышленных признаний, сколько нужно было для того, чтобы запутать следствие. Весьма возможно, что мне удастся этим освободить всех женщин и кое-кого из слабо скомпрометированных мужчин.

Я признался немцам, что получил задание собрать всех макизаров корсиканской национальности, посадить их на корабли и отправить обратно на Корсику. По-видимому, немцы клюнули. Я объяснил им, что мы всегда давали мужчинам женские псевдонимы, а женщинам — мужские. Это отнюдь не облегчит им дальнейших розысков. Вернее, они запутаются еще больше.

Товарищи мои держались под пытками бесподобно. Ни один не сказал ни слова, я мог плести все, что мне вздумается. Никаких противоречий в показаниях не возникало.

Гестапо превосходно информировано о моем прошлом.

Мне намекнули, что смертную казнь, возможно, удастся отменить, если я соглашусь работать в научно-исследовательском институте имени кайзера Вильгельма по электромагнитному детектированию, сиречь радару.

Но надо мной пока не каплет…

Прервем здесь дневник Верна на короткое время.

В эту ночь Октав спрыгнул с парашютом над Францией. Он прыгал вслепую, зная, что внизу больше друзей, чем врагов. Группа вновь обрела руководителя. Восстановив организацию, Октав должен был передать условную фразу, а Лондон, приняв ее — подтвердить получение по Би-би-си словами: «Высокий мыс по-прежнему вздымается над волнами».

Октав добрался до Лиона 10 декабря и получил немедленно послание от Верна из форта Монлюк.

Верну удалось использовать лазейку, о существовании которой он знал еще до своего ареста. Дело в том, что в форте содержались немецкие солдаты, арестованные за дурное поведение и мелкие служебные провинности. Эти люди часто выходили на свободу и возвращались потом в свои части.

Один из них передал Октаву записку Верна, в которой говорилось, что жена Октава и оба его брата пока живы и немедленная смерть им не угрожает. Сообщалось также, что никто из наших единомышленников ничего не сказал, однако немцы осведомлены о путешествии Октава в Лондон. К счастью, о возвращении Октава немцы и не помышляли, будучи совершенно уверенными в том, что он предпочтет остаться в безопасности по ту сторону Ла-Манша.

Верн снова настаивал на исключительной важности оружия «фау».

Разумеется, мы предвидели, что Верн может быть арестован во время поездки в Лондон. Все нити, сосредоточенные ранее в руках Верна, были переданы Октаву. Он, вернувшись во Францию и проверив положение, принялся подыскивать подходящее место для новой «Централи».

Октав знал, что Верн долгое время серьезно интересовался проблемами межпланетных полетов. Его записи и расчеты вполне можно было принимать всерьез. Они не содержали ничего фантастического. Техническая мысль Верна была достаточно широкой для того, чтобы он мог по-деловому рассчитать время полета ракеты из Кале в Лондон со скоростью пять тысяч километров в час с грузом в тонну взрывчатого вещества. В этом отношении Верн мыслил несравненно шире, чем военные советники Гитлера, как это явствует из книги генерала Дорнбергера «Секретное оружие Пеенемюнде», вышедшей в издательстве Арто.

Проблемы, поставленные перед Октавом, располагались примерно в следующем порядке. Необходимо было:

1. Установить, на каких заводах изготовляются основные механические и электрические детали «фау» и жидкий кислород для ракет.

2. Уточнить местоположение пусковых площадок.

3. Организовать саботаж на строительстве этих площадок.

4. Убедить союзников в необходимости повторения операции «Арбалет», направленной против оружия «фау».

Как мы увидим, Октав превосходно справился с выполнением этой программы, хоть и заплатил за это собственной жизнью.

События в Лионе вскоре дошли до Фридриха-Вильгельма Канариса, имевшего своих шпионов даже в недрах гестапо.

Терпеливо и медленно Канарис начал готовить переход этого интересовавшего его дела из рук гестапо в свои. Этот переход облегчался тем, что аресты ничего не изменили; следствие топталось на месте, а организация продолжала свою подпольную работу. Канарис задался целью, захватив один из передатчиков группы Марко Поло и шифры к нему, от имени второй организации снабжать союзников фальшивыми сведениями. В частности, предполагалось сообщать об отказе фюрера от оружия «фау» для того, чтобы втайне создать новые центры его производства.

Ни на секунду Канарис не допускал мысли о возможном разгроме Германии [44]. Он сам был в немилости и даже вынужден был официально передать руководство ведомством своему заместителю, полковнику Георгу Ханзену.

Прикрывшись маской безграничной преданности Гитлеру, полковник Ханзен был на самом деле одним из лучших и вернейших агентов Канариса. Он выполнял обязанности связного между Канарисом и группой видных генералов, замышлявших устранение фюрера.

В последние дни 1943 года Канарис и Ханзен готовили «блестящую комбинацию», осуществив которую, они могли бы говорить с союзниками от имени группы Марко Поло.

Фантастические россказни Верна, на которые «клюнуло» лионское гестапо, послужили Канарису поводом для вмешательства.

9 декабря 1943

Долгая дискуссия с «Ком-комом» [45], эсэсовцем-силезцем, который конвоирует меня до

школы военных врачей. Мой страж убежден в том, что лионское нападение на машину непременно будет повторено. Он предупреждает, что в этом случае пристрелит меня немедленно.

После обычных пыток Барбье предлагает мне свободу, если я соглашусь заговорить.

Отвечаю, что свободы мне все равно не видать, поскольку «Ком-ком» обещал пристрелить меня на месте.

— Помните случай с полицейской машиной в Лионе?

Барбье отправляет меня в погреб и обещает завтра заняться со мной «по-серьезному».

Вскоре в подвал является «Ком-ком».

Предупреждаю, что со мной еще не кончили, но это не мешает ему увести меня. Уходя, замечаю, что в книгу привода и увода арестованных он меня не записал, и с интересом ожидаю дальнейшего.

Из рассказов товарищей, сидевших в погребе, выясняю, что Барбье спустился туда в половине третьего ночи с воплями:

— Верн! Верн!..

Естественно, никто ему не ответил.

— Швайнехунд! Он смеет спать!..

С хлыстом в руке Барбье бросается разыскивать меня среди пленников.

Но Верна нет. Кейн Верн. Полная паника. Лишь в три часа кому-то пришло в голову позвонить в Монлюк и спросить, нет ли меня там.

В форте Монлюк вопрос обо мне воспринимается как срочный вызов. За мной приходят. Вооруженного эскорта под рукой нет, и мы отбываем втроем на грузовике — шофер, «Ком-ком» и я. «Ком-ком» сильно нервничает. Шофер, пожалуй, еще больше.

Мы слегка задеваем трамвай и разбиваем вдребезги ручную тележку. За нами устремляется полицейский на мотоцикле.

— Террорист! — орет «Комком» и хватается за автомат — трофейный «стэн», отнятый у англичан.

Он выстрелил, промахнулся. Автомат тут же заедает.

— Английское дерьмо! — вопит «Ком-ком», бросает автомат на пол машины и начинает пинать его ногами.

— Конечно! — подбавляю жару я. — Это оружие делает Невиль Чемберлен. Посмотри, там есть клеймо — «Бирмингам Смолл Армс Ко!..»

— Так я и знал! — говорит «Ком-ком» и вытаскивает здоровенный автоматический пистолет. — Но я дорого продам свою шкуру!.. Хайль Гитлер!

— Да здравствует де Голль! — восклицаю я, чтобы поддержать воинственную атмосферу.

Шоферу она не нравится вовсе, он гонит как сумасшедший и подлетает к школе военных врачей в ту минуту, когда двери ее открываются.

Мы поспешно поднимаемся по лестнице и наталкиваемся на Барбье.

— Он мне не нужен — заявляет Барбье, указывая на меня. — Отвезите его обратно в Монлюк. Кстати, где его наручники?

— В кармане, — отвечаю я, — энтшульдиген зи… [46]

— Уведите его! — орет Барбье. — Хайль Гитлер!

— Смерть предателям! — отвечаю ему в тон, и мы отбываем.

По дороге мы сбили двух велосипедистов и начисто срезали столб электрического фонаря. Вот и Монлюк.

— Почему тебя так часто допрашивают? — недоуменно задает вопрос «Ком-ком».

— Потому что я ни в чем не виноват! — логически завершаю разговор я.

10 декабря 1943

Удалось встретиться в погребе с Жаклин Севильяно. Предупредил о ее предстоящем освобождении, передал поручение для Октава и свою последнюю волю в виде устного завещания.

Мне непрерывно устраивают очные ставки с людьми, с которыми я никогда не встречался.

Робэн расстрелян. Он умер очень мужественно.

Все время уводят людей «онэ пакете».

Один «зуган» сообщает мне потрясающую новость: генерал Жиро высадился в Генуе с армией в миллион негров. Только и всего.

12 декабря 1943

Прогулка во дворе кажется списанной с уайльдовской «Баллады Рэдингской тюрьмы»: «Я шел с другими душами, обреченными на муки, в другом кругу, и размышлял: что совершил этот человек? Велик или мал был его грех? И кто-то сзади прошептал: его ждет петля…»

Хотелось бы быть хорошим поэтом, чтобы перевести эти строчки…

Протестантский пастор Ролан-де-Пюри, заточенный вместе с нами, потребовал библию, чтобы читать ее заключенным.

Комендант форта выразил свое согласие… при условии, что там ничего не говорится об евреях.

Мы с интересом ожидали этой новой библии, но не дождались…

Присланная библия ничем не отличалась от обычной.

Мы устроили диспут, обсуждая ее с точки зрения различных религий, а также с точки зрения науки. Науку пришлось представлять мне. Комендант форта пришел на мое выступление, прослушал его и спросил, зачем я устраиваю здесь конференции по шпионажу? Я объяснил ему, что неповинен ни в чем. Он хохотал, словно услышал остроумнейшую шутку.

Комендант форта Монлюк не лишен чувства юмора.

Недавно, в то время, когда он говорил нам речь, неподалеку в городе раздался взрыв бомбы.

— Эге! — сказал он. — Кажется, будет гроза!

До рождества оставалось десять дней.

15 декабря 1943

Присутствовал при допросе.

Некий Бресчиа, по-видимому корсиканец, был арестован в поезде между Баланс и Авиньоном. При нем нашли четыреста хлебных карточек.

Допрашивающий: Откуда у тебя четыреста хлебных карточек? Зачем они тебе? Ты снабжаешь продуктами маки?

Бресчиа: Пощадите, господин полковник! Я даже не знаю, что такое маки. Эти карточки я вез своей мамаше.

Допрашивающий: Твоя мамаша может слопать за месяц четыреста пайков?

Бресчиа: Пощадите, господин полковник. Она слабая старушка, чтобы прокормить ее, мне приходится немножко спекулировать на черном рынке. Я честный торговец, господин полковник, и даже не знаю, что такое маки. Клянусь честью корсиканца!..

В конце концов, его отпустили.

Сегодня мне сообщили, что я приговорен к смертной казни объединенным парижским трибуналом, судившим меня заочно.

На всякий случай подаю просьбу о помиловании.

Основанием служит то, что французский офицер на французской территории не может рассматриваться как шпион.

Мне, конечно, откажут, но приведение приговора в исполнение, по всей вероятности, на несколько недель будет отсрочено.

20 декабря 1943

Чтобы я лучше соблюдал собственные интересы и стал разговорчивее, меня посадили на сорок восемь часов в одиночку для смертников. И такая приготовлена в здании школы военных врачей!

Превосходный случай хорошенько поразмыслить обо всем на досуге.

22 декабря 1943

Получены кое-какие сведения с воли. Моральное состояние у всех без исключения превосходное. Октав работает. Мне удалось достать и просмотреть «Паризер Цейтунг». Там опубликована довольно задорная статья о предстоящем применении секретного оружия, которая меня встревожила.

Острову Пеенемюнде сильно досталось, но Германия еще не проиграла войны. К счастью, Октав уже получил мое послание и, вероятно, успел предупредить Лондон.

Один «зуган» рассказывает, что союзники активно бомбят берега Ла-Манша и Северного моря. Конечно, он расценивает эти налеты как подготовку к открытию второго фронта. Мне

думается, что правильнее рассматривать их как меры по уничтожению пусковых площадок «фау». Налеты массовые, серьезные.

25 декабря 1943

По случаю рождественских праздников освобождено несколько человек, в том числе Жаклин Севильяно. Сегодня же она встретится с Октавом и передаст мое донесение. Это очень важно для нашей организации.

Другой «зуган» недавно слушал Би-би-си и отчетливо разобрал непонятную ему фразу: «Высокий мыс вздымается над волнами».

Значит, все идет хорошо.

26 декабря 1943

Сегодня со мной проделали церемонию расстрела.

Завязанные глаза, полувзвод с винтовками и прочее. Неубедительно. Весьма вероятно, впрочем, что настоящий расстрел тоже будет неубедительным до самого конца. Никто не может поверить в собственную смерть.

27 декабря 1943

Наш барак — это целый мир, захватывающе интересный.

Создана «комиссия по варенью». Это выборная организация заключенных, которая распределяет дополнительные порции варенья, присматривает за шпионами и выполняет роль арбитра при любых разногласиях. Под благосклонным оком комиссии мы живем яркой интеллектуальной жизнью. Проводятся доклады, диспуты, конференции. Они помогают забыть о голоде, холоде и даже о страхе.

Время от времени люди уходят. Иногда «с вещами», что обозначает отправление в концлагери. Так ли там страшно, как говорят? Иногда пленники уходят по команде «без вещей», и это означает расстрел, хотя выстрелов мы не слышим.

На воле Сопротивление продолжает сражаться и бьет крепко. У одного «зугана» оказался при себе спрятанный номер подпольной газеты «Попюлер», датированный сентябрем. Из него мы узнали, что Комитет сражающейся Франции признан официально всеми союзными правительствами.

В той же газете сообщалось, что в области Ардэш, возле городка Тин, состоялась схватка. Погибли двенадцать макизаров и три немецких солдата.

Ужасно жаль было уничтожать газету, но длинные списки заложников опасно хранить на себе. Это карается.

Приятно то, что дурные вести из России оказались ложными. Один пессимист, скверно знающий немецкий язык, увидел в «Паризер Цейтунг» карту русского фронта и не обратил внимания на то, что линия, проведенная намного восточнее официальной линии фронта, нанесена на карту… карандашом. Очевидно, за истину было принято фантастическое предположение какого-то восторженного тевтона.

Допросы продолжаются, но проходят спокойно, без пыток. Иногда разгорается даже нечто вроде дискуссии.

Сегодняшний допрос был отмечен прибытием некой очень важной шишки, по всей

вероятности — Кальтенбруннера.

При его появлении все вскочили. Явно взволнованный Барбье представил нас:

Это Верн. Это полковник Икс, это обершарфюрер Игрек… Криминаль-комиссар Зет… А это молодой Дубль-Ве, заслуженный боец русского фронта… Он вместе с нами работает над делом Верна.

Молодой офицер краснеет от смущения. Я принимаю подчеркнуто скромный вид.

— Какая мерзкая морда! — заявляет глядя на меня один из адъютантов великого человека, вошедших вместе с ним. — Людей с такой внешностью следует расстреливать на месте!..

— Не остроумно! — возражает великий человек. — Не следует говорить так о том, кого нам на самом деле придется расстрелять!..

Наступает то самое неловкое молчание, о котором пишут в романах. Гробовое молчание.

Великий человек отрывисто восклицает: «Хайль Гитлер!» и выходит со всей своей армией.

— Отправили бы вы его лучше домой, — говорю я. — А то еще пришибут, как Гейдриха в Чехословакии!..

По непонятным причинам за простой дружеский совет меня награждают очередной трепкой.

28 декабря 1943

Другая важная персона, прибывшая из Берлина, спрашивает, соглашусь ли я работать в немецкой лаборатории, занимающейся радарным обнаружением летящих самолетов.

Отвечаю, что в принципе не одобряю бомбардировок гражданского населения, но над этим предложением подумаю…

Неужели я выйду отсюда не в потусторонний мир, а куда-то в иное место?

Получил продуктовую посылку, в которую вложено шесть носовых платков желтого цвета. На посылке отчетливо видна условная пометка нашей группы, но никакого письма при ней нет.

Обрабатываю платки всевозможными химическими реактивами, какими только располагаю. Применяю тепло, мочу, лимонный сок, йод, витамин С… Никакого результата. Не воображают ли они, что у меня здесь есть лампа ультрафиолетовых лучей?..

Придя в отчаяние, иду советоваться с верными людьми. Они считают, что все очень просто: шесть платков, 6 марс [47], значит — 6 марта. В день шестого марта состоится открытие второго фронта, массовая высадка союзных войск на европейской территории. Все ясно.

Потрясенный глубиной этих умозаключений, я спрашиваю:

— А почему платки желтые?

Минута молчания и категорический ответ:

— Чтобы понял, что ты рогоносец. Впрочем, это очевидно и без платков.

Ответ остроумный, но как быть, если я не женат?

Нас начинают сильно донимать вши.

Один из допрашивавших меня — эсэсовский офицер — непременно хотел, чтобы я назвал себя «посланцем Москвы».

Я вынужден был не согласиться с ним. Он настаивал.

— Скажешь, ты никогда не был в Москве?..

Мне безумно хотелось крикнуть: «Не был. И ты тоже!»

С огромным трудом я удержался от этой реплики. В этих местах юмор ценится не слишком высоко.

31 декабря 1943

По случаю уходящего года генерал Ганеваль делает общий обзор военного положения. Он считает, что война не может окончиться ранее середины 1945 года. Он предлагает не переоценивать крушения Италии. Итальянская стена из макарон это одно, а стена из германской стали — совсем другое.

Самые тяжелые бои еще впереди.

Любопытно видеть, как действуют эти прогнозы на наших товарищей. Далеко не все умеют смотреть правде в лицо. Одни плачут, другие выражают недоверие. Как выдержать еще целых полтора года?! Бедные люди, они не понимают, что Ганеваль — розовый оптимист. В своем анализе он даже не упомянул о секретном оружии!

Среди всеобщего волнения проходят последние минуты 1943 года.

Патриотические гимны нам запрещены, но стихийно возникает песнь концентрационных лагерей:

В лагерях, на торфяных болотах,

За колючей проволокою мы

Умираем молча на работах

От восхода до вечерней тьмы.

О, земля отчаянья и страха!

Ты сломила молодую прыть,

На плечах — истлевшая рубаха,

Злую землю надо рыть и рыть…

Женщины оказались счастливее нас; им разрешили спеть «Марсельезу».

Вечер завершается поэтическим фестивалем. Генерал Ганеваль декламирует на память удивительную поэму Жан-Марка Бернара:

Из глубины могил, из глубины траншей

Мы тянем руки ввысь и злобой слезы душим.

Господь! Когда наш стон достиг твоих ушей,

Пошли покой иссохшим нашим душам…

Когда приходит мой черед, читаю поэму Арагона, превосходно подходящую к обстановке:

Могущество у них, у нас же — мощь числа;

Пускай угас огонь, в куски разбита лира,

Пускай еще темней и безотрадней мгла,

Но пленник сложит песнь, что облетит полмира…

Поистине поэзия — единственная отдушина, единственное прибежище в жестоком, враждебном мире. Существует легенда о том, что здесь, в форте Монлюк, поэт написал два замечательных произведения, которые были озаглавлены «Рука» и «Корабль» [48].

Сам образ — тюрьма, как корабль, движущийся во времени, своеобразен. Людские судьбы плывут где-то на границе четвертого измерения. В одиночке смертника эта мысль становится почти осязаемой.

Вне пределов времени выковывается новый мир, которого я не увижу. В том мире будет множество чудес, вероятнее всего — атомная энергия и многое другое…

И все-таки — это был хороший год!..

3 января 1944

Полная катастрофа.

Посреди допроса появляются двое молодых людей, каждый не старше двадцати пяти. Они подходят к столу и коротко говорят допрашивающим меня немцам:

— Раус!

Окаменев от изумления, вижу, как гестаповцы покорно собирают свои бумажки и улетучиваются.

Молодые люди вежливо предлагают мне присесть. Один из них открывает толстенное досье и заявляет:

— Довольно шуток. Теперь вы имеете дело не с гестапо, а с абвером, службой германской контрразведки.

Вступает второй:

— Вы являетесь агентом № 99021 лондонского штаба. Ваш псевдоним — Поло. Я только что вернулся из Глазго, где организовал подпольную группу того же типа, что ваша. Давайте поговорим серьезно…

9. «Высокий мыс» по-прежнему вздымается среди волн

Не один у него был товарищ —

Миллионы шагали, горя,

Чтобы, местью и дымом пожарищ

Занялась бы иная заря.

Поль Элюар. «Предупреждение».

Разгромленная группа Марко Поло воскресла под новым именем «Высокий мыс» (Промонтуар).

У нее было два руководителя — Октав и подполковник Мишель А., о котором пока в этом рассказе упоминалось лишь вскользь. Профессиональный контрразведчик, человек исключительной осторожности, Мишель был подвижен, как ртуть, и неуловим, словно уэллсовский Человек-Невидимка.

Благодаря таланту конспиратора и обостренному «чувству подполья» он ни разу не попался в лапы врагу, всегда полностью сохраняя активность и боеспособность своей группы.

От Мишеля Октав получил информацию об агентах, оставшихся на свободе. Жаклин Севильяно сообщила ему все о людях, оказавшихся в тюрьме. Соединив полученные сведения, они весьма быстро создали новую «Централь» на ферме в окрестностях Лиона. Там, приняв весьма натуральный облик фермера-джентльмена, Мишель разводил лошадей и рогатый скот. Отсюда же Октав руководил подпольной организацией.

К январю 1944 года группа приступила к активной работе.

Октав одновременно блестяще синтезировал разведывательные данные и руководил действиями боевых групп.

Вскоре он стал одним из лучших руководителей подполья. За исключительные заслуги в борьбе против оружия «фау» Октав получил посмертно звание кавалера ордена Британской империи. Одна из улиц Лиона носит его имя. Как мы увидим из дальнейшего, обстоятельства его трагической гибели не выяснены до сих пор.

При «докторе Ватсоне» в нашем рассказе не было Шерлока Холмса, преподносящего ключ от любой тайны. В этом и заключается разница между романом и подлинной жизнью. Мы делимся с читателем всеми элементами загадки, но далеко не всегда можем сообщить разгадку.

В некоторых случаях разгадки вообще не существует, и навряд ли она будет найдена когда-нибудь.

Итак, Октав продолжал вести обычную разведывательную работу группы, сочетая ее с выполнением оперативных заданий. Особенно большое значение придавалось, конечно, борьбе против оружия «фау». Однако и этого оказалось недостаточно для Лондона. На

Октава было возложено создание новой, впервые организуемой специальной службы, которая именовалась «отрядами боевой разведки».

Эти отряды были сформированы из участников наших филиальных групп, живших в приморской полосе. Эти отряды должны были оказывать немедленную помощь высаживающимся войскам союзников, встречать десантные части, снабжать их информацией, представляющей оперативное значение для данной минуты.

Впоследствии генерал Эйзенхауэр сказал во всеуслышание, что ценность таких подразделений в первые дни равнялась ценности десяти дивизий. Эти летучие отряды обозначались буквами ОБР.

Концентрация наших сил в береговой зоне повела к довольно значительным успехам в борьбе против оружия «фау».

Одна из групп ОБР обнаружила в местечке Сен-Ле огромные подземные хранилища. Когда-то там были каменные карьеры. Позднее в этих погребах разводили грибы: здесь выращивалась чуть ли не половина поступавших на рынки Парижа шампиньонов.

Немцы организовали в этих подземельях главный склад готовых «фау-1».

Получив соответствующую информацию по радио, английский воздушный флот 5 августа 1944 года предпринял на Сен-Ле массовый налет, который был немногим слабее знаменитого налета на Пеенемюнде. Небольшой городок был стерт с лица земли. Он превратился в бесформенную груду обломков.

Англичане решили отвести от Лондона намечающийся удар. Очень небольшой по площади объект был атакован, по официальным английским данным, почти пятьюстами бомбардировщиков. Было сброшено в общей сложности две тысячи двести тонн фугасных бомб.

После освобождения развалины были разобраны и путь к подземельям расчищен: в них обнаружили свыше тысячи совершенно готовых самолетов-снарядов «фау-1».

Эта победа была одержана лишь благодаря донесениям Октава, посланным им еще в январе 1944 года. В какой-то мере этим налетом наши отомстили за разгром группы Марко Поло.

Как это ни странно, примерно в то же время союзники стали снова проявлять недоверие к нашим сообщениям [49].

Ученые-»эксперты» опять начали утверждать, что работы на Пеенемюнде, установка пусковых площадок и специализированные заводы-смежники — все это лишь детали гигантской мистификации, проводимой немцами в целях устрашения противника.

Октав сумел установить личные контакты в Лондоне, его донесения всегда были точными и убедительными и, можно без преувеличения сказать, что благодаря его заслугам наша работа была признана союзниками достойной доверия.

Ответственность, лежащая на так называемых «военных экспертах» и «специалистах», тем не менее остается огромной.

Они авторитетно заявили в свое время, что линейный корабль вообще не может быть потоплен авиацией, даже самолетами-торпедоносцами; что в мае 1940 года немцы свернут Англии шею, как цыпленку; что у Советского Союза нет и не может быть ни атомной, ни водородной бомб.

Эти знатоки едва не довели войну на Западе до победы немцев, и это не простится им

никогда.

Они не заслуживают прощения именно потому, что в донесениях Верна они могли найти самые точные и подробные данные о новом оружии, в частности о «фау-1» и «фау-2». Если бы они отнеслись к делу серьезно, один лишь список патентов и авторских свидетельств, используемых немцами, должен был бы убедить этих «специалистов» в том, в чем их тщетно старалась убедить деятельность подпольных групп.

Теперь совершенно ясно, что тупость и самоуверенность многих военных «экспертов» в значительной мере затормозила развертывание активных операций против нового немецкого оружия. Лишь благодаря этой задержке Лондон и Антверпен подверглись обстрелу оружием «фау».

Сегодня мы находим подтверждение этому непростительному опозданию в отчете о специальном заседании, которое состоялось на Даунинг-стрит, 10, 27 января 1944 года, под председательством г-на Уинстона Черчилля.

От французов на этом заседании присутствовали г. Бори и г. Эммануэль д'Астье де ля Вижери. От англичан — маршал авиации Портал, сэр Арчибальд Синклэр, министр авиационной промышленности граф Сельберн, министр по вопросам экономической войны бригадный генерал Е. Е. Муклер из Управления особых операций и еще несколько человек [50].

Было принято следующее решение.

С февраля 1944 года союзной бомбардировочной авиации предлагалось в основном сосредоточить свои силы на проведении классических «стратегических» бомбардировок противника.

Бомбардировка пусковых площадок на побережье («операция Арбалет») значилась в плане операций лишь на третьем месте.

Благодаря энергии г. д'Астье де ля Вижери и подполковника Йео-Томаса было решено усилить поддержку французского движения Сопротивления.

Однако на этом заседании не нашлось никого, кто энергично бы защищал необходимость борьбы с готовящимся оружием «фау». Эту мысль нужно было поддержать непременно, но не за счет воздушной помощи Сопротивлению, а именно за счет «стратегических» бомбардировок.

Эта «основная» форма воздушной войны вела к значительным людским потерям среди невоенного населения Европы, но весьма мало препятствовала военным успехам немцев.

Будь решение принято своевременно — вполне можно было бы избежать частичного разрушения Лондона, Антверпена и других городов.

Быть может, если бы не разгром нашей лионской «Централи», Октав задержался бы в Лондоне на несколько дней. Выступив перед собравшимися 27 января, он сумел бы убедить влиятельных людей в необходимости принять срочные меры — и Англия вообще не испытала бы ужасов, причиненных падающими «фау».

С другой стороны, если бы арестованные члены нашей группы не держались так геройски, скрывая Октава от лап гестапо и абвера, оружие «фау» принесло бы еще больше разрушений. Если бы не деятельность Октава, не было бы предпринято ни бомбардировки Сен-Ле, ни ряда других операций, о которых речь будет впереди.

Три битвы протекали одновременно. Первая велась в воздухе над берегами Франции, вторая

— на французской земле — борьба подпольных групп с врагом — и третья — в подвалах лионского гестапо между пленниками и палачами.

Все три битвы были взаимосвязаны между собой, представляя различные грани одной и той же войны. Ни одну из них нельзя было назвать ни чисто агрессивной, ни чисто оборонительной. «Операция Арбалет» преследовала в основном цели защиты. Бомбардировщики, атаковавшие пусковые площадки, сами нуждались в помощи против истребительной авиации врага.

В январе Октав переправил в Лондон детальное описание, чертежи и фотоснимки немецких радарных установок системы «Вюрцбург». Вскоре союзниками были выдвинуты два встречных мероприятия: во-первых, решено было применять алюминиевые листы, которые искажали изображение и именовались «окнами» («window»); во-вторых, при помощи особого приспособления, «реснатрона», путались и отклонялись радиоволны, воспринимаемые вражескими аппаратами.

Из этого явствует, что разведывательная сеть союзников (в том числе и наша группа) все больше ориентировалась на «научную разведку» и все меньше занималась разведкой классической, интересующейся лишь передвижениями войск и планами крепостей.

Конечной целью этой книги является стремление показать чрезвычайную важность научной информации (и умения ею пользоваться!) в том сложном мире, в котором мы живем.

Надо признать, что по действенности группа Промонтуар превзошла группу Марко Поло. Сеть высококвалифицированных агентов этой группы разрослась настолько, что от Промонтуара «отпочковались» несколько новых, самостоятельных подпольных организаций — «Беарн», «Марсо» и «Сюркуф».

Передаваемые сообщения стали более четкими. Здесь действовал как бы естественный отбор: малоспособные агенты были отчислены или отсеялись сами; в составе группы остались лишь сильнейшие работники.

Все эти уточнения необходимы для того, чтобы правильно разобраться в событиях, о которых рассказывается дальше в дневнике Верна. Продолжение дневника Верна

Стараюсь не показать, как затронул меня этот удар.

Опять все сначала? Где мне взять силы?

Человек Канариса продолжает:

— Советую вам преследовать в своем поведении чистейшую, химически чистую искренность. Она бывает полезна в нашем ремесле…

— А вы и химик тоже? — спрашиваю я.

— Очень остроумная шутка. Не забывайте только, что мы иногда бываем крайне неприятными. Чрезвычайно неприятными. Сейчас нам нужно от вас одно — свяжите нас с Октавом. Да будет вам известно, что готовится сепаратный мир между Германией и англо-американцами. Мы скоро будем с вами союзниками и друзьями. Облегчите нашу задачу и скажите, как нам найти Октава. Для ответа вам дается три минуты. После этого начнется «сеанс», из которого вы не выйдете живым.

— Я тоже умею быть чрезвычайно неприятным, — отвечаю я. — Позвоните в Берлин, в институт имени кайзера Вильгельма. Меня просили сотрудничать в нем, дабы бомбы перестали падать на немецкие города. Любой ущерб, причиненный мне, поведет к серьезнейшим неприятностям для вас самих. Как только я прибуду в институт кайзера

Вильгельма, я свяжусь с вашим начальником адмиралом Канарисом (оба подпрыгивают, я записываю себе очко). А теперь — идите звонить!..

Они выходят. Я остаюсь под присмотром секретарши, которая явно нервничает и самым устрашающим образом поигрывает револьвером.

Кто его знает, вдруг он заряжен?

— Дорогая фрейлейн, — говорю я. — Загляните в мое личное дело, которое лежит перед вами. Вы увидите, что я обвиняюсь во всех преступлениях, какие только существуют… за исключением изнасилования!

Она немедленно успокаивается.

Входят парни Канариса, и мне ясно, что разговор с Берлином произвел на них сильнейшее впечатление.

— Герр профессор!.. — говорит один.

Я никогда не был профессором — моя докторская диссертация осталась не защищенной. Однако эти знаки почтения мне очень нравятся; они свидетельствуют о том, что обстановка изменилась.

— Герр профессор, мы хотим иметь с вами маленькую дружескую беседу, ничего больше…

Начинается допрос, который ведется очень умело. Они знают много, чересчур много… Но я не падаю духом. Как только я выйду отсюда, любым способом передам на волю сообщение о шпионской группе в районе Глазго [51].

Допрашивающие чрезвычайно интересуются коммунистами. Сочиняю, что в нашей сети был особый «антикоммунистический сектор», которым как раз и руководил Октав. Если Октав попадется, мои показания могут послужить ему на пользу.

Ясно, что допрашивающие крайне заинтересованы и Октавом и нашей подпольной группой вообще. Основная идея — в создании «игры» («дас Шпиль»). Так они именуют захват «Централи». Да, у них выработан хитрый план — фальшивая информация противника от имени нашей разгромленной организации.

Об оружии «фау» я сам боюсь заикнуться. Неожиданно один из них, без всякого почтения отозвавшись о Гитлере, высказывается относительно «этой чепухи, этого дурацкого секретного оружия, в которое никто не верит».

По-видимому, это и есть та «баланда», которую они собираются всучить Лондону через посредство Октава или как-нибудь иначе, если удастся овладеть передатчиком.

Объясняю им, что у меня нет решительно никакой возможности связаться с Октавом. Даже если меня выпустят на волю, и я найду Октава — он застрелит меня, тем дело и кончится.

(Это похоже на правду, в форте Монлюк об этом еще будет разговор).

4 января 1944

Новое собеседование.

Эти люди умны и ловки, знают свое дело. Они стараются уяснить себе моральное состояние борцов Сопротивления и разыскивают щелочку, в которую можно проникнуть. Разговор о нереальности секретного оружия возобновляется вскользь, но ежедневно.

Когда я завожу речь о бомбардировках Германии, парни Канариса немедленно заявляют, что долготерпение немецкого народа имеет свои границы…

Их сведения о наших подпольных группах слагаются из тех улик, что были захвачены при нашем аресте, и отрывочных сведений, полученных в результате болтливости людей в Лондоне.

Абверовцы любезно показали мне копию показаний Сен-Гаста. Они сформулированы весьма умно: Сен-Гаст ничего не раскрыл нового, запутал следствие, а все очевидное взял на себя. Подписывая свои показания, он скрепил свой собственный смертный приговор, но и только. Я спросил их, где находится сейчас Сен-Гаст, но ответа не получил.

Появились гестаповцы — просто для того, чтобы оформить передачу моего дела в руки абвера.

Что ж, постараемся последовать примеру Сен-Гаста: «Прочел, показания подтверждаю, в чем и подписываюсь!..»

5 января 1944

Тюрьма битком набита новенькими «зуганами».

Лионское Сопротивление осуществило великолепную операцию: во всех городских газетных киосках последний номер журнала «Новеллист» был подменен подпольно отпечатанным изданием. Несколько экземпляров этого уникального «печатного органа» дошли и до нас. Он весьма тщательно составлен: есть даже извещение о том, в каких кино пойдут какие фильмы в День освобождения. Среди них значится чаплинский «Диктатор».

На обложке надпись: «Отпечатано в дни оккупации силами объединенных организаций Сопротивления».

Поистине сенсационная победа!

6 января 1944

Мои соседи по соломенной подстилке отправлены с вещами в неизвестном направлении. Их заменили мальчишка-скаут из Безье, кюре из Клюни и несколько почтальонов из того же города.

Скоро придет мой черед. Назначение — «Ночь и туман» [52].

Я сам видел такую пометку на своем личном деле.

…В этот же день Октав, полностью включившись во все виды подпольной деятельности, возобновил работу группы по саботажу, незадолго до того созданной Верном.

Первым заданием было систематическое уничтожение площадок для запуска. Уже через несколько недель результаты этой работы стали реально ощущаться, как и результаты «операции Арбалет».

Однако почить на лаврах было бы преждевременно: в феврале 1944 Октав вынужден был известить Лондон о том, что немцы успешно провели испытания по

запуску самолетов-снарядов «фау-1» с летящих бомбардировщиков.

Этот сигнал всполошил лондонскую противовоздушную оборону, и она принялась действовать всерьез.

Примерно тогда же адмирал Канарис распорядился отправить Верна в лагерь возле Компьеня, где происходила сортировка заключенных, и там ждать окончательного решения.

Одновременно он издал строжайший приказ — бросить все силы на розыски новой «Централи» Марко Поло, которая якобы возобновила свою деятельность. О том, что группа теперь носит новое название «Промонтуар», Канарис не знал.

В феврале 1944 года борьба стала походить на настоящую дуэль. С одной стороны выступал один из опытнейших мастеров разведки, поддержанный могучей специальной машиной и всеми германскими вооруженными силами. С другой — начинающий любитель Октав. Правда, у него был бесценный помощник — подполковник Мишель А.

Кроме того, любитель опирался на кучку проверенных людей, прошедших суровую школу и готовых на все. Он был любителем, но не был новичком и отчетливо представлял себе колоссальную важность своей работы.

С первых месяцев 1944 года и вплоть до освобождения организация «Высокий мыс» успешно решала сложнейшие задачи. Впрочем, это же можно сказать и о прочих уцелевших группах подпольного Сопротивления.

Я повторяю, что эта книга — отнюдь не история подпольной организации Марко Поло — «Высокий мыс».

После освобождения в ней числилось около девятисот штатных агентов, получивших задним числом воинские удостоверения. У любого из них хватило бы рассказов на несколько толстых томов.

Мы будем со всей возможной строгостью ограничивать свое повествование темой борьбы против оружия «фау», но она неразрывно связана с общей борьбой нашей группы против немецких специальных органов.

Несмотря на все усилия немецкой контрразведки и французов предателей, сведения в Лондон передавались регулярно как посылками, так и радиограммами по многим тайным передатчикам.

Радиостанции были у нас теперь почти в каждом департаменте. Они передавали драгоценную информацию, разрешавшую в массовом масштабе совершать воздушные нападения на пусковые площадки.

Одновременно с этим продолжалось сопротивление пленников. Продолжение дневника Верна

15 февраля 1944

Вот я и в Компьене. По сравнению с тюрьмой гестапо здесь земной рай. Приличное обращение, недурное питание, газеты и письма, посылки Красного Креста.

Встретил товарищей: Бальбо (он же Поль Пелле, брат Октава), Виньяля (начальника группы электроники), Ара (бывшего связного нашей «Централи») и других.

Группа создана вновь, она крепка и работает.

Никто не слышал, что с Сен-Гастом, по-видимому, его здесь не было.

Организация Сопротивления в лагере стоит на высоком уровне, даже печатаются листовки на ронеографе.

Охрана не слишком жесткая, стоит подумать о бегстве.

Обо всем этом передал подробное донесение на волю.

18 февраля 1944

Около десяти часов утра являются двое эсэсовцев, забирают меня и уводят из лагеря. Вскоре мы оказываемся в городе Компьене, на какой-то частной квартире.

Меня встречают три молодых человека в штатском.

— Мы все трое — физики [53]. Можете говорить свободно, здесь нет ни гестаповцев, ни микрофонов. Мы предлагаем вам проводить исследования над электромагнитным методом обнаружения летящих самолетов. Это может спасти множество человеческих жизней. Мы читали вашу докладную записку, которую вы подавали в Министерство вооружений в 1940 году…

Я в душе возмущаюсь: неужели нельзя было своевременно уничтожить архивы?

— В вашей докладной были интересные мысли. Как вам нравится наше предложение?

— У меня есть к вам контрпредложение. Если я буду назначен в институт кайзера Вильгельма и смогу работать вместе с профессором Манфредом фон Арденном, я гарантирую вам жизнь и проезд в Канаду после победы союзников. На этот случай у меня есть полномочия. Это — лучшее, что вы можете сделать. Приняв мое предложение, вы сохраните свои жизни и сможете отдать их делу восстановления Германии. Идет?

Они сначала подпрыгивают, затем, подумав, принимают мое предложение.

Меня немедленно отпускают, я иду один по улицам Компьена, и похоже, что никто не следит за мной. Этот вариант был предусмотрен лагерным Советом Сопротивления и было решено — ни в коем случае не бежать, а ехать в Германию. Там, в Берлине, получив в свое распоряжение электронную лабораторию и восстановив кое-какие старые связи, можно совершить немало полезного.

Возвращаюсь в лагерь и предъявляю при входе свою бляху заключенного. Часовые стоят, разиня рот. Вызывают коменданта лагеря. Объясняю ему, что уговорился обо всем с господами из Берлина и прохожу в свой барак, оставив собеседника в полном недоумении.

Хорошо, что лагерный Совет Сопротивления предвидел такой исход и теперь присмотрит за моей безопасностью.

Мы прокладываем туннели — стенки обладают странным свойством: они частенько обваливаются на предателей…

22 февраля 1944

Ничего нового.

27 февраля 1944

Лагерная разведка сообщила тревожные вести: мои «физики» за превышение полномочий отправлены на русский фронт, а меня ждет примерное наказание.

4 марта 1944

Я покидаю Компьен. Назначение — концлагерь Нейе Бремме, о котором никто не знает ничего определенного.

Эсэсовцы говорят, усмехаясь, что жизнь там будет для меня значительно хуже смерти.

7 марта 1944

Прибытие в Нейе Бремме. По-видимому, это и есть «пустая страна» Томаса С. Эллиота:

В Пустой Стране — последняя земля,

Последний слог какой-то страшной сказки,

И стены, точно каменные маски,

Хихикают, губами шевеля…

Квадрат в сто метров на сто, обнесенный густой сетью колючей проволоки. Внутри стоят несколько бараков и бродят живые скелеты, мужчины и женщины. Запах застарелой смерти и ужаса.

Скелеты (которые совсем недавно были живыми людьми) сообщают мне, что в Нейе Бремме никто не может протянуть дольше пятнадцати дней.

В среднем здесь живут не более недели.

Начальник лагеря сообщил мне, что специальный режим, к которому я приговорен, начнется с завтрашнего дня. Итак, вот и конец моего пути… Подумать только, что не начни я хитрить с физиками в Компьене, я отделался бы простым залпом в грудь!.. Всего одна секунда…

8 марта 1944

Впервые в жизни я усомнился в четкости работы своего мозга.

Субъективно память говорит, что мне привязали на спину крест, примерно втрое тяжелее меня самого, и что с этим грузом я целый день ходил вокруг маленького бассейна, вырытого в центре лагеря.

Объективно это, разумеется, совершенно невозможно [54].

Тем не менее, я не умер, и нет никакой уверенности в том, что меня можно убить только такими методами.

А приказа о моем расстреле они не получали.

9 марта 1944

Сегодня они бросили меня в бассейн. Когда я высовывал голову, чтобы глотнуть воздуха, меня били железной палкой по черепу. Теоретически я давно мертв. Мертв и Поль Колетт, приговоренный к тому же специальному режиму за то, что он стрелял в Лаваля и Дэа. Тем не менее мы оба живы. Кругом ежедневно умирают. Если я выживу — а невозможного на свете нет, — то счеты со здешним персоналом будут сведены без всякого милосердия [55].

Меня вытащили из бассейна и поставили под обжигающий душ, а затем окатили несколькими ведрами ледяной воды.

Начальник лагеря поспорил на бутылку шнапса, что до конца недели я не дотяну.

15 марта 1944

Все еще жив. Несколько человек было забито до смерти сегодня. Их заставляли прыгать через веревочку. Это были забастовавшие рабочие обувной фабрики в городе Роман, на Дроме.

Поль Колетт тоже жив.

16 марта 1944

Сен-Гаст жив! Он был здесь проездом, его переправили в Австрию, в лагерь Маутхаузен. Это придало мне бодрости, а бутылку шнапса начальник лагеря проиграл.

Сегодня эсэсовцы расстреляли двадцать человек русских.

17 марта 1944

Все еще жив, хотя это совершенно невероятно. Для того чтобы покончить со мной, достаточно было бы голода и жажды. Я вешу не более сорока килограммов, все законы сохранения энергии кажутся мне насильственно разрушенными. Меня тоже заставляли прыгать через веревочку и влезать на столб. В обычное время я на такие подвиги абсолютно неспособен. Я часто думал о феноменальных голодовках индийских йогов. Кто занимался их научной проверкой?

У нас ежедневно умирают два или три человека, остальные живут. А ведь это теоретически невозможно, ибо наш дневной рацион питания не содержит и пятисот калорий.

18 марта 1944

Приехал произвести осмотр лагеря начальник гестапо из Страсбурга. Войдя, он побелел, его вырвало и он поспешно ретировался. Видимо, человек нежного воспитания.

Сегодня расстреляно десять женщин [56].

Воздушная тревога, несколько бомб падают неподалеку. Всеобщее сожаление, что ни одна не попала в лагерь. Дело что-то затягивается.

19 марта 1944

Среди нас есть священник-немец, арестованный за то, что произнес проповедь против войны. Он утверждает, что среди чудес, описываемых христианской религией, встречаются примеры ненормальной живучести, вроде той, что обнаружилась у меня и Поля Колетта. Если эти случаи были бы достоверны, основы физиологии потребовали бы строгого пересмотра.

20 марта 1944

Начальник лагеря проиграл еще одну бутылку шнапса.

21 марта 1944

Меня отправляют в Маутхаузен!

Жизнь сильнее всего, что можно было вообразить, она неистребима. Против ее невероятного упорства бессильны любые пытки.

Тем временем успехи группы Промонтуар непрерывно возрастали. По просьбе секретной службы РАФ [57] сотрудник этой группы раздобыл в Вене комплект чертежей нового германского реактивного истребителя. Руководство РАФ ответило на это поздравительной

радиограммой в адрес группы.

Приближался день высадки союзников, и наши отряды боевой разведки активизировали свою деятельность. Они подготовились к долгожданному дню. Метод уничтожения пусковых площадок «фау» был разработан настолько, что стал классическим. Они взлетали на воздух постоянно, их взрывали методически и безжалостно.

5 июня Би-би-си передала в эфир условную фразу, извещающую о начале вторжения. Немцы не успели полностью развернуть нападение при помощи оружия «фау». Вторая решающая битва против «фау» была выиграна, и в этом — немалая заслуга Октава. Мишеля, всех участников нашей организации и других помогавших ей групп.

Оставалось информировать верховное командование союзников о мерах борьбы с тактическим применением оружия «фау». Для этого надо было точно установить размещение пусковых площадок «фау-1», кроме тех, что находились на северном побережье Франции. Также важно было следить за движением поездов, составленных из цистерн, в которых везли компоненты, необходимые для запуска «фау-2». Иногда эти компоненты доставлялись не по железной дороге, а караванами специальных грузовых автомашин.

Надо сказать, что наша деятельность не стала легче после вторжения. Скорее даже наоборот. Для движения Сопротивления настала страдная пора. В июне, июле и августе 1944 года внутри страны поддерживать связь было почти невозможно. Во Франции не ходили поезда, автомобили попадались редко и контролировались весьма строго, бензин нельзя было достать ни за какие деньги.

Тем не менее, группа Промонтуар, как и все прочие организации Сопротивления (а их в то время насчитывалось свыше ста), прилагала все усилия для того, чтобы держать Лондон в курсе всех дел. Регулярно сообщались все новости и о местоположении прежних пусковых площадок, и об установке новых. Иногда удавалось даже сопровождать эти известия фотоснимками.

Эта работа была очень сложной и стоила множества человеческих жизней, но не будь она проделана — повторные «операции Арбалет» (прицельные бомбардировки пусковых площадок), вероятно, не имели бы успеха.

Для того чтобы рассказать об усилиях всех групп Сопротивления в дни великой битвы за Францию, не хватило бы и десяти книг, подобных этой.

Все разведывательные данные, полученные в ходе великой битвы, должны были прежде всего сконцентрироваться в руках ответственного руководителя. Лишь тогда этот материал мог принять форму зашифрованного послания или радиограммы и попасть к человеку, непосредственно ведущему радиопередачи. Иногда такая радиостанция помещалась в сотнях километров от места, где известие было получено.

По дороге агент связи мог быть убит, попасть под бомбу, мог быть расстрелян немцами, а то и своими товарищами по Сопротивлению; трагические ошибки такого рода были отнюдь не редкими. Кроме того, агент должен был правильно разбираться в разнице между «фау-1» и «фау-2», не путать их с ракетами, применявшимися ПВО.

Такое огромное усилие могло быть лишь благодаря поистине всенародной помощи. Битва, развернувшаяся летом 1944 года, не была уделом одной группы или множества групп.

Ее вел народ, вела вся поднявшаяся страна.

10. День «Жи» [58]

Бог удачливых начинаний

Благосклонен к моим трудам,

К отправляемым мною грузам

И водимым мной кораблям.

Редиард Киплинг. «Песнь о Диэго Вальдесе, Верховном Адмирале».

Снова Пьер Монроз покинул свою подводную лодку и спрыгнул с парашютом над Францией. Долгожданное вторжение наконец-то свершилось.

Пьер съел свой первый французский обед в маленьком кафе неподалеку от Лиможа. Кричало радио скрежещущим голосом Филиппа Анрио, понося и оскорбляя Сопротивление. Предатель уверял, что силы вторжения будут сметены в море, а секретное оружие фюрера вступит в строй и вскоре решит исход войны в пользу Германии.

Анрио не знал, что все пусковые площадки засечены и подавляющее их большинство выведено из строя; четыре тысячи бомбовозов долбили их днем и ночью. Если бы действия союзной авиации все время продолжались с той же интенсивностью, можно было бы вообще помешать применению оружия «фау» в войне. К сожалению, интенсивность эта порой ослабевала. И все же работа бомбардировочной авиации принесла плоды: лишь четвертая часть всех пусковых площадок могла быть использована для первого удара. Оружие «фау» выступило на мировую арену не только с меньшим радиусом действия, но и с опозданием на целую неделю после высадки союзников. Немцы смогли применить «фау» не раньше 13 июня. Эта задержка бесспорно сказалась на моральном состоянии немецкой армии.

Немцы попытались восстановить равновесие, обстреливая английское побережье в районе Фолкстона из сверхдальнобойного орудия, но никакого стратегического эффекта это не дало. Второе сверхдальнобойное орудие обстреливало Мэйдстон, чтобы отвлечь внимание союзников от основных объектов. А пока они лихорадочно готовились к тому, чтобы привести в действие установки «фау». Радиопередатчики наших отрядов боевой разведки (ОБР) ежедневно и ежечасно предупреждали о начале этой атаки.

Впрочем, германское общественное мнение давно уже настойчиво требовало ввести в бой новое оружие. Это должно было быть осуществлено любой ценой. Немцам обещали чудесное оружие, «ди Вундерваффе». Вопрос «Wo bleibt Wuwa?» стал слышаться повсеместно, откладывать дольше было невозможно.

У Канариса хватило мужества заговорить об этом с Гитлером. Адмирал предупредил фюрера, что немедленные действия необходимы.

Слова Канариса были встречены ледяным презрением. Гитлер напомнил ему, что никакого официального поста адмирал больше не занимает. Затем он добавил, что силы союзников будут легко сброшены в море танковой армией фельдмаршала Роммеля. По поводу секретного оружия Гитлер заявил, что оно будет пущено в день и час, предназначенные для этого астрологами, и ни на одну минуту раньше.

Фюрер закончил беседу утверждением, что мистические силы на его стороне и в самом крайнем случае он всегда сможет договориться о прекращении военных действий с Россией [59].

Выслушав все эти бредни, Канарис понял, что лишь устранением Гитлера от власти можно «спасти Германию». Он немедленно начал подготовку покушения на фюрера, состоявшегося 20 июля, и одновременно начал писать декларацию о недостатках национал-социалистского режима. 23 июля, при аресте адмирала, была захвачена и декларация, после чего она попала в несгораемые шкафы гестапо в Берлине, на Принц-Альбертштрассе, 8.

В мае 1945 года, в последние дни империи, этот документ и два микрофильма были извлечены из сейфа и спрятаны заинтересованными лицами. Союзники обнаружить его не могли.

Если когда-нибудь эта «декларация» будет найдена — расшифруются многие тайны, в том числе и некоторые неясные места нашего рассказа.

От 7 до 13 июня как в воздухе, так и на земле противники занимались размещением боевых порядков, готовясь к предстоящим сражениям.

Несмотря на некоторое сопротивление военных экспертов, в Англии был создан «Комитет защиты против особого оружия», в состав которого вошли:

Председатель — м-р Данкэн Сэндис, член палаты общин.

Представитель истребительной авиации — маршал авиации сэр Родерик Хилл.

От противовоздушной обороны — генерал сэр Фредерик Пайл.

От управления аэростатных заграждений — вице-маршал авиации сэр В. С. С. Джелл.

Комитет располагал приблизительно 1800 орудиями ПВО, почти двумя тысячами аэростатов заграждения и персоналом в 60000 человек.

Всей сети наблюдателей, как военных, так и штатских, было приказано при появлении нового оружия передавать по телефону условное обозначение «водолаз».

К счастью для союзников, Англия тоже обладала опаснейшим новым оружием. Это была изготовленная в Соединенных Штатах противовоздушная ракета ближнего действия.

Радарное приспособление, вмонтированное в боевую головку снаряда, заставляло его взрываться без соприкосновения с целью. Ракета ближнего действия — настоящее чудо технической точности. Она использует наведенные электрические токи, как бы «читающие» карту благодаря чернилам особой электропроводимости.

Позднее сэр Родерик Хилл напечатал на эту тему несколько статей в специальных журналах.

В этих статьях указывается, что в начале декабря 1943 года он получил от главнокомандующего союзными военно-воздушными силами документ, в котором были собраны решительно все поступившие в ту пору сведения о новом немецком оружии «фау».

Все цифровые и прочие данные свидетельствуют о том, что в основу этого документа положен подробный рапорт, отправленный в Лондон Эльброннером, Эшкенази и Верном в ноябре 1942 года еще до создания группы Марко Поло.

Донесение «добиралось» до человека, которому была доверена воздушная оборона Лондона, свыше года. Как это могло произойти? Совершенно непостижимо! Видимо, сюда опять

вмешались господа эксперты, эти апостолы недоверия. Сообщения Октава и его тревожные радиограммы дошли до защитников английской столицы в то время, когда нападение при помощи оружия «фау» уже свершилось! [60]

К счастью, не весь английский военный кабинет был заражен неумеренным скептицизмом. РАФ получила приказ немедленно сбросить 100000 фугасных бомб на пусковые устройства «фау».

В частности, было дано распоряжение беспощадно разгромить с воздуха автомобильные заводы «Фольксваген»; согласно донесениям Октава, переданным по радио в мае 1944 года, многие детали самолетов-снарядов изготовлялись именно там.

Несмотря на серьезность угрозы, было решено от эвакуации Лондона воздержаться. Тем не менее в своей речи, произнесенной 6 июля 1944 года, Уинстон Черчилль рекомендовал покинуть Лондон всем тем, кто имел эту возможность. Такое противоречие отнюдь не упростило положения. Вряд ли эвакуация Лондона, совпадающая по времени с вторжением на континент, могла бы облегчить защиту столицы Англии. Вернее будет предположить, что массовые переселения дезорганизовали бы транспорт и лишь затруднили бы операции по созданию второго фронта.

Учитывая душевный склад и характер Гитлера, можно было сказать с уверенностью, что основной удар немцев будет направлен на Лондон, а не на приморские города Англии, обеспечивающие снабжение второго фронта.

10 июня Октав передал через радиостанцию города Тур (работавшую под зашифрованным названием «Баобаб») донесение, в котором это предположение полностью подтверждалось.

Массовая эвакуация из Лондона стариков, женщин и детей должна была, на наш взгляд, начаться немедленно после получения союзниками этого известия. Однако все оставалось по-прежнему.

Октав повторил свое донесение — оно было перехвачено и, по-видимому, расшифровано секретными службами противника. По всей вероятности, именно тогда и была обнаружена наша подпольная радиостанция в Туре. Она была разрушена, а сам Октав арестован.

Необходимые меры по донесениям Октава так и не были приняты [61].

Группа Промонтуар сообщала с достоверностью, что самолеты-снаряды летают на небольшой высоте, порядка 800–1000 метров.

Это делало их неуязвимыми для зенитной артиллерии, огонь которой был рассчитан на несравненно большую высоту. Однако и этим ценнейшим указанием в Лондоне полностью пренебрегли.

Когда началась «битва «фау», англичанам пришлось срочно изобретать особые подвижные платформы для зенитной артиллерии.

Что касается «фау-2», то в существование этого оружия тогда в Англии не верил еще решительно никто.

11. Рушится вторая централь

Не на поле воинской чести,

Не на площади средь толпы

Он отвел от жестокой мести

Занесенную руку Судьбы…

Редиард Киплинг.

Один лишь Рене Пелле, он же Октав мог бы написать эту главу так, чтобы в ней не было никаких неясностей.

Его таинственная смерть превращает ее в серию неразрешимых загадок. Для того чтобы подойти к истине возможно ближе, мы решили не делать никаких предположений. Скажем только, что тайна Рене Пелле и тайна Канариса связаны сложным узлом, который даст историку будущего возможность написать объемистый научный труд под заглавием: «Загадки второй мировой войны».

Пока можно лишь надеяться, что когда-нибудь новый свет прольется на обе взаимосвязанные тайны и разъяснит их нам.

Пока что ограничимся передачей фактов.

Вторая «Централь», организованная Октавом неподалеку от Лиона, развернула активную деятельность в первые месяцы 1944 года.

Как только союзники вторглись на европейский континент, роль организации Промонтуар значительно возросла. Она возросла еще более после прорыва союзных войск в районе Авранша. Большею число отдельных сражающихся звеньев оказалось в подчинении у группы Промонтуар.

25 июля 1944 года немцам удалось уничтожить одну из таких групп — «Централь Баобаб» в городе Туре.

Случайно там оказался Рене Пелле, и его арест повлек за собой крушение второй лионской «Централи».

Однако деятельность организации на этом не прекратилась. Мишель принял командование, и группа Промонтуар продолжала свою повседневную работу, несмотря на тяжелые потери.

В это же время разыгрывалась другая драма. После того, как покушение на Гитлера 20 июля сорвалось, позиция адмирала Канариса стала еще более неустойчивой — он сам отчетливо сознавал это. Официально он был отстранен от должности еще в январе, но продолжал оставаться возле фюрера на правах человека, который много знает.

Функции абвера без Канариса были сильно сужены; абвер теперь отвечал лишь за внешнюю безопасность германского государства; все прочие обязанности перешли в руки гестапо.

Оно-то и взяло Канариса под стражу 23 июля, через три дня после покушения на Гитлера. Арестованный был привезен на Принц-Альбертштрассе, 8, в особый отдел гестапо. Там он был подвергнут допросу со строжайшим применением «третьей степени», то есть пытки.

Канарис категорически отказался признать свое участие в заговоре, но не отрицал, что по ряду соображений ему следовало бы быть в числе заговорщиков. Он клялся в преданности

Гитлеру и перечислял дела, от которых, по его словам, зависело дальнейшее существование райха.

Среди этих важнейших дел он называл:

защиту производства оружия «фау», продолжение дела Марко Поло — Блинденхейм; проведение операции «Пасхальное яичко».

Получается, что дело Канариса и дело Рене Пелле каким-то образом переплетаются.

Однако существо всего этого для нас остается совершенно неясным.

Есть сведения, что немцы многократно предлагали Пелле работать с ними, но наш товарищ отклонял эти предложения. Мы знаем также, что среди бела дня был организован специальный налет английской авиации на тюрьму гестапо. Тюрьма была разрушена, но Канарис, там находившийся, остался жив.

После налета бывшего адмирала перевели в концлагерь Флоссенбург, который слыл вторым по жестокости лагерем уничтожения после Нейе Бремме. Там Канариса допрашивали и пытали; после каждого такого «сеанса» среди французских подпольных групп возникали новые потери.

Около 15 августа в бывшей квартире Канариса произвели повторный и еще более тщательный обыск. При этом удалось обнаружить записную книжку Канариса. Содержание ее оказалось таково, что книжку немедленно сожгли. Мы можем, однако, утверждать, что предварительно она была переснята на микропленку.

Копия этой микропленки рано или поздно будет обнаружена, и тогда нам многое станет известно. До тех же пор мы видим события как бы сквозь «закопченное стекло».

23 августа начинаются убийства «имени Сен-Жени и Лаваля». Покидая Лион, гестаповцы проводят поголовное истребление всех заключенных в форте Монлюк.

Расстрелы еще продолжаются, когда к форту подходит немецкая военная автомашина. Из нее высаживают группу заключенных, среди них — Рене Пелле. Его отделяют от шеренги и уводят в неизвестном направлении.

Через несколько дней после освобождения Лиона тело Рене Пелле находят в водах Роны.

Можно предположить, что освобожденный абвером Пелле был вновь схвачен и тайно уничтожен гестаповцами. Однако лишь опубликование всех досье «дела Блинденхейм» позволит узнать правду до конца.

Предпринятая абвером попытка освободить Пелле показывает, что и после ареста Канариса его приверженцы оставались в абвере на своих постах.

Страшная голгофа самого Канариса продолжалась до 9 апреля 1945 года. После краха операции «Пасхальное яичко» положение Канариса еще ухудшилось, а 9 апреля 1945 года конвоиры удушили его струной от рояля.

В эти же дни один из филиалов Маутхаузена, лагерь Амштеттен, подвергся бомбардировке, во время которой погибла Маргарита Пелле.

До сих пор продолжают всплывать на поверхность новые документы, по которым можно судить о различных ответвлениях «дела Пелле».

Благодаря любезности г-на Блок-Моранжа, директора Бюро информации и конъюнктуры, мы

имеем возможность привести здесь документ бесспорной важности:

ДВОЙНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ КАНАРИСА

Документ № 1

Этот документ датирован 15 марта 1944 года. Он представляет собой конфиденциальное распоряжение германского ОКБ (верховного командования вооруженными силами) и предназначается для всех работников секретных служб абвера, ведающих заграничными операциями.

«В ходе конференции, состоявшейся сего числа, на которой присутствовали представители министерства иностранных дел, министерства обороны и службы безопасности, были приняты нижеследующие решения, имеющие целью оживить и активизировать нашу зарубежную агентуру:

1. Три вышеназванных ведомства должны работать в наитеснейшем контакте, дабы использовать во всех нейтральных и враждебных странах все политические и психологические средства, могущие поддержать военные усилия Германии.

2. Действовать надлежит, преследуя задачу: помешать врагам разрушить Германию как в плане чисто военном, так и в плане экономическом или культурном.

Мы немедленно начнем применять новые директивы, разработанные нашими политическими руководителями. Необходимо создать в стране наших противников обстановку недоверия и взаимных подозрений. Лишь достигнув этой цели, мы можем вести раздельную политику на каждом фронте. До сих пор подобные попытки оканчивались неудачей из-за непримиримой ненависти, питаемой к Германии Рузвельтом и Черчиллем. Это не означает, однако, что в будущем, при иных обстоятельствах, этот противоестественный единый фронт наших врагов не может быть расколот. Поражение Рузвельта на предстоящих выборах будет в этом аспекте событием чрезвычайной важности.

Наивысшие политические и многие военные руководители полагают, что какие-либо переговоры с Советским Союзом совершенно бесперспективны. Но надо внушить англосаксам, что Германия готова заключить тайный договор с Советским Союзом. Надо внушить русским, что Германия уже ведет с англосаксами переговоры о сепаратном мире. Один из наших противников может заколебаться и, опасаясь худшего, начать с нами переговоры на самом деле.

Все вместе создаст некоторые надежды на заключение сепаратного мира с Западом, который в настоящей ситуации является для нас наилучшим исходом. Наши шансы увеличатся, если мы сумеем, используя тайные пути и психологические моменты, убедить влиятельных людей Запада в том, что рузвельтовское требование «безоговорочной капитуляции» неизбежно создаст в Германии обстановку неуверенности и отчаяния, которой немедленно воспользуются коммунисты.

Соединенные Штаты боятся коммунизма. Наши надежды на спасение Германии станут превосходными в тот день, когда мы сможем убедить некоторые круги в Вашингтоне в том, что, доверяя России, Рузвельт совершает самую трагическую ошибку на протяжении всей истории Соединенных Штатов [62].

У нас есть все возможности для проведения этого важнейшего мероприятия. Мы имеем в Соединенных Штатах немало агентов, расположенных весьма удачно. Частично можно рассчитывать и на германо-американский союз, ныне распущенный в связи с разнузданной кампанией ненависти к Германии, проводимой Рузвельтом и окружающими его евреями. Мы можем, однако, надеяться, что обстоятельства изменятся к лучшему. Если в результате

предстоящих выборов к власти придет республиканская партия, наше влияние в Соединенных Штатах резко возрастет.

Агентура, которую мы содержим за границей, должна использовать все возможности для того, чтобы противопоставить нашу пропаганду рузвельтовской».

Подписано: Канарис.

Документ № 2

В июне 1945 года англо-американцы обнаружили несколько брошенных грузовиков, в кузовах которых находились ящики и свернутые в трубки бумажные листы. Оказалось, что это были архивы самых высоких учреждений нацистского райха.

Среди прочего там были найдены досье фленсбургского правительства гросс-адмирала Деница.

По мнению экспертов, один из документов был составлен Канарисом до его ареста гестаповцами. Фотокопии этого документа разошлись среди союзников, и ни одна канцелярия не может юридически подтвердить его подлинности.

Составлена эта бумага коротко, но чрезвычайно выразительно. Она представляет особый интерес именно сейчас, в 1954 году [63].

Об обеспечении мира в Европе

1. Германский народ должен быть полностью освобожден от оккупации и каких-либо ограничений его свободы.

2. Изгнанники должны быть возвращены на родину с сохранением за ними всех прав и преимуществ.

3. Все произвольные акты, составленные врагами и ущемляющие законные права германского народа, должны быть отменены и аннулированы.

4. Должно быть признано право людей германской крови на объединение на расовой основе.

5. Должно быть создано объединение европейских стран на федеральном принципе.

6. Для всех народов должно быть признано право объединения по расовым признакам.

7. Все европейские богатства должны быть переданы в общее пользование (gemeinnutz).

8. Должен быть создан общеевропейский Трибунал Арбитража.

9. Должно быть признано право всех германских народов на добровольное слияние в интересах воссоздания Великого Германского Государства.

10. Должна быть официально признана общность интересов германского государства и районов Богемии и Моравии.

11. Должны быть даны официальные гарантии права на национальное самоопределение расовых групп.

12. Должно быть создано общеевропейское экономическое Содружество.

12. Марко Поло против Бранденбурга

«Каждый француз — контрразведчик в глубине души…»

(Определение крупного гестаповца, цитируемое Пьером Нор в его книге «Мои товарищи мертвы», том II).

Вероятно, все помнят тревогу, охватившую мир в декабре 1944 года. Фельдмаршал фон Рундштедт по приказу Гитлера, собрав воедино иссякающие германские резервы, предпринял последний отчаянный натиск на нескольких фронтах.

На короткий миг могло показаться, что военное счастье вновь стало на сторону Германии, как в 1940 году. Предатели, изгнанные из всех стран и собранные немцами в Зигмарингене, уже готовились к триумфальным возвращениям.

Сейчас можно сказать с уверенностью, что бешеная атака армий фон Рундштедта была лишь частью широко задуманного агрессивного плана немецкого командования. Как мы уже упоминали, план во всей широте носил шифрованное название «Пасхальное яичко».

Он был разработан еще Канарисом. Опального адмирала подвергли мучительным пыткам на допросах, но жизнь ему долгое время сохраняли. Объясняется это лишь тем, что для проведения операции «Пасхальное яичко» Канарис мог Гитлеру опять понадобиться.

В детально разработанный план, помимо чисто военных операций, входили и сопутствующие, имевшие не меньшее значение:

1. Множественные диверсии и убийства, в частности — убийство генерала Эйзенхауэра.

2. Широко развернутый саботаж, который во Франции должен был осуществляться тайной военной организацией, специально оставленной немцами во Франции при эвакуации. Эта организация носила шифрованное название «дивизия Бранденбург».

3. Мятеж коллаборационистов на юге Франции, обозначенный «Операция белые маки».

4. Выступление прогерманских элементов в Испании, в результате которого можно было бы организовать обстрел союзных тылов оружием «фау-1» и «фау-2».

5. Чисто военная инициатива фон Рундштедта.

Выполнение всех звеньев этого плана повлекло бы за собою, по предположениям германского командования, полное изгнание союзников с европейского континента не позднее пасхальной недели 1945 года. Отсюда и название самого плана.

Однако операция «Пасхальное яичко» провалилась. Теперь можно впервые подытожить причины, обусловившие ее крушение.

В этом крушении наша новая организация, широко развернувшая свою работу на базе прежней группы Марко Поло, сыграла весьма важную роль.

В предыдущей главе я упомянул, что северной зоне организации Марко Поло — Промонтуар, благодаря высокому классу конспирации, удалось остаться незатронутой той катастрофой, которая повлекла за собой гибель других «централей».

Под руководством подполковника Мишеля А. эта организация к маю 1944 года установила

важные контакты с германскими кругами в Париже. Ощущение приближающегося разгрома уже тяжело давило на психику немцев. Именно поэтому Мишелю удалось завязать связи на самых различных уровнях, в том числе и на таких, о каких не приходилось и мечтать.

К этому моменту коррупция среди парижских представителей «расы господ» достигла необычайных размеров.

Через посредство некоего прохвоста один немецкий унтер-офицер задумал дезертировать, дабы в «надвигающемся хаосе» спасти свою драгоценную жизнь.

При столь незначительном воинском звании этот унтер занимал важную должность: он был секретарем одного высшего германского офицера, руководившего операцией Бранденбург.

Благодаря этому унтеру группа Марко Поло еще задолго до высадки союзников оказалась осведомленной о серьезнейшей тайне. Об этой тайне немедленно сообщили в Лондон, но верховное командование союзников отнеслось к сообщению весьма прохладно… пока не началась контратака фон Рундштедта.

В период между освобождением Парижа и началом операции фон Рундштедта разыгралась трагикомическая история, несколько напоминающая игру в прятки.

Совершенно понятно, что не все получаемые нами сведения передавали в Лондон, часть их мы приберегали для французских разведывательных органов, когда они будут сформированы в освобожденном Париже.

Поэтому-то мы и решили спрятать беглеца и сохранить ему жизнь. Это было не так просто. Попадись он в руки немецких властей — его расстреляли бы в два счета. Немцы беспощадно карали дезертиров.

Но и боевые группы ФФИ тоже были не против того, чтобы прикончить немецкого военнослужащего. В этот момент французская тайная армия склонна была расстреливать врагов, порой даже без достаточной проверки.

Погоня за несчастным дезертиром могла бы стать сюжетом для авантюрных романов Эрика Эмблера или Дороти Хьюгс. И сам унтер, и документы «погибали» и «воскресали» по меньшей мере шесть раз.

К ноябрю 1944 года были собраны точные и неопровержимые данные о заговоре, организованном группой Отто Скорцени с целью убийства генерала Эйзенхауэра.

Сведения, добытые разведкой генерального штаба союзников, полностью подтверждались сообщениями, полученными ранее от группы Марко Поло — Промонтуар. Они касались как этого заговора, так и деятельности «дивизии Бранденбург».

Центр этой организации был обнаружен и разгромлен в городе Авиньоне, а ответвления мало-помалу продолжали извлекаться на свет божий.

Сейчас выглядит совершенно невероятным тот факт, что и после освобождения Франции находились французы, верившие в победу Гитлера и вместе с его людьми подготавливающие убийство генерала Эйзенхауэра.

Тем не менее, это было так. Странные истории происходили и впоследствии.

Когда автор этих строк опубликовал в газете «Фигаро» две статьи относительно острова Пеенемюнде, он начал получать множество писем, в которых неизвестные люди грозили ему смертью. Автор установил, что по крайней мере четверо предателей французской национальности в настоящее время живы и благоденствуют.

С тех пор вышло в свет немало «трудов», доказывающих необходимость и чуть ли не полезность сотрудничества с немцами в 1940–1944 годах. О письмах с угрозами в этих «трудах» ничего, разумеется, не говорится; ведь «труды» написаны гражданами, превыше всего чтящими мир и законность…

Раскрытие конспиративной группы «Бранденбург» имело еще одну важную сторону. Будь это разоблачение произведено не французской подпольной группой, а силами союзных разведок, доверие победителей к Франции было бы подорвано. Вместо Временного французского правительства, готовившего установление Четвертой Республики, нами управляла бы военная администрация союзников примерно так, как это произошло в Италии. У власти была бы поставлена организация типа АМГОТ [64].

Заговор «Бранденбург» развернулся в начале ноября 1944 года. Заговорщики были снабжены американским обмундированием, превосходно сфабрикованными удостоверениями американских военных корреспондентов, а также общевоинскими документами.

В игру вошли отборные авантюристы и головорезы из группы Скорцени, совсем недавно прославившиеся виртуозным похищением Муссолини.

Они же должны были установить на крышах нью-йоркских зданий усовершенствованные ультракоротковолновые радиомаяки, изобретенные профессором Манфредом фон Арденном.

Предполагалось, что эти маяки будут служить ориентиром для дальнобойных ракет типа АИО, более известных под названием «оружие фау-3».

По плану «Пасхальное яичко», немедленно после убийства Эйзенхауэра должно было развернуться контрнаступление фон Рундштедта и одновременно с ним проектировался удар по Нью-Йорку ракетами дальнего действия.

На этот раз предупреждение, исходившее от группы Марко Поло, приняли во внимание немедленно.

Вся сеть американских секретных служб была приведена в движение. Охрану генерала Эйзенхауэра резко усилили, американские агенты наводнили всю Францию.

Одному из них довелось увидеть на улице города Реймса американского офицера, который никак не мог распечатать пачку американских сигарет. К сведению некурящих сообщаю, что американские сигареты открываются лишь после того, как снята лента из прозрачного целлофана, опоясывающая пачку.

Агенту американской военной разведки показалось удивительным, что офицер-курильщик не может справиться с сигаретами мгновенно, рефлекторным движением.

Подчеркиваем: это был агент военной разведки, а не агент ФБР, как об этом пишут в романах и что стараются доказать авантюрные фильмы Лемми Кэшена. Агентов ФБР на территорию Франции не забрасывали.

Так или иначе, подозрительный офицер был немедленно задержан и довольно скоро сделал ценнейшие признания.

Сразу же после этого развернулась удивительная «Операция Тарзан». Как всегда бывает с необыкновенными историями, она впоследствии обросла легендарными подробностями. По вполне понятным причинам американские власти никогда не публиковали официальных отчетов об этой операции. То, что мы здесь расскажем, в достаточной степени

неправдоподобно, но нам уже не раз приходилось напоминать, что действительность часто опережает самые смелые вымыслы.

«Операция Тарзан» заключалась в широчайшей, поистине массовой проверке американских военнослужащих.

Специальные патрули останавливали на дорогах Франции, Бельгии и Люксембурга всех американских военных независимо от звания.

Вскоре выяснилось, что фальшивые бумаги, которыми располагала группа Скорцени, сделаны настолько безукоризненно, что проверка ни к чему не привела. В военных условиях невозможно наводить справки по телефону о десятках тысяч задержанных людей.

Тогда управление военной разведки США прибегло к составлению особой анкеты, отвечая на вопросы которой задержанные должны были обнаружить знание современного американского фольклора. У людей, одетых в форму американской армии, спрашивали:

«Кто такой Тарзан?»

«Кто такой Сапермэн?[65]»

«Какие комиксы вам известны?»

«Кто такие Бэйб Рут и Джо ди Маджио?»

«Что вы знаете о Харви, невидимом кролике?[66]» и т. д.

На этом вопроснике попались многие агенты Скорцени.

Правда, такая анкета чуть не погубила одного американского генерала, человека высокоинтеллигентного, который никогда не читал комиксов и не слышал ни о Тарзане, ни о Сапермэне…

Параллельно с этими событиями во Франции развертывалась основная операция. За дело взялись французская полиция и жандармерия. Группа Марко Поло предоставила в их распоряжение огромное количество проверенных сведений о людях, входивших в «дивизию Бранденбург». Было арестовано 1500 агентов и захвачено 48 подпольных радиостанций. Союзная контрразведка обнаружила на территории Франции около 800 тайных складов оружия, 200 — в Бельгии и 80 — в Голландии.

Выяснилось, что около двухсот диверсантов и саботажников, входивших в «дивизию Бранденбург», были снабжены подлинными документами «Сюртэ женераль» и внесены в списки, хранившиеся в полицейской префектуре Парижа…

Германская тайная организация была уничтожена полностью, поголовно. Событие было беспримерное: даже французское Сопротивление никогда не терпело столь сокрушительного разгрома от немцев.

Вскоре контрнаступление фон Рундштедта выдохлось.

Гитлер все поставил на последнюю карту и… проиграл.

Карта его оказалась битой.

Теперь Канарис больше не был нужен, — и это решило его судьбу.

Бывший начальник имперской военной разведки погиб в концлагере Флоссенбург.

13. Самолет-снаряд

«В час, назначенный Германией, над Англией завоют сирены, и не будет для нее отбоя, и не останется от Англии ничего…»

Заявление генерала Диттмара Жану-Герольду Паки (См. «Четыре процесса предателей»).

Самодвижущаяся бомба «фау-1» была бесспорной технической удачей. Эту удачу в какой-то степени затмило появление ракеты «фау-2», оружия более эффектного, но менее действенного.

Генерал Дорнбергер в своей книге «Секретное оружие острова Пеенемюнде» сравнительно мало говорит о «фау-1». Недавно появившееся американское исследование «The complete book of outer space» (Изд. Гном-Пресс) совершенно необоснованно трактует оружие «фау-1» как «малоудачный первый вариант оружия «фау-2».

Это неправильно, и мы считаем себя обязанными восстановить истину.

Вот факты.

Оружие «фау-1» — отнюдь не ракета. Оно не может двигаться в безвоздушном пространстве или при малой плотности атмосферы. Для межпланетных сообщений оно совершенно непригодно.

Однако как боевое оружие, производимое серийным способом и относительно недорогое, «фау-1» можно считать замечательным техническим достижением.

«Фау-1» представляет собой небольшой самолет с короткими крыльями, размах которых равен пяти метрам тридцати сантиметрам.

Длина корпуса — восемь метров сорок см; над ним проходит нечто вроде печной трубы с открывающимися вовнутрь клапанами, расположенными по всей длине трубы; это и есть приспособление, при помощи которого машина движется. Эту трубу инженеры назвали «пульсореактором».

Машина изготовлена почти полностью из стали, за исключением передней части фюзеляжа и рубки управления, которые выполнены из более легких сплавов.

Строго говоря, лишь одна движущая труба представляет собой техническую новинку.

Когда катапульта выбрасывает машину вверх, клапаны приоткрываются и впускают воздух, тут же смешивающийся с горючим, поступающим из резервуара. Горючая смесь зажигается от электрической искры.

Образуется огромное количество газа, который мгновенно заклинивает клапаны, устремляется назад, в открытое сопло, а аппарат идет вперед согласно законам реактивного движения.

Цикл повторяется сорок пять раз в секунду. Вся эта остроумная комбинация была, по-видимому, предложена неким Паулем Шмидтом, а реализовало ее немецкое акционерное общество Аргус.

Немедленно возникли споры о том, кому принадлежит честь получения авторского права на это изобретение.

Пауль Шмидт пытался отстоять свой приоритет, но в дело вмешались учреждения, подведомственные Герингу. Паулю Шмидту пригрозили арестом, и авторские права были у него отобраны.

Мы не собираемся играть роль арбитра в потасовке, разыгравшейся между нацистами. Скажем только, что к началу битвы за Лондон немецкая пропаганда приписывала «честь» изобретения «фау-1» герру Гейнцу Бунзе. Есть основания предполагать, что персонаж этот существовал лишь в воображении нацистов. Во всяком случае, никаких следов этого изобретателя после войны обнаружить не удалось.

В 1944 году несколько видных французских коллаборационистов также заявили свои права на это изобретение. В качестве доказательства они привели лишь один довод — столь гениальное изобретение могло быть сделано только французом. Это лестное для французской нации утверждение не имело, однако, успеха.

Тем не менее, еще в 1910 году некий Ренэ Лорен получил французский патент на изобретение, в котором, при желании, можно увидеть зародыш будущего «фау-1». Еще раньше, в 1867 году, Шарль до Луврие описал схожий механизм, назвав его «динамической ракетой».

Поскольку, однако, права всех этих претендентов трудно рассматривать как реальные, «высокую честь» осуществления в металле самолета-снаряда «фау-1» следует делить поровну между герром Паулем Шмидтом и акционерным обществом Аргус-Верке.

Эти имена должны быть сохранены историками, которые, без сомнения, прибавят к ним имена генерала Дорнбергера и г-на Вернера фон Брауна.

Остальные части конструкции «фау-1» не представляют собою ничего принципиально нового. Они состоят из корпуса самолета небольших размеров, в котором размещены (считая по порядку от передней части к хвосту):

1. Лаг-дальномер.

2. Детонаторная головка с контактным запалом, срабатывающим при ударе.

3. Магнитный компас.

4. Отсек взрывчатки, содержащий 600 кг смеси (в пропорции 1:1) динитробензена и нитрата аммония.

5. Резервуар, несущий 700 литров горючего.

6. Два прямоугольных крыла, обеспечивающих устойчивость в полете.

7. Два резервуара сжатого воздуха.

8. Запас сухих элементов.

9. Автопилот.

10. Стабилизатор, снабженный закрылками глубины и деривации, связанный с рулевым оборудованием машины [67].

Самолет-снаряд «фау-1» не управлялся по радио.

Автопилот вел машину со скоростью 650 км/час на высоте от 500 до 2500 метров при точности попадания в цель порядка 5 км.

Дальнобойность самолета-снаряда не превышала 300 км.

Снаряд запускался либо с пусковой площадки при помощи струи пара высокого давления (она получалась методом соединения перманганата кальция с обогащенной кислородом водой), либо «фау-1» сбрасывался с летящего самолета.

Корпус самолета-снаряда может быть изготовлен из стекла и пластических масс, что сделает его неуязвимым для радарных установок. Обыкновенная взрывчатка при желании может быть заменена атомным зарядом, который произведет несравненно более обширные разрушения.

Такое оружие — серийное, недорогое, запускаемое с самолета или выбрасываемое катапультой всплывшей подлодки — при замене взрывчатки атомным зарядом представляет собой опаснейшее оружие.

Итак, при содействии всех подпольных групп, и в частности группы Марко Поло — Промонтуар, английская противовоздушная оборона и истребительная авиация вступили в отчаянную схватку с немецким самолетом-снарядом «фау-1».

Основные события этой борьбы, решившие исход сражения на западном фронте, разыгрались в небе Англии.

Первый самолет-снаряд был запущен немцами в ночь с 13 на 14 июня 1944 года. Около четырех часов утра офицер службы оповещения английской ПВО вызвал Лондон по телефону и коротко сообщил: «водолаз» (diver)!

Этим условным термином решено было обозначать появление над Англией самолетов-снарядов. Спустя несколько часов три других «фау-1» взорвались на английской земле. Один из них угодил в лондонский квартал Бетнал-Грин и принес много бед мирному населению.

Немцы предполагали направлять на Англию 5000 «фау-1» в сутки, но бомбардировки Пеенемюнде и других узловых пунктов производства помешали этому плану.

Фактически бомбардировке подвергался лишь район «большого Лондона», и падало на него не свыше 150 самолетов-снарядов в сутки.

Теперь можно сказать с уверенностью, что обеспечь немцы намеченную цифру в 5000 машин — война на Западе была бы проиграна союзниками.

Пришлось бы начать массовую эвакуацию Лондона, морские порты были бы разрушены, операцию по высадке в Европе пришлось бы отложить на неопределенное время… Вряд ли Англия могла бы быстро оправиться после такой суммы ударов, и все усилия союзных держав оказались бы под серьезнейшей угрозой.

Даже попадание 150 «фау-1» в сутки поставило бы Англию перед рядом серьезных проблем и трудностей. По мнению Гитлера и его штаба, и этого количества было достаточно для того, чтобы полностью дезорганизовать тылы армии, готовящейся к вторжению в Европу.

В этом смысле чрезвычайно показательна листовка, которую немцы сбрасывали солдатам союзных войск, сражающимся в Нормандии. Вот ее точный текст:

«Солдаты, вы пойманы в ловушку. Как вы думаете, почему Германия выжидала после вашей высадки десять дней, прежде чем применить свое новое секретное оружие «фау-1»? Это делалось для того, чтобы заманить вас в капкан. Вы сражаетесь на полоске земли, ширина

которой была определена немецким командованием заранее. Тем временем наши самолеты-снаряды сеют разрушение и смерть в ваших городах.

Они летят на малой высоте и без промаха разят порты, которые должны снабжать вас всем необходимым. Они разрушают мосты, связывающие вас с родиной. В Англии царит паника, флот потерял подвижность, даже плавучие госпитали не выходят в море. Скоро у вас иссякнут боеприпасы. Вы сами должны найти спасение из этой ловушки.

Подумайте об этом! »

Листовка довольно точно свидетельствует, о чем мечтали немцы.

Французские фашисты с восторгом подхватили эту пропаганду. Жан-Герольд Паки и Филипп Анрио соревновались в похвалах новому немецкому чуду.

Когда Филипп Анрио был приговорен к смерти и расстрелян людьми Сопротивления, это событие было использовано немецкой пропагандой в своих интересах.

На всех стенах появились наклеенные афиши: «Он говорил правду, и за это они его убили!»

После покушения на Гитлера 20 июля французское Сопротивление ответило в тон: «Он лгал, и за это они его не убили!» Эта надпись была сделана под шаржем на фюрера.

Тем временем число жертв от самолетов-снарядов продолжало увеличиваться. Больше всего жизней унес самолет-снаряд, упавший в Лондоне на Льюисхэм Хай-Стрит; пятьдесят один человек было убито наповал и двести шестнадцать — ранено.

Немало случалось и других подобных «неприятностей». (У англичан есть им одним присущая манера преуменьшать пережитое бедствие, именуя его «неприятностью» или «осложнением». Это свойство обозначается непереводимым словом «understatement»),

В «фау-1», смертоносном роботе, было нечто ужасное.

Свидетели единогласно утверждают, что падению машины и ужасающему грохоту взрыва обязательно предшествовало мгновение зловещей тишины.

Пятьсот тысяч человек покинули Лондон, создав страшнейшие «пробки» на всех путях сообщения. Казалось, надежды фашистов сбываются. Однако в игру вошли принятые англичанами контрмеры.

Новые аэростатные заграждения были установлены в пять дней вместо предполагавшихся восемнадцати. Истребительная авиация начала изыскивать новые приемы. Некоторые пилоты научились поддевать своим крылом летящий «фау-1», вызывая взрыв снаряда над пустынной Темзой или малонаселенными пригородами.

Особенно отличался в этом опасном виде спорта летчик-француз по имени Жан-Мари Маридор, биография которого была опубликована издательством Амио-Дюмон в Париже в 1945 году.

Однажды Маридор увидел самолет-снаряд, снижавшийся над школой. Летчик направил свой истребитель прямо на «фау», протаранил его и погиб при взрыве, повторив бессмертные подвиги советских летчиков-героев.

Вскоре появились настоящие чемпионы по охоте на «фау-1». Так, например, командир истребительной эскадрильи Джозеф Барри сбил их шестьдесят штук!

Уже к концу июля 1944 года защита Лондона от «фау-1» была более или менеее налажена.

Сэр Фредерик Пайл ввел новую систему противовоздушной обороны. Воздушное пространство делилось на два концентрических круга: в большем круге была запрещена зенитная стрельба, частенько прежде сбивавшая собственные самолеты, зато было предоставлено широкое поле деятельности истребительной авиации; в меньший круг истребителям залетать воспрещалось, но над городом устанавливалась густая завеса артиллерийского огня.

Эта новая тактика была подсказана специалистами по «оперативным изысканиям». Такая новая научная дисциплина стихийно возникла в дни войны. Руководили ею глубоко штатские люди.

Были введены в действие два секретных оружия союзников: перехватчик «М-9» и ракета ближнего действия.

Перехватчик «М-9» представлял собой настоящий электронный мозг, способный определить траекторию любого движущегося в воздухе тела. Работая в сочетании с крупнокалиберной зенитной артиллерией, перехватчик «М-9» автоматически определял точку, в которой летящее тело должно оказаться через заданное количество секунд, и наводил туда орудие. Промахи случались крайне редко. Объект для «М-9» был безразличен — он с успехом сбивал обычный бомбардировщик или самолет-снаряд.

Можно сказать, что «М-9» был первым детищем новой науки — кибернетики, спустя несколько лет стяжавшей себе громкую славу.

Ракета ближнего действия представляет собой еще более удивительное создание человеческого гения. Суть ее в том, что в головку снаряда вмонтирована крохотная радарная установка. На первый взгляд это кажется совершенно невозможным: ведь любые электрические провода неизбежно порвутся от сильного толчка в момент выстрела. Но в том-то и чудо ракеты ближнего действия, что в ней проводником электрического тока, управляющего движением снаряда, являются не провода, а особая типографская краска, которой напечатана схема. Радарная установка не только выводит снаряд точно на цель, но и заставляет взорваться без соприкосновения с целью, на заданной близости от нее, обеспечивающей наибольшее разрушение.

Сочетание этих двух новых видов оружия дало англичанам возможность к концу войны уничтожать в воздухе до 75 процентов запускаемых немцами самолетов-снарядов.

Однако производство «фау-1» было организовано немцами в таких масштабах, что с избытком покрывало потери. Как показывают донесения группы Марко Поло, даже абсолютное разрушение союзной авиацией заводов «Фольксваген» незначительно замедлило темпы изготовления «фау-1». Призводство этого оружия было рассредоточено по небольшим мастерским всех европейских стран.

Почти все подпольные группы во всех странах организовывали на этих заводах саботаж и посылали донесения главному штабу союзников.

Уничтожались одни мастерские, но немцы немедленно создавали другие.

Невероятное событие произошло в ночь с 25 на 26 июля.

Бомбардировщик марки «Дакота», принадлежавший британским военно-воздушным силам, приземлился на польской территории, погрузил собранный «фау-1», захваченный героями польского Сопротивления, и благополучно доставил его в занятый союзными войсками итальянский порт Бриндизи. Отсюда его морем переправили в Англию.

Разобравшись в несложном механизме движущей трубы, английские специалисты сразу

поняли размеры нависшей над Англией угрозы. Все споры прекратились, и было решено избавиться от самолетов-снарядов наирадикальнейшим способом — захватив в свои руки пусковые площадки.

Тот, кто захочет разобраться во множестве противоречий, которыми полны все книги, написанные о войне, должен уяснить себе следующее: цели союзников в наступлении были совершенно различными [68].

Для англичан площадки запуска «фау-1» являлись объектом номер один, не терпящим отлагательства. Самым важным для французов было поскорее добраться до Парижа. Американцы стремились достичь рейнской зоны, куда их влекли деловые интересы.

Как известно, противоречия неизбежно порождают трения.

Как бы то ни было, предпринятое фельдмаршалом Монтгомери наступление должно было привести к захвату пусковых площадок.

Попутно, по требованию группы Марко Поло, был с воздуха атакован Сен-Ле, где хранились готовые «фау-1».

За этим последовала серия массированных налетов, проводившихся как английской, так и американской авиацией. Множественные налеты были предприняты в период с 28 июля по 5 августа 1944 года.

В борьбе с оружием «фау» они играли не меньшую роль, чем разгром острова Пеенемюнде.

Заключительный рейд состоялся вечером 5 августа, когда, в частности, 441 английский самолет сбросил свыше 2000 фугасных бомб на Сен-Ле, почти полностью разрушив город и засыпав хранилища «фау». (Об этом уже у поминалось в нашем рассказе).

В погребах и подземельях Сен-Ле и Эссерана кроется еще одна неразрешенная тайна. Из немецких документов явствует, что под грибными питомниками, в которых были сложены «фау-1», находился нижний этаж подземелий и в нем —

еще одно секретное оружие никому не ведомого типа.

Нельзя рассматривать это как простое предположение; слишком много свидетельских показаний полностью совпадает.

По крайней мере четыре образца оружия, о котором никто из нас не знает ничего, по-прежнему должны лежать под развалинами в нижних погребах Сен-Ле. Это — всего лишь одна из тысяч тайн, порожденных второй мировой войной. Для раскрытия ее необходимо либо найти фотокопию записной книжки Канариса, либо произвести на месте бывшего города Сен-Ле основательные раскопки.

Подробный отчет о результатах бомбардировки Сен-Ле был отправлен в Лондон сотрудниками Октава через две недели после ареста последнего. Этот же документ содержал подробное описание немецкого бомбардировщика типа Хейнкель, который был приспособлен для запуска самолетов-снарядов «фау-1» и должен был заменить разбомбленные пусковые площадки.

База этих Хейнкелей была размещена на территории Голландии, и запускаемые ими «фау-1» подходили к Англии с той стороны, где не было аэростатных заграждений. Отсюда они продолжали свою смертоносную работу еще довольно долго.

Последний по счету самолет-снаряд упал на английскую деревню Датчфорд 29 марта 1945 года, за месяц до капитуляции Германии.

Продвижение союзных войск на континенте помогло прекратить обстрел Британии оружием «фау». С этой точки зрения важнейшим событием в войне против «фау» после разгрома Пеенемюнде был прорыв германского фронта Первой канадской армией 6 апреля 1945 года в районе Армело в Голландии.

Несмотря на отчаянное сопротивление немцев, канадцы продвинулись на двадцать километров на северо-восток и достигли городка Юммело, где была размещена главная база комплектования «фау» и подготовки их к запуску.

Канадцы полностью разрушили центральные сборочные мастерские и уничтожили множество поездов с готовыми снарядами «фау-1» и ракетами «фау-2».

Нависший над Лондоном кошмар наконец-то рассеялся.

Итак, оружие «фау-1» играло значительную роль до последнего часа великой европейской битвы.

Чертежи этого оружия, как стало известно впоследствии, были ранее переданы немцами в распоряжение японских милитаристов, но там «фау-1» не привились: национальному характеру японцев гораздо больше соответствовали самолеты-смертники камикадзе [69].

14. Эпилог. Но земля их охвачена тайной войной

Но земля их охвачена тайной войной, и глубоко укрыты убийства…

Редиард Киплинг. «Одна из сторон вопроса».

Наивно было бы полагать, что все конфликты разрешены навсегда в день 8 мая 1945 года.

Хотелось бы надеяться, что настоящая, всеобщая война погибла и никогда более не воскреснет. Она изжила себя сама. Но скрытая борьба не прекращается ни на один день.

Подпольная битва не кончилась и не кончится до тех пор, пока наша Земля разделена на лагери. Это мое искреннее убеждение. Лишь начало новой, межпланетной эры может избавить человечество от войны любых масштабов, войны явной и тайной.

Когда Верн возвратился живым из Маутхаузена, ему довелось побывать в различных уголках земного шара и наблюдать там любопытные аспекты тайной борьбы. Он подумал, что рассказ об этой борьбе, увиденной глазами участника подпольной войны 1940–1945 годов, может представить для читателя известный интерес.

Чуть не ежедневно мировая пресса с дикими воплями сообщает человечеству о новых и новых «шпионских процессах».

Характер этих дел таков, что до войны ничего подобного мы не слышали.

Надо сказать, что шпионаж — отнюдь не новое изобретение. Само это явление заслуживает хладнокровного изучения без всякой примеси фантастики и романтизма. Шпионаж был широко распространен в Китае за 500 лет до Рождества Христова. Детальные указания по шпионажу можно найти в объемистой рукописи Сун-Тзу, посвященной воинскому искусству.

Множество примеров осведомительной деятельности есть и в библии, а также в

жизнеописаниях Чингис-Хана и его преемников. Средневековое слово «ассасин» обозначало тогда члена секты «хашишинов», а секта эта представляла собой мировой центр шпионажа, диверсионной деятельности и убийств по заказу.

Современная английская Интеллидженс Сервис была создана в прообразе своем двумя великими писателями — Кристофером Марло и Даниэлем Дефо.

Секретная служба и контрразведка, организованные Жозефом Фуше, были передовыми для своего времени.

Ими были выдуманы шифры и образцы тайнописи, которые остаются нерасшифрованными даже в наши дни, когда применяется несравненно более высокая техника. Некоторые кодированные записи Фуше остаются загадкой для современных специалистов.

В благословенный год от Рождества Христова 1955-ый [70] шпионаж и осведомительная служба приняли еще больший размах.

Таковы особенности нашей эпохи.

Развитие науки и техники в наши дни достигло такой степени, что ни одно, даже самое фантастическое предположение нельзя отвергнуть априори.

Мне представляется, что в наши дни не существует «чистой науки»; любое научное достижение может рассматриваться с точки зрения его пригодности к решению военных задач.

В Соединенных Штатах военная организация Рэнд изучает теорию «боевых игр», таких как шахматы, шашки, трик-трак, покер. Исследователей интересуют все виды мозговой деятельности, в которых человеческие индивидуальности сталкиваются между собой. Изучая механизм этих столкновений, ученые стараются предвосхитить возможность создания счетно-электронных машин, способных

предугадывать движения противника.

Быть может, в будущем появится робот-главнокомандующий, автомат с электронным мозгом, дающий приказы армиям, разбросанным не только на земном шаре, но и на поверхности других планет…

Углубленное изучение структуры фарфора позволило ученым создать новые керамические составы, по твердости превосходящие алмаз. Открытие было использовано для оснащения автоматических станочных линий. В результате значительно увеличилось производство танков и самолетов, да и невоенная промышленность получила немалые выгоды.

Все взаимосвязано в нашем мире.

В Соединенных Штатах специалисты химической компании Дюпон-де-Немур искали состав, уничтожающий травяную поросль на теннисных кортах. Были изготовлены вещества, названные СМУ и «24-Д»; несколько килограммов такого состава, распределенные тщательно и умело, могли бы уничтожить весь зеленый покров Земли.

Разумеется, каждая страна утверждает, что всякого рода изыскания ведутся лишь в мирных целях.

Можно предложить нашим читателям ознакомиться с работами г-на Гастона Бутуль. Этот ученый французский юрист впервые рассматривает войну как «психологическую реальность». Он создал новую науку «полемикологию», которую можно назвать также «наукой моральной войны». Следует отметить, что пока новоявленная дисциплина еще не

развернулась настолько широко, что может избавить человечество от войн.

Когда-нибудь войны неизбежно исчезнут примерно так, как исчезают у нас на глазах венерические болезни. До тех пор, однако, нельзя забывать о возможных столкновениях.

А во время войны жизнь любого из нас зависела от того, своевременно или несвоевременно посылал свое донесение тайный агент. Постараемся же несколько подробнее во всем разобраться. Во-первых, не следует путать понятия «шпионаж» и «осведомление». Сведения собираются не только методами шпионажа. Они черпаются также из книг и газет, из радиопередач, даже благодаря изучению образчиков товаров, привезенных из-за границы.

Собранные такими путями известия необходимо

расценить и синтетически

обобщить. Это и есть наиболее трудная участь работы.

Обычно она выполнялась офицерами высокой квалификации, которым помогали ученые и специалисты.

Затем руководитель осведомительной службы должен был уговорить свое правительство в том, что сделанные им обобщения имеют первостепенное значение. По этой способности уговаривать узнавались крупные руководители секретной службы. Непревзойденным мастером в этой области являлся м-р Аллан Фостер Даллес: из его выступлений следовало, что все мы обязаны сохранением наших жизней ему одному.

Итак, для получения сведений служили либо радиопередача, либо газета, либо привезенный из-за границы предмет, либо, наконец, хорошо осведомленный информатор.

При случае такой информатор мог оказаться офицером разведки, замаскированным под безобидного обывателя.

Иногда он мог чрезвычайно высоко располагаться на служебной лестнице.

Недавно во Франции уборщица одного из министерств была привлечена к ответственности за то, что вытаскивала из мусорных урн выброшенные туда бумаги… На суде ей удалось доказать, что бумаги эти ею использовались самым прозаическим образом, и она была оправдана…

Откуда получает осведомитель передаваемый им материал? Повседневная, будничная жизнь для наблюдательного человека насыщена интересными слухами, обрывками сведений, сплетнями.

Осведомитель подбирает их воедино, связывает, истолковывает, расценивает по-своему (чаще всего — подчеркивая собственные заслуги) и, наконец, переправляет материал в почтовый ящик.

Переснятый на микропленку крохотного размера (такую, что без микроскопа разобраться невозможно) или переданный в зашифрованном виде по ультракоротковолновым передатчикам, рапорт попадает в руки офицера разведки. Перед этим офицером возникает сложная задача — отобрать достойное доверия от невероятного, возможное от невозможного, заслуживающее внимания — от простой болтовни. Трудность заключается в том, что в наши дни невозможного почти не существует. Границы возможного фантастически расширились.

Поставим себя на место этого офицера и попробуем оценить полученный материал, пользуясь десятибалльной системой. Нереальное обозначим нулем, достоверное — 10.

Предположим, что вы работаете в разведке страны X, которая живо интересуется делами всех стран мира. Итак:

Американцы установили контакт с обитателями другой планеты. Маловероятно, но отбрасывать полностью нельзя. Слухи о «летающих блюдцах» свежи в памяти, кто-то пытался изобразить их вестниками с пролетевшего межпланетного корабля. Поставим: 1.

Русские выработали метод телепатической связи друг с другом. Маловероятно, но сходные случаи рассматривались на конгрессе парапсихологов в Утрехте. Ставим: 1.

Германия, обманывая контроль союзников, вырабатывает в Гамбурге радиоактивное оружие — «песок смерти».

Приводятся уточнения, и подробности. Ставим — 6. Еще кое-какие дополнения, и придется поставить 10.

Два американских ученых, нашли способ использования солнечной энергии. Полгода назад надо было бы поставить 10, но недавно подобное сообщение появилось в серьезном журнале. Дать выговор осведомителю.

Русские открыли метод ликвидации земного притяжения.

Вернее всего — 1, но отбрасывать полностью нельзя; вполне может со временем подняться до 10.

Англичане ведут работу над газом, укрепляющим нервную систему. Эксперименты на добровольцах.

Вполне вероятно и интересно. Ставим: 7.

Французы создали сверхзвуковой самолет, достигающий скорости в 3000 км/час. Серийное производство не налажено.

Очень похоже на дело, можно ставить: 9.

Синтезирование агентурного материала требует умения тонко отличать

невероятное от невозможного.

Принимать на веру непрерывный поток сообщений тоже не представляется возможным.

Для того чтобы убедить массы чужих народов в преимуществах своего строя, американская пропагандистская машина содержит повсеместно огромный штат людей. Число осведомителей американской разведки во всех западных странах чрезвычайно велико.

Весьма возможно, что поставляемый ими материал в значительной степени носит несерьезный, фарсовый характер. Над этим уже острили некоторые журналисты.

Современному государству бывает проще самому разрешить научную проблему — скажем, эффект от бомбардировки нейтронами ядра плутония, — чем с огромными трудностями получить через осведомителя некие цифры, которым к тому же нельзя полностью доверять…

Предположим, что нашим агентам удалось выкрасть весь комплекс проекта атомной подводной лодки, который был любезно собран в одно место. Допустим, вам это удалось, хотя объем этих материалов равняется трехэтажному дому.

Что вы будете делать с ним? Ведь все, решительно все данные вам придется

добросовестнейшим образом проверять… Не покажется ли вам, что проще махнуть рукой… и построить собственную атомную подлодку по своим собственным чертежам и расчетам?

Существуют страны, где интерес к науке, признаваемой в других странах (например, месмеризму), может повлечь за собой угрозу свободе, а то и жизни человека. Все двери закрываются перед ним.

В других странах жестоко карается даже простое любопытство, проявленное к неодобряемым занятиям «метапсихического» типа.

Самый поверхностный интерес к «мистике» может разбить научную, техническую или военную карьеру.

Так возникает тайна. Знание того, что профессор Икс тайно занимается спиритическим столоверчением, что доктор Зет интересуется явлениями квантового резонанса в органической химии, а мистер Игрек хочет знать наверное, существовала ли Атлантида, приобретает для разведчика-резидента первостепенное значение.

Это для него гораздо важнее, чем список двадцати атомных баз или чертежи нового истребителя, летающего со сверхзвуковой скоростью. Совершенно понятно: список атомных баз легко будет составить, просмотрев стенографический отчет прений в американском конгрессе, а чертежи истребителя в ближайшее время могут появиться в швейцарском авиационном журнале «Интеравиа».

Мне удалось наблюдать, что причуды, странности, привычки приобретают огромное значение. Иногда умелое использование подобных факторов влекло за собой таинственное исчезновение ученых и дипломатов, дезертирство военных высокого ранга, а то и политический дворцовый переворот…

В тайных картотеках прежнего времени резидент отмечал лишь «явные» пороки интересующих его персонажей — страстишки и обременяющие их долги. В современную картотеку вносятся «ненаказуемые пороки», которые правильнее было бы называть невиннейшими склонностями. По определению Валери Ларбо, таким «пороком» является, например, страсть к чтению.

И здесь осведомительная работа вступает в неисследованную и увлекательнейшую область.

Всякое необычное занятие, всякая оригинальная склонность рассматриваются с некоторых пор как подозрительные. Через любые препятствия может протянуться незримая нить, основанная на общности интересов. Начинается с коллекционирования, а кончается бегством ученого или политическим переворотом…

Область чудачеств, причуд, человеческих странностей — вот где в наши дни ведется работа осведомителей и резидентов.

Классическому шпиону доброго старого времени здесь делать нечего. Еще Эдгар По писал в «Украденном письме»:

«Префект называл

странным все то, чего он не понимал. На протяжении всей жизни он был неизменно окружен легионом странностей».

Американцы недавно реорганизовали свои разведывательные бюро и управления по психологической войне.

Всем их работникам предписано читать научно-фантастическую литературу. Они старательно

изучают заброшенные материалы американского Фортейского общества. Эта любопытная организация занималась исследованием лишь тех гипотез и предложений, которые были

отвергнуты наукой.

Англичане заняты пополнением своих тайных картотек по психологической части, с акцентом на «хобби» [71].

Дело острова Пеенемюнде дало службам информации ценный урок; оно показало, что ничего нельзя отвергать без проверки, ибо

невозможного не существует.

В силу этого дело Пеенемюнде не утратило интереса даже и в наши дни.

15. Послесловие. Возвращение Верна

Самое удивительное в чудесах это то, что они иногда случаются…

Джильберт Честертон.

Ни один из нас ни минуты не рассчитывал остаться в живых. Освобождение, пришедшее к нам 5 мая 1945 года, было для нас полнейшей неожиданностью.

Я никогда не забуду реакции одного своего лагерного товарища, русского. До войны у себя на родине он был крупным специалистом по антирелигиозной пропаганде. Увидев, как на холм Маутхаузен поднимается первый американский джип, товарищ проникновенно воскликнул: «Слава тебе, господи!..»

Нас развезли по домам очень быстро, хотя возвращение на родину из других лагерей обычно тянулось долго и томительно.

Английский генерал Суинтон Ли был адъютантом Эйзенхауэра, ведавшим вопросами, касающимися французского штатского населения. Он обратился к главнокомандующему и попросил за нас. Последовало распоряжение — и все узники Маутхаузена, которые еще держались на ногах, были репатриированы на «летающих крепостях» в один день, 19 мая 1945 года.

Все еще ощущая себя в фантастическом сне, я оказался на рассвете 19 мая 1945 года в Австрии, на аэродроме Хейнц.

«Летающая крепость», присланная за нами, прибыла непосредственно из Рангуна. Экипаж самолета ничуть не был этим взволнован.

— Война-то ведь мировая, не так ли? — сказал мне бортрадист.

Он тут же передал от моего имени срочное шифрованное послание штабу союзников в Реймсе, а затем принялся показывать мне радарное оборудование самолета. Я обнаружил там несколько новшеств, которых не думал увидеть по крайней мере до 2000-го года.

Пока мы ожидали прибытия американских самолетов в полевом лазарете, наскоро организованном в Маутхаузене, нам довелось ознакомиться с действием пенициллина. За те

пять лет, что Франция была отрезана от мировой культуры, многие отрасли науки продвинулись вперед на сто лет.

Меня пронзила сумасшедшая мысль: а вдруг уже добыта атомная энергия?..

Радист посмотрел на меня с любопытством.

— Об этом поговаривают, — сказал он нехотя. — Дело оно секретное, но разговоры идут…

Я вспомнил эту фразу в день Хиросимы, спустя несколько месяцев. Тогда я ощущал одно: мое путешествие в Маутхаузен оказалось одновременно путешествием в недра Времени.

Летающая крепость оторвалась от земли и ушла в воздух. Это был мирный полет без всяких мер предосторожности.

Прошло всего одиннадцать дней со дня капитуляции Германии, но в Европе уже не существовало никакого сопротивления силам союзников. Через несколько часов я очутился в Париже, на бульваре Мадлен. Еще накануне вечером я был в Маутхаузене, где провел год. Если бы мне когда-нибудь сказали, что я буду шагать по парижскому асфальту в своей лагерной одежде, я счел бы это абсолютно бессмысленной фантазией.

Поэтому и окружавший меня Париж показался мне фантастическим, словно возникшим из сказки. К действительности меня вернула собравшаяся толпа; люди окружили изможденного человека в полосатой одежде и задавали ему вопросы…

Я кое-как удовлетворил естественное любопытство парижан и устремился в метро. Через несколько минут я был уже в том месте, которое нежно любил перед войной, да и после войны тоже, — в американском книжном магазине Брентанос на авеню де л'Опера, 37.

С меня ни за что не хотели брать денег, я с трудом убедил продавцов, что деньги у меня есть, и ушел, нагруженный толстыми пачками газет и журналов.

Усевшись на скамейку в саду Тюильри, я долго старался примирить действительность 1945 года с тем мрачным миром, который покинул год назад.

Муссолини повешен, Гитлер таинственно исчез [72].

Готовился гигантский десант на территорию Японии.

Обсуждались условия капитуляции германских войск, блокированных на острове Олерон и во французских городах на Атлантике.

Прочитав это сообщение, я подумал, что сошел с ума. Неужели война еще не кончилась? К счастью, стратегический обзор в английском «Таймсе» разъяснил мне природу укрепленных «карманов», в которых еще держались немецкие войска на атлантическом побережье.

Научные и технические статьи меня совершенно ошарашили.

Один бойкий автор утверждал, что из грибов может быть извлечена чудодейственная субстанция, излечивающая человечество от разнообразных болезней. В частности, автор предсказывал полное исчезновение болезней венерических.

В Маутхаузене я слышал о пенициллине, но, лишь прочитав множество статей, понял, что речь идет о видоизменении известного мне открытия, сделанного сэром Александром Флемингом.

Народилась новая химия веществ промежуточных между органическими и минеральными —

химия силиконов.

Геликоптер или вертолет, в 1940 году признанный экспертами теоретически невозможным, ныне выпускался Соединенными Штатами в серийном порядке.

Электроника добилась фантастических успехов.

Очевидно было, что цензурные ограничения оставляют в тени вопросы, связанные с расщеплением ядра.

В общем, мне показалось, что я попал в какой-то нереальный мир, в научно-фантастический роман 2000-го года, ушедший бесконечно от той жизни, к которой я привык…

Чтобы пополнить свое образование, я приобрел несколько политических еженедельников и десяток французских газет.

Оказывается, женщинам во Франции было предоставлено право голосовать на выборах

Коммунисты вошли в правительство и стали у власти.

Лаваль и Петэн ожидали суда.

Временное законодательное Собрание начало заседать в Люксембургском дворце, но собиралось покинуть его: слишком велика была боязнь немецкой мины замедленного действия, которая могла быть заложена где-то под ним.

В самой Франции, в частности в Эльзасе, немцами в свое время были созданы лагери смерти, такие же чудовищные, как тот, из которого выбрался я.

Я вернулся к американским газетам. Увы, Рузвельт действительно умер, в этом немецкая пропаганда не солгала.

Была разработана технология серийного производства катодных трубок. Это значило, что телевидение в скором времени будет распространено не менее, чем телефон.

Я натыкался на множество непонятных терминов.

Что такое «Объединенные нации»? Я этого не знал.

Через каждые три строчки в газетах упоминался какой-то «невидимый кролик Харви»… Кто это такой? Я не мог знать, что речь идет о фильме и пьесе, которые прогремели по всей Америке и теперь пришли во Францию. Невидимому кролику Харви суждено было и здесь стяжать не меньшую популярность.

Что произошло на Окинаве и Иводзиме? Кто этот Тито, такая важная персона в Югославии? Что это за порошок ДДТ, на который возлагалось столько надежд; утверждалось, что без него мировая война сопровождалась бы страшными эпидемиями?

И тут только я внезапно окончательно понял, что я не в лагере, что лагеря больше нет. Я в городе, где нет ни комендантского часа, ни светомаскировки. Я свободен. Я могу сидеть на бульваре и размышлять, стараясь понять происшедшее. Если мне захочется, я могу сидеть так всю ночь, и никто не загонит меня в барак…

Вероятно, я внезапно резко побледнел. Женщина, сидевшая на скамье рядом со мной, тревожно спросила:

— Мсье, хотите я провожу вас к доктору?

Я поблагодарил и тихонько двинулся к родительской квартире на улице д'Асса. Я застал своих в слезах, они были уверены, что я валяюсь без чувств где-то на парижской мостовой…

Разумеется, выходить в том состоянии, в котором я прибыл, было чистейшим безумием. Однако в то время разница между мудростью и безумием была для меня чрезвычайно туманной.

Отец успел срезать пломбы с телефонного аппарата, и звонили непрестанно. На столе накопилась толстая пачка конвертов, привезенных курьерами на мотоциклах и велосипедах, военными и штатскими. Распечатав их, я узнал множество новостей, касавшихся меня лично. Лондонский муниципалитет сообщал, что одна из улиц названа моим именем. (Впоследствии я отказался от этой чести и просил присвоить этой улице имя погибшего товарища, Рене Пелле),

Я узнал, что возведен в звание капитана новой французской армии, что получил множество орденов от различных правительств, что генерал Эйзенхауэр и генерал де Голль были бы рады повидать меня, что специальная американская экспедиция, собирающая данные о немецком секретном оружии, просит меня сотрудничать с нею…

Историю этого сотрудничества можно прочесть в книге профессора Гудсмита «Миссия Альсос».

Около полуночи родители уговорили меня лечь.

Когда я засыпал, на экране памяти огненными буквами всплыли два латинских слова:

МАГНА МАТЕР.

С ними я заснул и, лишь проснувшись утром, вспомнил их значение. В древнем Риме существовал тайный религиозный культ Великой Матери. Всякий новый адепт, приобщаясь к тайному культу, должен был принять кровавое крещение.

Если он оставался жив, его считали родившимся заново.

Именно это и произошло со мной.

Об авторе

Жак Бержье родился в 1912 году. (в Одессе —

В.К.) Учился в Сорбонне и Высшем национальном химическом училище. Инженер-химик, кандидат наук. С 1934 года по 1939 год работал в лаборатории профессора Андрэ Эльброннера над проблемами влияния тяжелой воды на ядерные процессы. Синтезировал полоний на основе висмута и «тяжелого водорода». С начала войны сражался в войсках Сопротивления. В 1944 году был арестован и сослан в лагерь смерти Маутхаузен. После освобождения награжден высшими орденами Франции и многими иностранными орденами, в том числе и советскими, за крупные успехи в деле уничтожения немецких «фау» на острове Пеенемюнде. После окончания войны вернулся к научной работе. В 1947 году получил патент на электронное управление охлаждением при реакторных процессах. Последняя из опубликованных научных работ касается математического анализа цепной реакции при массе урана, не достигающей критической. Избран членом Нью-Йоркской Академии наук. Член-учредитель Французской Ассоциации научных писателей. Автор восьми книг. (До своей смерти в 1978 году профессор Бержье написал в общей сложности свыше тридцати книг, из

которых на русский язык были переведены «Промышленный шпионаж» и знаменитое произведение «Утро магов» — в соавторстве с Луи Повелем. —

Виталий Крюков.)

Примечания

1

Интересна также книга Ж. Дюбуа «Генералы в пиджаках».

2

Известный автор авантюрных романов.

3

Промышленники, чудовищно разбогатевшие на сделках с оккупантами

4

По-немецки — W W J: wirtwichtiger Jude

5

Когда бомбардировочная авиация немцев стерла с лица земли английский город Ковентри, нацистская пресса, захлебываясь от восторга, обещала «ковентрировать» Британские острова полностью.

6

См. Альсос. «Битва за тяжелую воду», книга и сделанный по ней фильм.

7

За несколько лет до Черчилля эту фразу сказала Долорес Ибаррури. (Примечание автора).

8

Джек Даймонд был преемником знаменитого Буффало Билла, создателя циркового концерта на тематике «дикого Запада».

9

Г-н Бедо — профашистский мэр города Лиона.

10

ВИП — «Very important person». По-русски переводится приблизительно так: ОВЛ — «Очень важное лицо».

11

Андре Моруа — известный французский писатель и литературовед.

12

Бернар де ля Палис — средневековый полулегендарный маршал и коннетабль Франции, вошел в историю благодаря своей любви к непреложным истинам. В одной старинной песенке говорится: «М-сье де ля Палис очень тяжко заболел, но сообщил уверенно: за полчаса до смерти он еще будет жив!»

13

Сложный термин, заимствованный теософами из индийских религиозных вероучений. В основе кармы лежит доктрина о том, что всякое человеческое деяние награждается или наказывается в этой жизни или одной из последующих. Понятие кармы часто применяется в связи с «метемпсихозой» или учением о переселении душ.

14

Французский аристократ и полководец, сражавшийся на стороне американцев в войне за независимость.

15

Командующий американскими армиями в Европе в первую мировую войну.

16

По-французски «Forces francaises Claudestines». Впоследствии были переименованы в FFI (ФФИ) «Forces francaises de l'Int?rieur», Внутренние Вооруженные Силы. В книге имеется фотокопия с воинского удостоверения. Согласно этому документу (№ 23143) капитан Бержье (Жак) мобилизован 24 февраля 1943 года и демобилизован 19 мая 1945 года. Имеются отметки о многочисленных награждениях.

17

Уже в январе 1943 года Монроз организовал в Компьенском лесу подслушивание германских телефонных разговоров, которое оказалось для нас чрезвычайно полезным. Устройство было подключено к телефонным кабелям. (Примечание автора).

18

По-французски: «L'heure H du Havre» (3 аш).

19

Это название дано в честь химических заводов в Оппау. (Примечание автора).

20

По-немецки: Blindenheim («блинденхайм») — приют для слепых.

21

Отто Скорцени — видный эсэсовец, один из самых кровавых головорезов Третьей империи. Организовал похищение Муссолини, собственноручно привел в исполнение сотни смертных приговоров. В наше время в Западной Германии пишет мемуары, первый том которых уже вышел из печати. (Примечание переводчика).

22

BCRA — Центральное бюро действия и разведки в Лондоне.

23

Жозеф Дарнан был министром внутренних дел в правительстве Виши. Он создал пресловутую дарнановскую «милицию» из французских фашистов, которая не уступала немецким эсэсовцам ни в кровожадности, ни в безжалостности. Жертвы ее исчисляются десятками тысяч. Крессель, ведая в Виши «вопросами труда», посылал французов в Германию, а Филипп Анрио был фашиствующим публицистом и доносчиком. После освобождения все трое были казнены, ибо не имели решительно никаких оправданий своей кровавой деятельность (Примечание переводчика).

24

См. Х. Гискес. «Лондон вызывает Северный полюс». (Примечание автора). Русский перевод — «Операция «Северный полюс», Центрполиграф, М., 2004. (В.К.)

25

Французская Федерация юных разведчиков — буржуазная молодежная организация

скаутского типа, имевшая до войны огромное распространение.

26

От французского «S'il vous plait» («если вам угодно»). Под этим подразумевали самые неожиданные предметы, не относящиеся к деятельности какого-нибудь из секторов.

27

Ипекакуана — рвотный корень.

28

Одна из излюбленных пыток гестаповцев, которую у них переняли дарнановские милиционеры: связанную жертву заставляют захлебываться в ванне. Когда она теряла сознание — ее откачивали и топили снова (см. книгу Пьера Дэкса «Убийца нужен»). (Примечание переводчика).

29

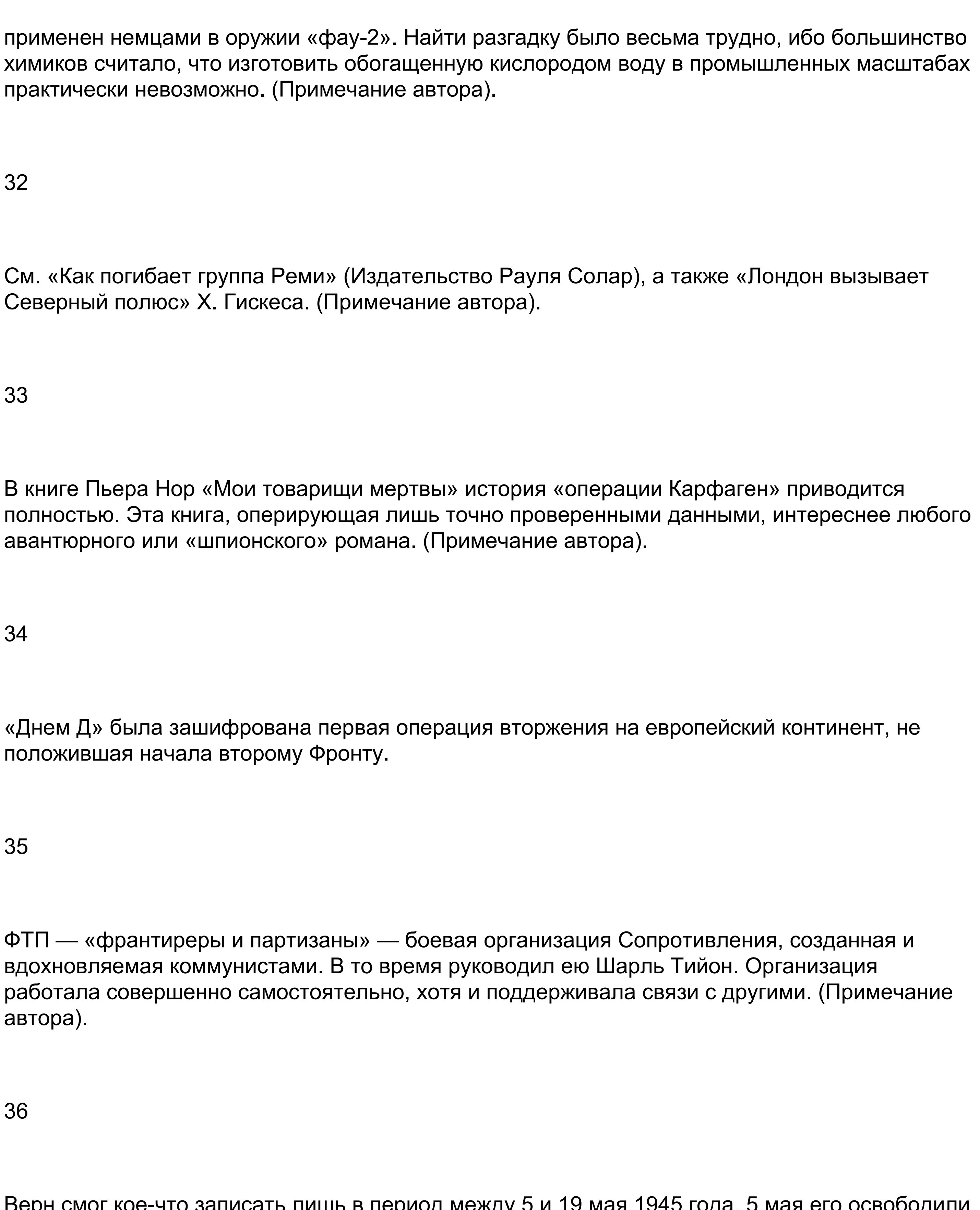
Подлинность этой истории была впоследствии подтверждена разоблачениями гг. М. Боттаи и Паоло Монелли, которые специально изучали последние дни фашистского режима в Италии. (См. статью г. Мориса Вассара в «Ревю де Де Монд» от 1 апреля 1950 года). (Примечание автора).

30

По другой версии генерал Йешонек после налета остался жив, но покончил с собой, получив на то прямой приказ от Гитлера. (Примечание автора).

31

Эта тайна была разъяснена лишь после окончания войны. Химическая реакция перманганата поташа с ультраконденсированной, обогащенной кислородом водой выделяет огромное количество тепловой энергии, мгновенно обращающейся в пар. Этот же принцип запуска был

применен немцами в оружии «фау-2». Найти разгадку было весьма трудно, ибо большинство химиков считало, что изготовить обогащенную кислородом воду в промышленных масштабах практически невозможно. (Примечание автора).

32

См. «Как погибает группа Реми» (Издательство Рауля Солар), а также «Лондон вызывает Северный полюс» Х. Гискеса. (Примечание автора).

33

В книге Пьера Нор «Мои товарищи мертвы» история «операции Карфаген» приводится полностью. Эта книга, оперирующая лишь точно проверенными данными, интереснее любого авантюрного или «шпионского» романа. (Примечание автора).

34

«Днем Д» была зашифрована первая операция вторжения на европейский континент, не положившая начала второму Фронту.

35

ФТП — «франтиреры и партизаны» — боевая организация Сопротивления, созданная и вдохновляемая коммунистами. В то время руководил ею Шарль Тийон. Организация работала совершенно самостоятельно, хотя и поддерживала связи с другими. (Примечание автора).

36

Верн смог кое-что записать лишь в период между 5 и 19 мая 1945 года. 5 мая его освободили из лагеря Маутхаузен, а 19 отправили в Париж на самолете. Записи были сделаны как рапорт французским властям и отчет о деятельности автора от 1940 до 1945 года. Бумаги не было. Записи были сделаны на полях библии, одолженной Верну американским военным священником-католиком, а в Париже были продиктованы машинистке. Приводимый ниже дневник является серией выдержек из того документа. Подлинник изобилует военной информацией, исповедями умерших в лагере, техническими данными. Он содержит нечто вроде научного завещания Верна. Поэтому приводить его полностью излишне. (Примечание автора).

37

Сокращение от «коллаборационист» — сотрудничающий. Так называли французов, стремившихся мирно существовать под немецким игом, работая на немцев.

38

Фраза заимствована из авантюрного романа Синтэра и Стеемана «Тринадцатый удар полуночи», вышедшего в детективной серии «Маска». Значение не установлено. (Примечание автора).

39

Марсель Дэа — видный коллаборационист и немецкий агент, журналист по профессии. Фраза о Чайковском не раз приводилась Дэа в статьях, в которых он призывал примириться с оккупацией.

40

Лео Шлагетер — немецкий диверсант, в 1923 году расстрелянный французскими оккупационными властями. При Гитлере из Шлагетера, наряду с Хорстом Весселем, сделали задним числом любимого национального героя.

41

«Второе Бюро» Генштаба — контрразведывательное управление французской армии. В конце тридцатых годов его функции были переданы вновь организованному «Пятому Бюро», но прежнее название еще долгое время держалось. (Примечание переводчика).

42

Этот любопытный персонаж дожил до освобождения Лиона и лишь после этого был расстрелян солдатами ФФИ. (Примечание автора).

43

Классическая фраза «Mort aux vaches» обозначает буквально «смерть коровам». Коровами именуются полицейские и вообще все представители власти. Под этот клич проходили все французские революции и уличные беспорядки (см. «Кренкебиль» Анатоля Франса). (Примечание переводчика).

44

В частности, см. немецкий журнал «Документы» № 7. Легенда о Канарисе, якобы работавшем на союзников, была распространена его бывшими сотрудниками, желавшими укрепить свое положение после окончания войны. Эта версия полностью вымышлена. (Примечание автора).

45

От немецкого «Komm, komm!» — «Иди, иди!»

46

По-немецки — «извините меня». Верн нарочно говорит с французом предателем по-немецки.

47

По-французски «шесть носовых платков» — «six mouchoirs», а «6 марта» — «6 Mars». Людям свойственно принимать желаемое за реальность.

48

Поэтом этим был Андре Ульманн. Обе поэмы, числящиеся среди лучших стихов Сопротивления, были напечатаны в журнале «Эспри» в июне 1945 года. (Примечание автора).

49

См. книгу Бернарда Ньюмэна «Они спасли Лондон» и Гарри С. Бетчера «Три года с Эйзенхауэром». Любопытно также, что американские специалисты по новым видам оружия дважды дали отрицательное заключение о возможности создания атомной бомбы. Бомба была создана не военными, а штатскими, как явствует из сообщения английского журнала «Обсервер» от 4 октября 1953 года. (Примечание автора).

50

Подробный отчет, снабженный фотокопиями, об этом заседании можно найти в книге г. Эммануеля д'Астье де ля Вижери «Боги и люди», выпущенной издательством Жюллиар в 1952 году. (Примечание автора).

51

Верну снова удалось передать послание из форта Монлюк на свободу своим товарищам. В результате северная группа Канариса в Англии была полностью уничтожена. Это была весьма удивительная организация. Среди ее «новинок» был некий карлик, которого переносили в чемодане с диверсионными целями (см. журнал «Констеллешен», октябрь 1953 года. (Примечание автора).

52

«Ночь и туман» (по-немецки «Nacht und Nebel» или сокращенно NN) было условным обозначением для людей, которые направлялись в лагери уничтожения секретно и безыменно, без права переписки. (Примечание переводчика).

53

Как редактор и составитель одного специального издания по вопросам электронной техники, Верн пользовался некоторой известностью в кругах немецких физиков. Он был также переводчиком трудов профессора фон Арденна на французский язык. (Примечание автора).

54

Память Верна действовала безошибочно. Свидетели подтверждают все, а один из очевидцев даже описал эту сцену (полковник Реми в книге «Сжатые руки»). В бесчисленных лагерях

непрерывно совершалось то, что превосходит всякое вероятие. Предел человеческой живучести никем не обоснован теоретически. Никто не занимался физиологией заключенных, никому не пришло в голову даже снять электроэнцефалограмму у только что освобожденного человека. Не будучи ни биологом, ни медиком, автор может лишь свидетельствовать, не приводя никаких научных объяснений. См. также книгу Ольги Вормсер и Анри Мишеля «Трагедия заключенных». (Примечание автора).

55

Персонал маленького лагеря уничтожения Нейе Бремме состоял из тридцати трех эсэсовцев. После окончания войны удалось разыскать тридцать два. Их судили в Раштатте, и из тридцати двух подсудимых было расстреляно двадцать семь. (Примечание автора).

56

Все эти подробности подтверждаются протоколами судебных заседаний в Раштатте. Персонал охраны был навербован среди жителей Саара, и внешне они производили впечатление самых нормальных людей. (Примечание автора).

57

RAF расшифровывается как Royal Air Forces — Королевские Воздушные Силы. Так официально именовалась британская авиация.

58

Жи — J, буква французского алфавита. Так был зашифрован союзниками день вторжения во Францию, положивший начало второму фронту.

59

Все подробности этого разговора были рассказаны Верну в лагере Маутхаузен одним из адъютантов Канариса, арестованным после 20 июля. Надо было обладать невероятной тупостью и самовлюбленностью Гитлера, чтобы полагать, что в 1944 году, при открывшемся втором фронте, с русскими можно будет «договориться»… Военные договоры с обязательством бороться до полной победы уже были подписаны Советским Союзом. Очевидно, в вопросе о соблюдении обязательств Гитлер судил по себе…

60

Последние сомнения «специалистов» улетучились, по-видимому, лишь летом 1944 года. В июле английский самолет ухитрился приземлиться на территории оккупированной Польши. На него погрузили самолет-снаряд «фау-1» в собранном виде, который польским героям Сопротивления удалось с неимоверными трудностями похитить прямо с пусковой площадки. Его доставили в Лондон, и лишь тогда господа эксперты согласились с тем, что машина полностью соответствует описанию, составленному нами в 1942 году! (Примечание автора).

61

Даже после 10 июня 1944 г. скептики еще не разоружились полностью. Комиссия генералов, снимающая людей с противовоздушной обороны Лондона для использования их в других местах, продолжала работать полным ходом. Это легко увидеть из книги генерала сэра Фредерика Пайла. (Примечание автора).

62

Интересно отметить, что некоторые отзвуки этой ядовитой песни Канариса можно услышать еще и в наши дни!

63

В 1954 году Верн писал этот раздел своей книги.

64

АМГОТ — Gouvernement militaire allie en Italie. Так называлась военная власть, установленная англосаксами на территории освобожденной Италии. (Примечание автора).

65

Сапермэн (супермен, superman — сверхчеловек), один из любимых персонажей американских авантюрно-фантастических романов, пользовавшийся широкой известностью в сороковых

годах.

66

Бэйб Рут и Джо ди Маджио — знаменитые бейсболисты, чрезвычайно популярные в Америке. О ди Маджио есть несколько упоминаний в хэмингуэевском «Старике и море». Кролик-невидимка Харви — один из новых персонажей диснеевских фильмов.

67

Все эти подробности заимствованы из донесения Верна. Если они покажутся кому-нибудь чересчур отрывочными, можно обратиться к другим источникам, например: автор Фрэнд Иллингворт, «Ситизен Пресс», Лондон, 1945, «Реактивная бомба «фау-1», автор А. Ананов, «Документы современного воздухоплавания», документ № 2–11–02 (изд. Блондель и Ружери, Париж, 1945), «Воздушные операции и устройства, применявшиеся при обороне Великобритании от германских самолетов-снарядов и ракет», автор — маршал авиации сэр Родерик Хилл, 1948 год. (Примечание автора).

68

См. книгу американского журналиста-обозревателя Ральфа Ингерсолла «Совершенно секретно». (Имеется русский перевод).

69

Камикадзе (буквально — «священный ветер») — изобретенная японскими фанатиками-милитаристами разновидность воздушной войны. Груженный бомбами самолет уходил в воздух, оставляя на земле шасси. Летчику не оставалось ничего другого, как возможно дороже продать свою жизнь. (Примечание переводчика).

70

Когда писались эти страницы.

71

Хобби — англосаксонское понятие, равнозначащее нашим «причуде», «фокусу». Английский премьер-консерватор лорд Болдуин, например, со страстью занимался свиноводством. (Примечание переводчика).

72

Лишь спустя несколько дней были схвачены эсэсовцы, сжигавшие тела Гитлера и Евы Браун, покончивших самоубийством. Они показали местонахождение останков, и обгоревший череп фюрера был опознан его дантистом по зубам.